

Гемриил Рахмилов

Дербент родной

Поэтические сочинения

КНИГА 3 серии «Горские евреи»

Издательство
Литературного объединения
горских евреев России

Москва
2023

УДК
ББК
Р

Рахмилов Г.И.

Дербент родной. Поэтические сочинения. Книга 3 серии «Горские евреи». — М.: Издательство Литературного объединения горских евреев России/ИП Гусейханова В.В., 2023. — 304 с., ил.

Третья книга серии является сборником, включающим 300 избранных сочинений из поэтического творчества автора. Вниманию читателя — разнообразие сюжетов и тем, национальный колорит и интернациональная палитра, любовная и гражданская лирика, тексты песен, посвящения от представителя коренных народов Дагестана, а также несколько произведений на родном языке автора — джуури.

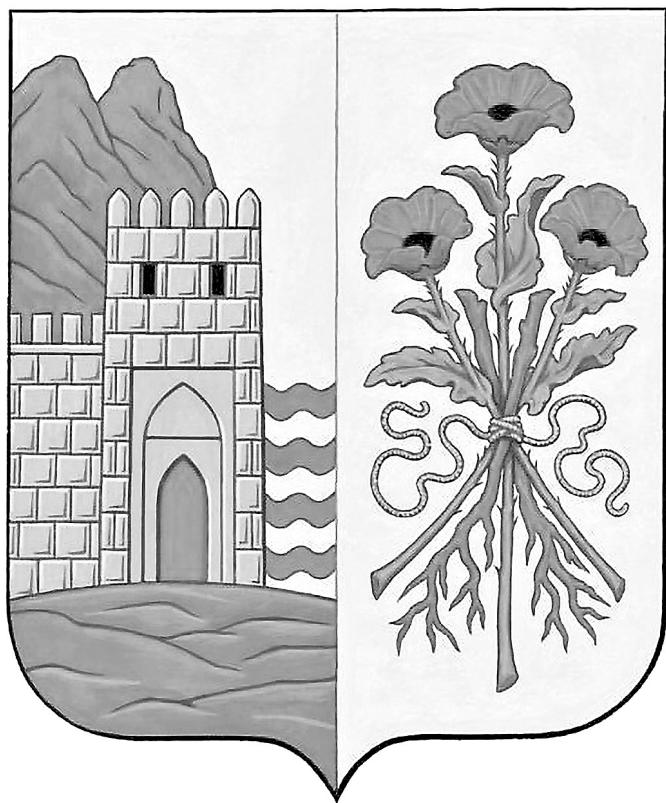
ISBN

***Обратная связь
с автором:***

gemriil@mail.ru

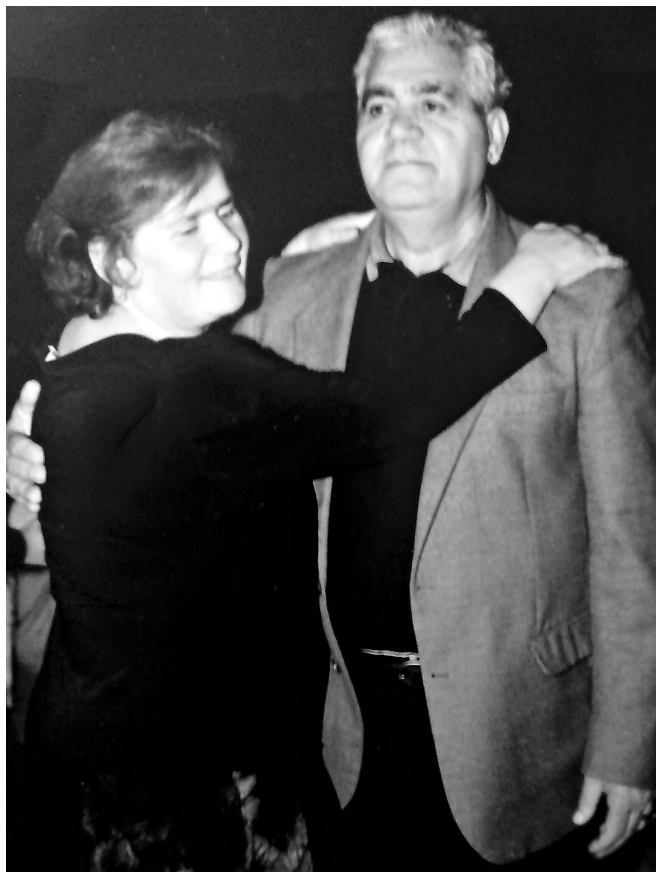
© Рахмилов Г.И., 2023

Гемриил Рахмилов

Дербент
родной

Моим родителям
Рахмилову
Исаю Гемрииловичу
и Рахмиловой Рае Исаевне
в знак уважения и любви
ПОСВЯЩАЮ

Радость творчества (от автора)

Уважаемый читатель!

В настоящей книге представлен материал, отвечающий моему мироощущению человека, являющегося представителем нескольких общностей: советского и российского народа — по заложенным с детства основам культуры и языку; горских евреев — по вероисповеданию и национальной принадлежности; дагестанцев, одного из этносов большой семьи народов Северного Кавказа, — по месту рождения.

Главное место в поэтическом сборнике занимает гражданская лирика, выраженная в моем отношении к родному городу Дербенту, близким и друзьям, землякам, заложенным с детства ценностям. Эти стихи, точнее их положительное восприятие читателем, наверно, и разожгли во мне первые искорки радости от собственного творчества. Не может не приносить удовлетворение, когда изложенное тобой в определенной форме «слово» созвучно пониманию множества других людей. Для меня возможность предаться творчеству, например написанию нового стихотворения, — это наслаждение сродни поеданию десерта, украшенного кусочком любимого мной горького шоколада.

В одном из разделов книги с соответствующим названием представлены тексты песен, в большинстве своем пока не положенные на музыку, но часть из них уже обрела свое звучание — в сносках указаны ссылки на ресурсы в сети Интернет, где можно найти, услышать и увидеть видеоролик с исполнением песни.

Несмотря на существенный охват истоков и вдохновляющих на творчество тем, львиная доля моих сочинений относится к жанру любовной лирики. Понятные и в то же время непростые отношения мужчины и женщины во все времена являются основным топливом поэзии. Казалось бы, всё об этом написано и уже достаточно имеющихся в распоряжении человечества слов, чтобы выразить эмоции и чувства, однако кто запретит обуреваемому страстями сердцу излить душу, высказать свое непонимание, недоверие или восхищение и любовь и быть несколько ближе к другому?!

В настоящем предисловии к книге я хочу поделиться с уважаемым читателем своими размышлениями о том, какие мотивы подстегивают людей заниматься творчеством. На мой взгляд, это заложенная в каждом индивидууме необходимость созидания с использованием собственного оригинального ресурса, а также возможность получать удовлетворение от самого процесса и от достигнутых результатов, не говоря уже о том, что такое занятие в некоторых случаях приносит существенный доход.

Представьте себе, что Вы со своим жизненным опытом и воображением создаете некоторые образы, которые сначала наполняются содержанием, а потом будто бы и плотью, начинают жить собственной жизнью. Возможно ли, что это неосознанное уподобление Творцу? Ведь, как известно, человек создан по образу и подобию самого Господа. Или, быть может, все созданные человечеством шедевры на самом деле создаются Богом, просто использующим выбранных им мастеровых, прекрасных «ретрансляторов»? Может ли автор в таком случае вмешиваться в жизнь созданных им героев грубо и неумело? Это будет неестественно, внимательный читатель сразу

определяет фальшь и шаблоны, непрофессионализм, однобокость и скудость фантазии.

«Это божественно! — слышатся восторженные возгласы о некоторых шедеврах изобразительного искусства, архитектуры, музыки или литературы. — Невероятно! Чудо!» Да, прекрасно! Но всё же более правдоподобно, что их сотворил человек, хорошо знающий свое ремесло, достигший высот несмотря на ограниченность человеческих возможностей.

Давайте поразмыслим, какие ресурсы позволяют человеку добиться успеха в творчестве. Наверно, это относится прежде всего к категории души, хотя и некоторые физические преимущества, такие как зоркость зрения, чистота слуха, хорошая память, усидчивость и терпение, длина пальцев, наконец, для пианиста имеют свое значение.

Если говорить о душе, то базовым является тот ресурс, что закладывается в человеческий эмбрион генетикой и, возможно, высшими силами. В соответствии с иудейскими представлениями о реинкарнации — гильгуль¹ — младенец может получить душу, у которой уже была какая-то предыдущая история жизни и, вероятно, даже не одна. Она не упокоилась в высших сферах и получила шанс вернуться и исправить то, что не позволило ей сделать это в предыдущем воплощении. Эта душа несет на себе отпечаток прошлого, проявляющегося в характере нового человека и его способностях.

Вторым ресурсом является восприятие окружающего мира, которое можно развить воспитанием человека, а также обучением творческому ремеслу.

¹ Гильгуль, или гильгуль нешамот (иврит) — понятие в каббале и иудаизме — переселение души умершего в живое тело, иногда многократное; реинкарнация; перевоплощение; метемпсихоз.

На этих двух ресурсах, на мой взгляд, и рождается большинство созданных человечеством шедевров. Однако человек не может выжать из себя больше того, что в нем заложено — необходим какой-то качественный толчок, что-то типа «второго дыхания», без которого неминуем творческий застой, и тогда приходит время новых поисков, находок и экспериментов, которые могут служить дополнительным третьим ресурсом для творчества. Всемирно известный художник Пабло Пикассо, еще будучи подростком, писал отличные реалистические картины, но, взрослев, стал пробовать себя в импрессионизме, а потом отправился на поиски собственного стиля и нашел его. Кубизм он изобрел не для того, чтобы замаскировать отсутствие мастерства, а для того, чтобы сказать новое слово в живописи. Останься он в реалистическом искусстве, мы бы не знали сейчас этого художника.

Я как автор ни на что такое грандиозное не претендую. Для меня что-либо написанное и понравившееся мне самому или моим близким — это личное достижение, подъем, прежде всего духовный. Создав в своих прозаических, а иногда и поэтических сочинениях образы героев с разными характерами и судьбами, я прихожу к пониманию, что невозможно затем вычеркнуть их из своей души и сердца. Они живы, поскольку продолжают существовать рядом.

В настоящей книге представлены лучшие из моих поэтических сочинений, написанных за последние десять лет. Часть из них уже публиковалась мной ранее. Ответив на текущий интерес читателя, хочется идти, как говорится, дальше, не оглядываясь, чтобы получать наслаждение от новых находок в творчестве.

В книге — шесть разделов. Главы «Истоки» и «Тексты песен» наиболее насыщены самобытным колоритом, соответствующим названию серии книг «Горские евреи»,

в их довершение представлено несколько произведений на языке джуури.

Самая большая глава «О, женщины!» представлена любовной лирикой — сюда легло всё разнообразие лично пережитых автором или подсмотренных им в жизни событий.

По смыслу с ней связан раздел «Жизнь прекрасна!» — здесь собраны стихотворения о радости бытия и богатстве его проявлений.

Знаменитое, приписываемое премудрому царю Соломону изречение: «Всё проходит. И это пройдет» — отчасти присутствует в названии следующей главы и позволяет немного со смирением осмотреться вокруг себя, приметить некоторые сакральные и мистические вещи, обратить внимание на слабость и одиночество человеческого существа, его отношения с Господом и беспомощность перед неминуемой смертью.

Главу «Посвящения» составили стихи, адресованные дорогим мне людям.

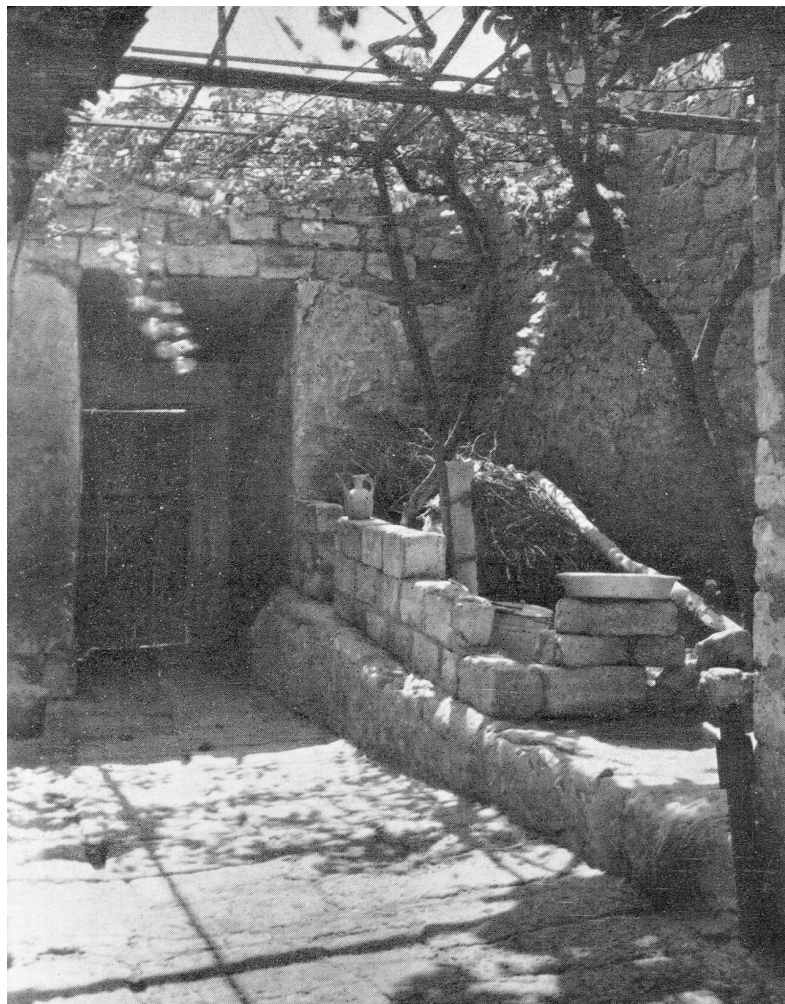
Мое отношение к творчеству выражено в стихотворении, которое адресую всем, кто намерен прочитать настоящую книгу:

Я, как сок виноградной лозы,
Собирал для читателя строчки.
Здесь — о крае моем, о любви
И о суетной жизни немножко.

Терпким вкусом, мускатной слезой,
Изабельными нотками щедро
Я делюсь, восхищаясь грозой,
Пеньем птиц, дуновением ветра.

Не устану любить и ценить
Маму, Родину, женщину-музу,
Предлагаю и вам пригубить,
Не стихи вы читаете — душу.

Занимательного Вам чтения!
Ваш Гемриил Рахмилов

Внутренний дворик жилого дома в Дербенте.
1970–1977 гг.

ИСТОКИ

Мой город Дербент

Я вспоминаю улиц тишину,
Осенних ливней сочную прохладу,
Восторги от нечастых снегопадов,
И знойный день, и раннюю весну.
Богатство края, соль родной земли
Во вкусе сочных ягод винограда,
Особый дух, особая отрада
Во всём вокруг, куда ни посмотри.

*Нарын-Кала*¹ в объятых горных круч
И маяка ритмичное свечение,
Роскошной эстафетою цветение
От миндаля до алычи и груш,
Восход на море и закат в горах,
Гнездовья ласточек под кромкой окон,
Ребячливые, белые до срока
Щенки тюленей в Каспия волнах.

Чтоб посмотреть на город с высоты,
Взойдешь на крепость, обходя *магалы*²,
Там, где вдоль стен ковровые развалы, —
И перехватит дух от красоты.
Куда ни взглянешь, чудно как в раю:
В красе мечети, церковь, синагога,

¹ Нарын-кала — доарабская цитадель, часть Дербентской крепости, соединенная с Каспийским морем двойными стенами, призванными перекрывать так называемые Каспийские ворота в Персидскую державу. Входит в список всемирного наследия ЮНЕСКО. В переводе со среднеперсидского название означает «солнечная крепость».

² Магал — мелкая административная единица больших поселений в странах мусульманского Востока, а также часть древних жилых кварталов города Дербента. В каждом магале существовала мечеть, и в этом смысле это слово означало «приход».

Вот там мой дом, в тоннель ведет дорога,
И я орлом над городом парю.

Названия всплывают чередой
Дербентских улиц, будто здесь вершилось:
Буйнакский, Канделаки, Пугин, Киров
И *Кобяков* как дань эпохи той,
*Таги-Заде*¹ — здесь всё старо как мир,
И *Ленина*, что вроде *годекана*²,
С киосками «Печать», «Лото» стаканом,
Кинотеатром «Родина» — ампир.

По вечерам соседи во дворах
О том о сем судачат вдохновенно,
Чай в *армуду*³ и нарды непременно,
Пока заря не спрячется в горах.
Я помню всё: и взрослых и детей,
*Новруз-Байрам*⁴ и *Пасху*⁵, угощения —

¹ Буйнакский, Канделаки, Пугин, Киров, Кобяков, Таги-Заде (Буйнакский Уллубий Даниялович, Канделаки Давид Владимирович, Пугин Дмитрий Николаевич, Киров Сергей Миронович, Кобяков Иван Михеевич, Таги-Заде Гейдар-Али Хаджи-Меджид-Оглы) — большевики, активные участники борьбы за установление Советской власти в Дербенте, в Дагестане и на Кавказе.

² Годекан — место в ауле, селе, где собирается взрослое мужское население для проведения досуга и обсуждения насущных проблем.

³ Армуду — вид национальных стаканов, из которых в Азербайджане пьют черный байховый, довольно крепкий чай. Армуду — важный элемент азербайджанской культуры потребления чая.

⁴ Новруз-Байрам — праздник прихода весны по астрономическому солнечному календарю у иранских и тюркских народов. Новруз является национальной традицией, не имеющей прямого отношения к исламским обычаям.

⁵ Пасха. Воскресение Христово — древнейший и самый важный христианский праздник, торжество из торжеств. Установлен в честь

Тарелочки соседского общения —
От крашенных яиц до куличей.

У побережья — запах поездов
И аромат волнующего бриза,
Когда идешь по ломаной, капризной
Махачкалинской, Красною Зарей.
Ты и сейчас прекрасен, город мой —
Почтенный аксакал, проживший вечность,
Исполнен мудрости, глядишь беспечно
На горожан, на горы и прибой.

Где б я ни был

Где б я ни был, мой город родной,
Ты мне сердце теплом согреваешь,
Пусть давно распрощался с тобой,
Но душой не расстаться — ты знаешь.

Подъезжаю, к чему тут слова:
Горы, море — нет города краше,
Вот *Огни*¹, вот видна *Сабнова*²,
Цитадель с вереницею башен.

Воскресения Иисуса Христа, которое является основой всего христианского учения и одним из главных событий, описанных в книгах Нового Завета.

¹ Огни (Дагестанские огни) — город в Республике Дагестан, расположенный в 5 км к северо-западу от Дербента. Возник как поселок при построенном в 1914 году стекольном заводе, на котором в качестве источника энергии использовался горючий природный газ, за что и завод, и поселок получили название Дагестанские Огни. В 1990 году получил статус города.

² Сабнова — село в Дербентском районе Дагестана. Расположено на склоне горы Ачигсырт, на правом берегу реке Суходол (Сабнавачай), в 7 км к северо-западу от города Дербента.

Как же душу легко всколыхнуть
Городскою неспешной вознею!..
Затянувшись тобой во всю грудь,
Будто занавес в детство открою.

Помяну быстротечность бытия:
Тот же пряничный домик вокзала,
Дружной стайкой большая семья
На перроне меня провожала.

Рад бы чаще бывать, но прости —
Знаешь, что меня ныне терзало:
Здесь уж нет моих близких почти,
А друзей мне немножечко мало.

Где б я ни был, мой город родной,
Ты мне сердце теплом согреваешь,
Пусть давно распрощался с тобой,
Но душой не расстаться — ты знаешь.

Мой дед остался молодым

Мой дед остался молодым,
Отдав свой долг стране.
Недолюбил, недолюбим —
Убит был на войне.
Холодный ветер гонит смог.
Боец лежит в крови.
И только в этот день он мог
Вернуться в *Аглоби*¹.

¹ Аглоби — село в Дербентском районе Республики Дагестан, расположенное в 18 км южнее города Дербента, на правом берегу

Фото 1. *Мой дед Рахмилов Гемриил Пенуилович (сверху слева) с сослуживцами. 1941–1944 гг.*

Река, саманный отчий дом,
Погост и стон зурны,
Родник, овраг и степь кругом —
Всё, как и до войны.
На годекане у реки
Не изменить уклад,
Сидят степенно старики,
Глядят на водопад.

Неспешно возятся в саду
Вдвоем отец и мать,

реки Рубас. Бывший горско-еврейский аул; впервые упоминается в 1813 году.

Детей учили вы труду,
Любить, не унывать.
Отец, ты не всегда был строг,
Я помню с теплотой,
Как слез ты удержать не мог
В прощании со мной.

Гоняет обод-колесо
Подросший старший сын,
А вслед вприпрыжку голышом
Мчит маленький за ним.
И лишь теперь я разгадал
Протяжный стон зурны —
Сынок, я твоего так ждал
Рожденья до войны.

На поле собраны хлеба
Уже давным-давно,
Но ртов голодных голытьба
Здесь рыщет всё равно.
Немного колосков сестра
Сыскала на земле,
Лепешку испекла с утра
В тандыре на золе.

Как ныне горько наблюдать:
В предчувствии тайком
О чем-то тихо молит мать,
Лицо прикрыв платком.
Жена идет от родника
С кувшином на плече.
Прости, что ноша нелегка
С детьми и на бахче.

Благодарю за каждый день,
Что ты вошла в наш дом,
Оберегать тебя теперь
Я буду в мире том.
Пропал ваш без вести солдат —
Пришел с войны конверт.
Ее судьба — всё время ждать,
Однажды дав обет.

Мой дед остался молодым,
Отдав свой долг стране.
Недолюбил, недолюбим —
Убит был на войне.

Дербент родной

Дербент родной! Громады серых стен,
Форпост торговый Древнего Востока,
Здесь дух времен, народов сотен тлен
В полоске узкой предстает широко.

Властители сменялись здесь не раз:
Кто погибал в огне жестокой сечи,
Кто, проигравши, прятался в горах,
Спасая город, третий шел навстречу.

Вот снова крики всадников у стен,
Зловещий бой осадного орудия,
Нет, не сдастся славный мой Дербент —
Дербентские, мы друг за друга грудью.

Прислушайтесь: в базарной толчее
Десятки разных языков гуляет,
В обносках этот, а другой в парче —
Орут, свои товары восхваляя.

Рожденного намного позже здесь,
Меня сюда всё тянет возвращаться.
Считаю: жить в Дербенте — это честь
Любить, растить детей и наслаждаться.

Мое село

Что для меня село — мои родные,
Отцовский дом и старенький погост,
Река, родник, канавы поливные,
Овраг и тополя в огромный рост,
Тяжелый труд, житейские заботы,
Лопата, вилы, тяпка и коса,
И россыпь звезд на чистом небосводе,
Под пятками — прохладною роса,

Крик петуха в предчувствии рассвета,
Корова, овцы, птица и осел,
И аппетит, нагулянный работой,
Сыр с хлебом из печи и разносол,
Купанье в речке, радость от рыбалки,
Когда сазан подсядет на крючок,
Семейка ласточек в сениях под балкой,
Рулады распеваящий сверчок.

Мое село — сады и огороды,
И налитыми гроздьями лоза,

Весенний цвет — триумф самой природы,
И слякоть разводящая гроза,
Собачий лай студеную зимою,
Особый вкус воды из родника...
Не оттого ль село в ладу со мною,
Что так его люблю — издалека?..

Да, городской, по духу же — сельчанин,
Пусть и привык к удобствам и теплу,
Но если б жить мне довелось сначала,
Я рад бы посвятить ее селу.
Сказать смогу ль когда, что жизнью полной
Мне довелось прожить без долов, рек,
Без огорода, без работы в поле,
В гармонии с собой — как человек?

Счастливый человек

Сегодня я счастливый человек,
Вокруг любимые родные лица,
Ячейка мира, маленький ковчег,
И кажется, что это только снится.

Собрались вместе за большим столом,
Перипетии жизни обсуждаем,
За радость встреч и за удачу пьем,
Про трудности на время забываем.

Что б ни случилось на моем пути,
Нет в том преграды, близко иль далёко,
Я счастлив тем, что есть куда прийти,
Где точно мне не будет одиноко.

Молю о том, чтоб не прервалась нить
Бесценных встреч в обыденной рутине,
Пусть век живет, кто может сохранить
Горение углей в своем камине.

Старый виноградник

Как воины в сраженьях исковерканы,
Шеренги лоз фалангами стоят,
Почтенною ворсистостью увенчаны,
Прогнулись, будто раны их саднят.

В равнении на солнце тянут спины,
Являя жизнелюбия пример,
Размашистые плечи запрокинув
На гнущуюся проволоку шпалер.

Пригревшиеся лопаются почки,
Восторженный приковывая взгляд,
Нежнейшие зеленые листочки
На воинстве как праздничный наряд.

Свалиться будто навзничь опасаясь,
Побеги стрелами пронзают высь.
Их щупальца, к шпалерам устремляясь,
Прижались к ним и змейкой обвилились.

Прелестный из божественных посланцев
Нальется и созреет виноград,
И кисточки инопланетных пальцев
Нектаром жизнь людскую усладят.

Почтенный благодатный виноградник,
Вобравший солнца свет и свежесть гроз,
Привязанный к земле судьбою странник...
Пусть долгоденствует век чудесных лоз!

Лезгинка

Еще с языческих времен в горах,
В сплетениях народов, поколений,
На коренных отточен мастерах
Стремительного танца мудрый гений.

Орел присев, ждет воздуха порыв,
Поймав его, вдруг воспаряет птица —
Возносит тело, на носках застыв,
Танцор, чтоб в вихре танца очутиться.

Передавая гордой птицы нрав,
Он падает, добычу настигая,
Прикрикнет: «Асса!» — вздернув вверх рукав,
Прыжком привстанет, будто бы взлетая,

Он кружит в танце и крылом своим
Партнершу нежную оберегает.
Ногами четко отбивает ритм,
Врагов невидимых прочь отгоняет.

Свой характер предъявить и стать,
Разглядывать ведомую тобою;
Где, как не в танце, можно всё сказать
О чувствах пылких горцу молодому?!

Захват, подъем, переворот, —
и на земле обидчик.
Соплями вымазав лицо,
сбегая с поля брани,
Подлец просил не уходить:
вернется, мол, с друзьями.

Не стали ждать подонка рать,
к чему так горячиться?
Подранка взяли мы с собой
пожить и подлечиться.
Когда внесли его во двор,
взбесились домочадцы:
Давай горланить пес с ослом,
гусь норовил щипаться.

Мы разместили журавля
в пустующий вольерчик,
С яйцом мешали комбикорм,
дежурили у дверцы.
Сестра промыла с птицы кровь
и осмотрела травмы:
«Наложим шину, и к зиме
затянутся все раны».

Подметив, что на кличку Брат
журавль отзывался,
Любой пацан позвать был рад,
кричал, не унимался.
Пришла зима, и холода
питомец встретил криком,
А как-то раз под дробь дождя
внезапно закурлыкал.

Червей под вечер дождевых
я накопал Братишке,
Гляжу — а у ворот двора
народа много слишком.
Сегодня встреча с журавлем,
увы, не приключилась,
Он улетел из дома прочь,
к сородичам на милость.

Нам говорили: стаю птиц
и там и сям видали,
К утру до них мы добрались,
но те уже взлетали.
«Братишка! Брат!» — кричали мы,
поднявши руки к небу,
Никто из нас в тот ранний час
готов к прощанью не был.

Что ж, равный счет: один — один,
не удалось проститься.
Одни спасли, другой подбил,
ну что возьмешь от птицы...
Теперь, как только над селом
клин нависает птичий,
Сельчане — руку козырьком:
«Не наш ли Брат курлычет?»

В доме предков

В доме предков тихо, пустота.
Сердцу больно, холодно и грустно —
Краски детства в бледные цвета
Обернулись, будоража чувства.

Фото 2. Дом деда Исакова Исаия Рахамимовича — справа три окна, входная дверь, ставни и дверь киоска, г. Дербент, пер. Морской, д. 3 (прежний адрес), покинут в 1994 г.
Фото 2013 года

Сколько было вложено труда
В этот дом, ковчег былого счастья!..
Но покинут раз и навсегда
В дни безвременья и безучастья.

Обреченно сиротливый дом,
Домочадцы съехали далече,
Их уж нет... и здесь, и в горле ком:
Нет иллюзий — человек не вечен.

Горцы на чужбине

Я не хочу принизить чабанов,
Профессия чабан — на веки вечные,
Но иногда в манерах земляков —
И чабанов черты, и подопечных.

Как в диком мире — тяга подчинить,
Унизить, балагурия и щетинясь,
И обозначив силу, оскорбить,
Представ бодливым овном на чужбине.

Я допускаю горсточку людей
Пустых, в любом народе недалеких,
Мне не до их поступков и речей,
Мне за своих обидно, темнооких.

Одернуть резко просится подчас
Такого дикаря и бедокура:
Земляк, позоришь не себя — Кавказ!
Какой аул привил тебе культуру?

Немало из достойнейших людей
Взрастили наши горы, воспитали.
Хочу, чтоб нас заслуженно везде,
В гостях и дома, с радостью встречали.

По Сальмана

По *Сальмана*¹ несли в последний путь —
В последний путь последнею дорогой.

¹ Сальмана — название улицы в городе Дербенте.

Машины притормаживали чуть,
Чтоб пропустить, не мчаться перед гробом.

В молчании несли, рука к руке
Попеременно подступала крепко,
Как селевой волной несло в реке
В иные дали сбившуюся щепку.

Зеваки у кладбищенских ворот,
Слова прощанья редкие у древа —
Как дорог был, любим, ценим был тот,
Кого уложат тлеть в земное чрево.

Потерянные из виду — как, здесь? —
Скоропостижно, жаль, осталась вера,
Что души не исчезли, где-то есть
Для них приют в потусторонних сферах.

По Сальмана несли в последний путь —
В последний путь последнею дорогой
В рай неземной, земной остался тут,
Где так недавно бегал босоногим.

Змея

Июньский зной. С отцом в саду у дома
Немного мастерим в тени лозы,
Сбиваем лихо ящики из лома,
Работа спорится, не ждем грозы.

По ходу дела напеваю песню,
Вдруг что-то затрещало по земле,

Отец окрикнул, чтоб стоял на месте,
И притаился камнем у шпалер.

Змея без умолку у ног гремела,
Трещоткой наводя безумный страх,
Глядел я исподволь, оторопело,
Пот проступил горохом на губах.

Как будто сон мой сбылся: я в пустыне,
Вокруг сплетенья гадов возле нор;
Напуган до смерти, стоять не в силе,
Не чуя ног мчусь прочь во весь опор.

Водя косые хороводы телом,
Гремучее несчастье уползло:
«Что ж перекусим, папа, между делом.
За то, чтоб нам и дальше так везло!»

Игрушечная история

Выкраивая для себя простор,
Со старыми, ненужными вещами
Прощаемся себе наперекор,
Как с некогда любимыми друзьями.

Весь хлам решившись из дому снести,
Я внутрь взглянул большого чемодана:
Слон втиснут серый с глазом на груди,
У хобота — зияющая рана.

Нахмурившись, с обидою в глазу
И будто нарочито лежа боком,

Он вызвал было у меня слезу,
Так память всколыхнуло ненароком.

Он раньше радовал моих детей.
Без слоника мой младший не ложился.
Верну, пожалуй, прежний вид тебе,
Мой верный домочадец, чтоб не злился.

Прозревший как по волшебству слепой,
Улыбчивый, он засверкал глазами.
Доволен тем, что нужен и живой,
Неярок пусть покров его лежалый.

На кресле восседает он теперь
И выглядит задорным и веселым,
Особенно когда глядит на дверь:
Всё ждет, как прежде, мальчика из школы.

Мамины руки

Как из маминых рук капли падают с неба,
И босой карапуз первый раз под дождем,
Оглянувшись вокруг, мчится к маме нелепо,
Тычет голову в грудь и в родное лицо.
Меж печалью и счастьем бредем одиноки,
Нам уже не спастись в теплоте этих рук,
И какими бы ни были наши пороки,
Есть один настоящий и преданный друг.

Мугам¹

«Аман-аман-ама-а-а-н...»

По струне звенящей *кеманчи*²
Сердце льет свои переживания:
Радости, печали и страдания —
Бьют души распахнутой ключи.

Боль тугой натянутой струны,
Мантры неизменные Востока
О любви, о жизни, вере в Бога
Жгут до исступленья глубины.

«Аман-аман, аман-аман!» —
Зов-приглашение в мир грез,
Душевных мелодичных проз,
Сентенций чувственных дурман.

Протяжный звук — сама печаль,
Струн перебор, как птицы трель,
Ашуг — кавказский менестрель —
Смакует каждую деталь.

¹ Мугам — (от *араб.* «макам» — место, стоянка) — один из основных жанров азербайджанской традиционной музыки, многочастное вокально-инструментальное произведение, являющееся классическим музыкально-поэтическим искусством азербайджанского народа.

² Кеманча (от *перс.* «каман» — смычок) — струнный смычковый музыкальный инструмент наподобие лютни с длинной шейкой. Кеманча распространена в Армении, Греции, Грузии, Дагестане, Иране и других странах. Кеманча — обязательный инструмент в ансамблях профессиональной традиционной музыки Востока (иранского дестгяха, азербайджанского мугама, иракского макама, армянского ашугского искусства и т. д.). Используется также как сольный инструмент.

Он песней за душу берет,
Пробьет невольную слезу
И взбудоражит чувств грозу,
Бросая в ледящий пот.

Хороший слушая мугам,
Я окунаюсь в теплоту,
Ценю и слога красоту,
И силу характерных гамм.

Я по отцу мугамомам,
Нередко грусть моя звучит
Протяжным стоном кеманчи,
Душа поет: «Аман-аман!»

Когда-то

Молодость, пляж, на плече магнитола,
Джинсы, кроссовки, пакеты с принтом,
Мяги танцует, рисует *Яак Йоала*¹,
Есть еще год, пока выпустит школа,
И разлетимся, покинув свой дом.

Страсти триумф иль томленья обуза,
Зеленью светлой трепещет весна,
Пьяный восторг, благосклонная муза,
Искренность чувства как юность безуса,
Благословенна, нежна и чиста.

¹ Тынис Мяги и Яак Йоала — советские и эстонские эстрадные певцы, получившие всесоюзную известность в 70–80-е годы XX века.

Беэр-Шева

В пустыне, что возделана людьми,
Ход замедляет поезд-электричка,
Вдали сверкают города огни,
Всё глуше, реже рельсов переключка.

Соскучился по солнцу и родне —
По маме, папе, брату и сестренке,
Застыли в ожидании во мне
И сердце, и душа в порывах тонких.

Шеренги пальм, неспешность, тишина,
Фонтанов брызги, щебетанье птичье —
Большая духом крошечка-страна,
Покой которой мне небезразличен.

Не кажется пустынным твой причал,
Куда из года в год я приезжаю,
Встречал всегда с любовью, провожал —
До слез минуты те переживаю.

Здесь рукотворно всё: сады, поля,
И русла рек — вода им и не снится,
Тем, как преобразается земля,
Мог бы и я отчаянно гордиться.

*Беэр-Шева*¹, ты становишься родней
С цветеньем *бугенвиллей*² и *хамсином*³.
Быть может, разберусь на склоне дней,
Где сторона моя, а где чужбина.

Не бойся, сынок

Не бойся, сынок, что мамы не будет.
А то, что болею, так время пришло.
Не бойся, сынок, все смертные люди —
Не веки нас греет родное тепло.

Не надо стенать, убиваться без толку —
Не станет мне легче от горестных глаз.
Не надо страдать, причитать без умолку —
Унынье ничуть не отсрочит мой час.

Мой милый ребенок, не рви свое сердце,
Тебе поднимать еще надо внучат.
Родимый ребенок, захлопнется дверца —
Я буду с тобой, когда звезды молчат.

Не бойся, сынок, что мамы не будет.
А то, что болею, так время пришло.

¹ Беэр-Шева — самый крупный город на юге Государства Израиль, столица Негева.

² Бугенвиллея — вечнозеленое растение, достигающее в высоту до пяти метров. Представляет собой деревце или кустарник с гибкими стеблями-лианами, которые, быстро разрастаясь, оплетают скалы, столбы, стены домов. Его активно используют в ландшафтном дизайне. Цветение длится практически круглый год.

³ Хамсин — изнуряюще жаркий, сухой ветер на северо-востоке Африки и в странах Ближнего Востока.

Не бойся, сынок, все смертные люди —
Не веки нас греет родное тепло.

Маршрут домой

Прыжок с подножки, за спиною — «скорый»,
По спящим улочкам наискосок
В тумане утреннем немного в гору
Свершаю свой любимый марш-бросок.

Спят подуставшие за ночь собаки,
Охрип от тщетности тирад петух,
А эхо отзвуком при каждом шаге
Знакомым шарканьем ласкает слух.

Как эйфорией допьяна охвачен,
Вдыхаю воздух юношеских лет,
И, где бы жить я ни считал удачей,
Нигде такого упоенья нет.

И вот подъезд пятиэтажки, встреча,
Вот молодая мама и родня,
Не преминувшая прийти под вечер,
Чтоб повидать и расспросить меня.

Немало в памяти воспоминаний,
Что так полны особой теплотой —
Свиданье с родиною утром ранним
И спящий «скорый», и маршрут домой.

На торжестве

Твой профиль показался мне знаком
На торжестве в *хадеровском уламе*¹.
«Кто эта дама в платье голубом?» —
Спросил я у сидящей рядом мамы:
«Как близкие соседствовали мы
С ее семьей давно, — она сказала. —
Ты должен помнить, как среди зимы
С родней она в Израиль уезжала».

Девчушка длинноногая, с косой —
Я сразу вспомнил игры и забавы,
Ты мне была почти родной сестрой,
Проворной и, как Пеппи, своенравной.
Мы ссорились с тобой по пустякам,
Что по квартирам даже разделяли,
Но возвращалась ты назло врагам,
Лишь только наказание отменяли.

Тебя я помню хрупким ангелком,
Нескладной девочкой на класс моложе,
Но, кроме как невестой с женихом,
Бандитами нас называли тоже.
Я вспомнил день прощания: метель,
Нежданно выпало немало снега,
Как мне хотелось в теплую постель,
Но поезд все не ехал и не ехал.

Всё бросить, чтобы сгинуть навсегда
В ночную темень, будто бы изгой,

¹ Хадеровский улам — зал для проведения торжественных мероприятий в городе Хадере (Израиль).

Казалось мне: какая-то беда
Вас гонит из дому, а вы — герои.
Ваш поезд подошел не по часам,
В том снегопад, наверно, был помехой.
Прощались громко, волю дав слезам,
Качнувшись, поезд медленно поехал.

Мы встретились глазами невзначай,
Ты отвлеклась, детишек взяв на руки,
И как забавно было примечать —
Такие же проныры эти внуки.
Да я и сам бы не узнал себя,
Уже прошло без малого лет сорок,
Ты тот же ангел в обществе ребят,
И встречи этой миг мне очень дорог.

Новый год

На время отложу *ермолку*¹,
Надену сказочный колпак,
Куплю домой живую елку,
Ведь праздник детства как-никак.

Накину на себя в подъезде
Обшитый мишурой халат.
В мешок взгляну: здесь всё на месте —
Игрушки, фрукты, шоколад.

¹ Ермолка, или кипа — традиционный еврейский мужской головной убор. «Головной убор благочестивого еврея, символизирующий скромность, смирение и благоговение перед Всевышним. Представляет собой маленькую круглую (вязаную или сшитую из ткани) шапочку, прикрывающую макушку» (из энциклопедии «Религия»).

Не хочет на лицо ложиться
Из мятой ваты борода,
Пришлось немного потрудиться.
Стук в дверь: «Мороза ждете?» — «Да!»

Вошел — и сразу от порога:
«Шалом! Я Дедушка Мороз!
Прошу за бороду не трогать,
Подарки каждому принес».

Узнали старшие детишки,
А мама пальцем им: «Молчок!»
Сползли у младшего штанишки,
Я так люблю тебя, дружок.

Смотрюсь я в зеркало — потеха:
Ну что, дедок довольно мил.
«А ты из Устюга приехал?»
Пришлось соврать. Чтоб я так жил!

Мой мощный бас сбивает с толку,
Эффект хочу произвести:
«Принес я вам из леса елку.
Кто мне поможет занести?»

Домой душистую заносим.
«Ну, есть игрушки? Наряжай!»
В сияющем многоголосье
Поем: «Спи, елочка, бай-бай!»

Сажусь, к себе всех приглашаю,
Шутя, подарки достаю:
Рукой от края роюсь к краю,
Стихами речи говорю.

Супруга глаз с меня не сводит
Недавней ссоре вопреки,
Теснее жметя в хороводе,
Теплей касания руки.

«А напоследок пожелания:
Родителями дорожить
И младших радовать вниманием,
Ни с кем не ссориться, дружить!»

Детей обманывать негоже,
Но так прекрасен маскарад.
Я вновь пришел, восторг в прихожей,
И приключенью каждый рад.

Сказал мудрец, что всё проходит.
И этот праздник отгремит.
Пусть год за годом хороводит
Любовь в кругу моей семьи.

Отчий дом

В часы покоя и раздумий
Я вспоминаю отчий дом,
Средь бугенвиллей и *петуний*¹
Он теплым видится гнездом.

Глазенками залетной птицы
На окна с улицы смотрю,
Душа далёко, но гнездится
Средь тех, кого я так люблю.

¹ Петунья — род травянистых или полукустарниковых многолетних растений семейства паслёновых высотой от 10 см до 1 м.

Отец и мама, брат, сестренка,
Племяшек полный туесок,
Смотрю и радуюсь в сторонке,
Тревожась чуть. Храни вас Бог!

Турнир по нардам

Турнир по нардам межреспубликанский
С участием спортсменов разных стран —
От Средиземноморья до Аляски —
Гостеприимно принял Дагестан.

Сияет прошлогодний победитель,
Заранее прибывший из Москвы,
Здесь космоса известный покоритель
И вундеркинд — парнишка из *Кубы*¹.

Чрезмерно горд, раскрученный в эфире,
Прославленный арабский чемпион.
Он уверяет: на сеанс в Каире
Собрал однажды целый стадион.

У самых гор — периметр площадки,
Под тентом и в сиянии огней,
Ждут нарды на столах в одном порядке
С пригоршнями новехоньких камней.

¹ Куба — город в Азербайджане, расположенный в 168 км к северо-западу от Баку, административный центр Кубинского района. Раскинулся на северо-восточных склонах горы Шахдаг, на высоте 600 м над уровнем моря, на правом берегу реки Кудиял-чай. Ранее место компактного проживания горско-еврейской общины.

При входе всех радушием встречают:
И местных, и гостей из южных стран —
И попури кавказское играют
Кларнет, аккордеон и барабан.

Арбитр здесь — влиятельный мужчина —
И тамада, и бывший прокурор,
Когда на то появится причина,
Он с легкостью улаживает спор.

Вот он забросил в белую папаху
Закрученные белые листки,
И игроки с опаской, но без страха
Свой жребий тянут с номером доски.

Затихла музыка, примолкли гости,
Зацокала, защелкала игра:
Стучат трик-трак о доску кости;
«Еган!» народ бубнит да «Дубара!¹».

С энтузиазмом рубят и задорцем
Татарин-повар, каменщик-лезгин.
Как будто искры под руками горца,
Сливает воду мастер из низин.

Как оказалось, больше не в фаворе
Прославленный нарди́ст Изамутдин:
Четыре раза проиграл и вскоре
Турнир он от себя освободил.

¹ Еган, Дубара (перс.) — названия комбинаций при игре в нарды, связанные с выпадением одинаковой пары чисел на игральных костях, — 1:1 и 2:2 соответственно.

Бывает так нередко в этом мире:
Для многих быстро кончилась игра,
Прибавилось болельщиков в турнире,
На всё есть Божья воля — *иншаалла*¹.

Кипит вода в огромном самоваре,
У чая здесь существенная роль:
Бодрит в соревновательном угаре,
Смещая чуждый спорту алкоголь.

Поклонники же точно не скучают:
Из армуду пьют ароматный чай,
Перипетии бурно обсуждают,
Прицокивая громко невзначай.

Не отойдя от грамотной разводки,
Устроив чуть не форменный скандал,
Игрок не хочет чаю — просит водки:
Расстроен, в третьем туре проиграл.

Вернув судье серебряные нарды —
Прославленный переходящий приз,
Седеющие глядя бакенбарды,
В игру вступает чемпион Тенгиз.

Окинув оппонента взглядом метким,
В руках не устает перебирать

¹ Иншаалла, или ин ша Аллах (*арабск.*) — выражение, означающее: «Если хочет Бог», или «на всё Божья воля». Эта фраза обычно используется мусульманами, арабскими народами и арабоязычными представителями других религий для обозначения событий, которые, как они надеются, произойдут в будущем. В современном исламском мире употребляется повсеместно в разговорной речи.

Знак лидера — серебряные четки
С известной комбинацией шесть-пять.

И вот уже вручаются награды,
Торжественно звучит аккордеон,
Немногословны горские тирады —
На трон восходит новый чемпион.

Турнир окончен, снова опустела
Поляна рядом с рощей алычи.
Клаксонов переключка отгудела,
Оставив тихий стрекот саранчи.

Спускаюсь с горного селения

Спускаюсь с горного селения —
Пять километров до шоссе,
Брань воробьев, весна, цветенье,
Природа в утренней красе.

Пастух к лугам отару гонит,
Скрипят под шагом гольши,
Неспешно к водопаду сходит
Поток, пред тем как оглушить.

Клокочет сердце от волнения:
Вновь покидаю отчий дом.
Мой путь туда, где нет цветения,
Лишь суета над талым льдом.

Нет никого на годекане,
С утра пока еще пустой,

Но слышу в спину восклицанье:
«Куда спешишь, земляк? Пстой!»

Остановившись, размышляю:
«Куда, действительно, иду?»
Моя любовь к родному краю
Взывает бросить суету.

Остаться здесь — где я родился,
Где начинался жизни путь,
Где на земле с отцом трудился,
Где сладко дышишь во всю грудь.

Всё решено: назад, к истокам —
Один, женаты сыновья,
В Москве огромной одиноко,
Здесь пристань главная моя.

Сияет солнце, как на троне,
Над горной ширмою небес.
Целую матери ладони.
«Сынок! Вернулся наконец!»

Послание

Мне нравится Москва, Россия:
Тут вихрем пронеслась вся жизнь.
Не всё, о чем мечтал, сложилось,
Но рад, что довелось здесь жить.

По нраву мне, что я родился
В древнейшем городе, в стране —

Там, где характеры и лица
Подобны Каспия волне.

Но уважать свою же старость
Не стала гордая страна:
И пенсии чрезмерно мало,
И медицина не сильна.

Задумавшись о тяжелой доле:
На что, прикажешь, уповать? —
Об иноземной вспомнил воле,
Где вроде легче доживать.

Да, я сейчас израильтянин,
Начать всё сызнова готов
И рад встречать друзей словами:
«Шалом алейхем! Бокер тов!¹»

Готов к пылению пустыни,
К еще чужому языку,
К евреям, что повсюду ныне,
К терактам, что с опаской жду.

С радушием в свои объятия
Я принят небольшой страной,
Здесь отнеслись ко мне, как братья,
Что ждут давно уже домой.

Признательностью бы ответить,
Не представляю лишь какой?
Молюсь за мир на всей планете
И за Израиля покой.

¹ Шалом алейхем! Бокер тов! (*иврит*) — слова вежливости, приветствия, переводящиеся как «Мир вам! Доброе утро!».

Хоть и покинул я Россию,
Простите слабость старику,
Отдал ей всё, пока был в силе,
Я свой на дальнем берегу.

Флажочек чувств

Мечта щемящий оставляет след
На месте том, где ты ее лелеял;
Волнует память через много лет
Флажочек чувств, оставленный навек,
Что выцвел и ослаб, но всё же реет.

Три орленка

(по мотивам притчи Амалдана Кукуллу¹)

Орел-отец растил орлят на островке морском,
Вдруг молния — и островок запылал огнем,
Кого избрать из сыновей, от гибели спасти,
Лишь одного способен он от смерти отвести.

И вот в когтях его повис один из сыновей:
«Скажи, сынок, зачем тебя, а не других детей?» —
«Вы постареете, отец, не то какой недуг,
Кормить из клюва буду Вас, обхаживать вокруг».

¹ Амалдан Кукуллу — литературный псевдоним классика горско-еврейской литературы Кукулиева Амала Даниловича (1935—2000). Известный фольклорист всю свою жизнь посвятил сбору, изучению и обработке эпоса родного народа, издал серию книг «Золотой сундук», куда вошли пословицы, поговорки, поэтические и исследовательские работы.

Я рядом был, в кругу друзей,
И не щадил свои ладони,
Глаз не сводящий ротовой,
Застыв как мумия в бетоне.

В тебе танцующей открыл
И темперамент, и ранимость,
Страсть нераскрывшуюся, пыл,
Гармонии неистощимость.

Обескуражен волшебством —
Вдруг ускоряющимся ритмом,
Танцовщица, что божество,
С ее не танцем — нет, а битвой.

Пусть осмеют, войду я в круг,
Не ноги — сердце затанцует.
Так ураган, возникнув вдруг,
В горах безумствуя, бушует.

Ах, шалахо — восторг души,
Века негаснущее пламя!
Прошу, умолкнуть не спеши,
Мостом любви став между нами.

У Стены Плача

Я стою у Стены, прикоснувшись несмело,
Рядом шепчет молитву такой же еврей,
И записочки близких своих первым делом
Втиснуть в щели пытаюсь древнейших камней.

Фото 3. Автор у Стены Плача¹ в Иерусалиме, 2014 г.

¹ Стена Плача, или Западная Стена (на-Кóтель на-Маарави) — часть древней стены вокруг Храмовой горы в Старом городе Иерусалима, величайшая святыня иудаизма, одна из главных религиозных достопримечательностей Израиля. Это самое святое место молитв после разрушения Храма почти 2000 лет назад. Существует традиция, что молитва у Стены не бывает впустую, и слова, идущие из глубины сердца, принимаются здесь лучше. Каждый стремится посетить это место и положить в щели между древними камнями записочки с просьбами.

Раньше был здесь не раз, и Стена не давала
Ни молиться, ни плакать, ни что-то просить.
Было путанно в мыслях, и не получалось
Ни поймать, ни нащупать исходную нить.

Но сегодня благая незримая сила
Через Стену к себе призвала как магнит,
Я прижался всем телом, меня погрузило
Сквозь могучие камни — проход был открыт.

Где-то издали слышались звуки *шофара*¹,
От резни гибли люди во внешнем дворе,
Страшным гулким огнем кровля Храма сгорала,
Полыхали священные книги в костре.

Кровью залиты улочки Иерусалима,
Всюду крики людей и безудержный плач.
Молит Бога старик — проезжающий мимо
Затоптал его лошадью пришлый палач.

В этот день мой народ был без Божьей защиты,
Стал днем скорби великой жестокий набег.
Храм сожжен Соломонов, а стены разбиты,
И утерян навеки *Завета Ковчег*².

¹ Шофар — еврейский ритуальный духовой музыкальный инструмент, сделанный из рога барана или козла. Имеет очень древнюю историю и традицию применения, восходящую к Моисею. В него трубят во время синагогального богослужения на Рош а-Шана (еврейский Новый год), Йом-Кипур (Судный день, или День искупления) и в ряде других случаев.

² Ковчег Завета — описанный в Торе священный объект. Был изготовлен по указанию Бога и представлял собой переносной ящик, в котором хранились каменные Скрижали Завета. До разрушения хранился в Храме Соломона, являлся символом союза Бога с народом Израиля и служил свидетельством присутствия Бога в его среде. Судьба Ковчега до сих пор неизвестна.

Кто виновен в крушении Божьего Храма,
Превратил благосклонность в пепел и дым? —
Разобщенные в дразгах потомки Авраама
Продолжали молиться тельцам золотым.

Не пошло нам в урок то, что было однажды,
Когда к пляшущим пали скрижали ногам —
Поклоненье тельцу, что избрали невежды,
Ни один из рабов не вошел в Ханаан.

От грехов, попустительства — наши страдания,
В первых строках наказов, что дал нам Господь:
Не убийства, не кражи, не прелюбодеяния —
От ревнителя Бога строптивый уход.

А когда отвернется Господь от народа,
То напасть не преминет и быстро придет,
В мире тьмы ненавистников, скопищ уродов
Если косят, то долго трава не растет.

Уж три тысячи лет, как евреи в изгнании,
В авангарде открытий и разных культур,
Может, время настало собраться в Израиле —
Завершить чересчур затянувшийся тур?

Вновь Ковчег золотой отольем по канонам
И древнейшие свитки в него поместим,
Восстановим по записям Храм Соломона,
От врагов и нашествий его защитим.

Я вернулся к Стене и прочувствовал снова
Вековую тоску известковых камней,
Страх пред Богом, любовь и немного иного,
Что не скроет во взгляде любой иудей.

Пропустил школу

Я пропустил сегодня школу,
Отец не стал будить меня,
С утра он поспешил к роддому —
Ждет пополнения семья.

Буравит свет сквозь занавески,
Бранятся звонко воробьи,
Кефирчик ждет на хлеборезке,
И бутерброд лежит внутри.

Открылась дверь, целует мама:
«Как я соскучилась, сынок!»
Сияющий отец: «Наш малый!» —
Раскрыл конверта уголок.

С утра потягиваясь сладко —
Не надо в школу, выходной,
Я к брата подошел кровати:
«Малыш, какой же ты смешной!»

Шалом, бирор!

В котле народностей, моем Дербенте,
Приветствуют на местных языках:
Традиция, рожденная в веках —
Язык собрата должен быть в привете.

Меня взрастила, напатав собою,
Горячая народов этих смесь,
Как спаянная в монолите здесь,
У цитадели с древнею судьбою.

Черта дербентца — теплота приветствий,
Покажется, что он неожиданно рад:
«Шалом¹, бирор!² Салам алейкум³, брат!» —
Как будто вы не виделись аж с детства.

И не волнуясь, что не будет понят,
Земляк всегда расспросит про жизнь:
«Эдже рафте? Эджеи ту? Инджо бьё!⁴» —
Он перечислит в шутку всё, что помнит.

Быть разобщёнными — что за заслуга?!
Есть то, что согревает изнутри,
По-свойски: «Вуч ийзва? Чу хабери?
Нэ вар, нэ йох?⁵» — приветствуем друг друга.

Джувьгургойим иму⁶

Джувьгургойим иму, джувьгургойим,
Дербендигьо, губейгьо, джарагыйо,
Гьер чуш исти — иму бирорггойим,
Мозоллу джувьгургьоре гердо.

Джувьгургойим иму, джувьгургойим,
Джуьн хуыштере мидим эй кифлет,

¹ Шалом (*иврит*) — приветствие.

² Бирор — брат (*перевод с джуури*).

³ Салам алейкум (*арабск.*) — приветствие в Азербайджане.

⁴ Эдже рафте? Эджеи ту? Инджо бьё! — Куда идешь? Где ты? Иди сюда! — набор фраз на языке джуури.

⁵ Вуч ийзва? Чу хабери? Нэ вар, нэ йох? — Как дела? — в переводе с лезгинского, джуури, азербайджанского языков соответственно.

⁶ Джувьгургойим иму — стихотворение на языке джуури.
Перевод: «Мы евреи».

Эз дули гьэилгьора дошденим,
Келейгьоре дореним хьуьрмет.

Эз иму инсонгьоре чуй кори,
Эз хэйлуь багда, чуй зобуни?
Таланчгьо ченд куьшди рабийоре,
Холокот ченд джужьгуре сохди?

Джужьгургьойим иму, джужьгургьойим,
Зирчумгьойим иму эн Худо,
Бедхоигьой муре не душменгьоре
Йу гьирмиш мисоху э вэхдо.

Джужьгургьойим иму, джужьгургьойим,
Хэнукои ге, гьомуну, нисону,
Дуьл-шори э мигьид му зурбойи —
И рузгьой хилоси эн иму.

Джужьгургьойим иму, джужьгургьойим,
Гьозор сал рахь дэригьо одоми,
Гьоврегьой бебейгьоре шенденим
Эй джигейге —... ей Йершолойими.

Худо вараундо джужьгургьоре,
Гаргушисохдэнгьоре войге,
Шолуми бийово Йершоломгьоре,
Эй гьош гьисд э дуьл ме джиге.

Деде¹

Худо шуькуьр, туь гьисди э илом,
Теимогьой туь мере хорунде —
Воисдениге, туь жун мени, хьэлол,
Чуьшмей ме, гьеррузи товуш доре.

Нифри-офри эденум вешенде
Э сер хуьшде — зенги фурмуш сохтем.
Еён туь е орне семет бире,
Се гьозор верс эхирки паруьсдем.

Дъеш ме расируьм э хуней деде —
Гьегене гьэрсгьо погъли-погъли.
Эй хандеи туь инжо оморе,
Сер кеширем ме туьре эй шори.

Верф дегуьрди хоригьоре зу сери,
Гьово ишму — герми, ошкуново,
Деде-бала, дуьлгьойму эки —
Худо дедеоре жунсоги гердо.

¹ Деде — стихотворение на языке джуури. Перевод: «Мама».

Крепость Нарын-кала. 1955–1960 гг.

О, ЖЕНЩИНЫ!

Горяночка

В одном ауле — горной деревеньке —
По просьбе старцев мы родник спасали:
Поставили отливы, грот, ступеньки,
На подступах песчаник плоский клали.

Трудились добросовестно и честно,
Сковали тонны камня и цемента
И отдыхали от души, чудесно
Энтузиасты — парни из Дербента.

Но не о том рассказ мой — о блаженстве,
Что испытал впервые в эту пору:
Горяночка с кувшином — совершенство,
Ступающее грациозно в гору.

Я счастлив был. За нею наблюдая,
Нередко останавливал работу,
Лишь скромно улыбалась молодая,
Когда пытался проявлять заботу.

Нет ничего волнительнее ножек,
Походки легкой, линий силуэта
И грации, что восхищает тоже,
Из каменщика делая поэта.

О, женщины!

О, женщины! Вы созданы для неги!
Чтоб в сторону печали отводить!
Но чаще всё же тянете телеги
И тихо так, чтоб лихо не будить.

Бог создал вас для умиротворенья,
Даря мужчинам к жизни интерес.
Вы миру шанс даете возрожденья,
Толкая ненавязчиво прогресс.

С цветами и восторженным поклоном
И искренним радушием в глазах
Простить прошу, воспользуюсь шаблоном:
И дня без вас на свете жить нельзя!

Какой же олух!

Какой же олух! — Не решиться!
Корю себя, на сердце — стыд.
Такая женщина!.. Царица —
Пред очи, всё еще стоит.

Моя!.. Красы необычайной!..
Какая ж ладная она!..
Точь-в-точь такая, что в мечтаньях
Ко мне приходит иногда.

На хрупкой шейке легким шелком —
Рассветной дымкою платок,
Головку с аккуратной челкой
Венчает огненный пучок.

И не в годах, и не девчонка:
Моложе — да, но не в отрыв.
В сапожках на подошве тонкой
Стоит, чуть спинку прислонив.

Какой же олух! — Не решиться!
Быть может, и она ждала,
Чтоб я ей как-нибудь открылся,
А дальше и она б могла.

Мне выходить случилось раньше,
Вдрызг негодую оттого:
Лицом к лицу стояли даже,
И не предпринял ничего.

Работа, интересы, дети —
Что в тот момент считал важней?
Судьба дала мне счастье встретить,
Не дав и объясниться с ней.

Душе бы не было так мутно,
Не так палило бы нутро,
Вернуться бы мне в это утро,
В тот час и в тот вагон метро.

В поле ромашковом

В поле ромашковом в светленьком платье
Вихрем смешливым паришь босиком,
Вслед за тобой, распахнувши объятия,
Мчусь, обрученный плетеным венком.

Пойман на вздох поцелуем запретным
Ангельских кущ озорной голосок,
Девственной лаской, нежданно согретый,
Сыплет на землю зерно колосок.

Руки вразлет, упоенье во взгляде,
Юный восторг, пряный запах в стогу...
Милое солнышко в легком наряде,
Вкус твоих губ я в душе берегу.

Желанная

Желанная! Чего ж еще желать?
Желанной быть — желанней нет наград.
Желаю жить и грудью всей дышать,
Своей красой приковывая взгляд:
Походкой легкою, как сам восторг,
Улыбки светом, ожиданьем встреч,
Других не жалуя у стройных ног,
Как бы не жаждали они увлечь.
Желанной быть что птицею летать,
Мазками яркими — весь мир вокруг,
Пусть не оставит эта благодать
Твою желанную, желанный друг.

И расставание не значит ничего

И расставание не значит ничего:
Пусть не совпало быть с тобою рядом,
Отнять всё то, что доставляло радость,
Что было счастьем и души усладой,
Немыслимо, ведь это волшебство.

Да, волшебство, как залпы конфетти,
Полосками спадающие блески:
Рассвет во фьордах, пальмы и березки,
И чувства светлого, казалось, отголоски —
Ведь память не сотрешь как ни крути.

Твои глаза, что на десятках фото,
Блистают теплым вкрадчивым огнем:
Под солнцем — ярко, мягко — под дождем.
Забыть, возможно, хочешь обо всём,
Я не готов и толики чего-то.

Прощанье не вернуло статус-кво:
Ты остаешься жить во мне истомой,
Тепла частичкой, крохой невесомой...
И расставание не значит ничего.

Девчонка

Каблуки, макияж и разрез у бедра,
Побрякушки на хрупких ручонках,
Наблюдая невольно, я понял с утра —
Ты без этого просто девчонка.

Удивляюсь, насколько же юная ты,
Без теней и раскрасок на веках;
В этом нежном периоде правят мечты
О каких-нибудь принцах в доспехах.

Припозднился беспечно в гостях, в суеде
Опоздал на автобус, вернулся
И, проснувшись, узрел на соседней тахте
Ту, которой вчера улыбнулся.

Ничего не могло быть меж нами тогда,
Но запомнился облик невинный;
Понял я: из такого точь-в-точь ангелка
Афродиты мои и Афины.

Нежный сон

Нежный сон, несбывшаяся встреча,
Трепет чувств в объятиях желанных.
Неужели счастлив и беспечен,
Лаской опьяненный долгожданной?..

Как флажочки пламени по телу
С жарких губ, касающихся кожи,
Рвется кровь по сердцу оготело,
Душу распалив и растревожив.

Где-то рядом шепчутся признания,
Мы с тобой в тумане безрассудства,
В буйство переросшие блуждания,
В пламени тела, дыханья, чувства.

Мысль о нереальности раздвинет
Пелену видений, сняв вопросы:
На пустой несмятой половине —
Сирых одеял моих торосы.

Не предала, не клялась, не любила

Не предала, не клялась, не любила,
Закончилась влюбленность, вышел срок,
В окне метровагона растворилась,
Оставив хлесткий на душе ожог.

Чего стою, — твой поезд не вернется,
Улыбка сожаленья, взмах руки,
Бреду в тоске, а сердце словно рвется,
Унять не в силах приступа тоски.

В прибывший поезд входят торопливо
Десятки судеб с сотнями потерь.
Не предала, не клялась, не любила,
Была и растворилась, что ж теперь.

Лет нам осталось

Лет нам осталось — на пальцах счет,
Что ж мы с тобой собачимся?
Каждая ссора здоровье жжет,
Право же, дурь и ребячество.

Если достанешь вконец, готов
Сгинуть в огромном городе,
Быстро придет осознание то,
Как же друг другу мы дороги.

Скоро апрель, игнорируют снег
Ранными трелями птицы,
Есть еще время, хоть короток век,
Тем, что дано, насладиться.

Только не весна

Осень-расставание — в душе
Слякотно и зябко, ежишь плечи,
Сникшая природа в неглиже
Гаснувшему чувству не перечит.

Плотская безудержная страсть,
Игры, флирт и необремененность.

Кончился сезон, прошла напасть:
Лето-расставание — влюбленность.

Жизнь в порывах сброшена с петель,
Выправить обратно нет желанья:
Расставание-зима — метель
Стелется поземкой на прощанье.

Чувства, как иные времена,
Соль несут своих переживаний,
Только расставание-весна
Против естества и ожиданий.

Нас разлучила нелюбовь

Нас разлучила нелюбовь,
Но и она была прекрасна,
Я улыбаюсь в день ненастный,
Твои глаза представив вновь.

Нас разлучила нелюбовь,
Но ты останешься мне музой,
И то прощанье под Тарусой —
Лишь пробуждение от снов.

Нас разлучила нелюбовь...
С тобою рядом как крылами
Парил орлом над облаками
И не искал для виршей слов.

Нас разлучила нелюбовь...
Пусть наш союз и не был раем,

Я признаю: мне не хватает
Тех встреч, прогулок и звонков.

Нас разлучила нелюбовь...
И холостяцкая рутина
Как поглощающая тина —
Не победить ее оков.

Без ураганов и ветров,
Под крап дождя цветущим маем
Безмолвно руки пожимаем —
Нас разлучила нелюбовь.

Ты мой ангел

С неба — мушками пушистый снег,
Ты опять без умолку болтала,
На морщинку глядя между век,
Понял я — ты мне родною стала.

С телевизором вперегонки
Ты вещаешь мне о чем-то важном,
Я пишу восторженно стихи
О тебе, о том, как ты прекрасна.

Может быть, обиделась? Молчишь,
Не навек заряд у автомата,
Приютившись рядом, сладко спишь,
Ты мой ангел, мне другой не надо!

Полюбить

Уже не будет полной безрассудства
Всепоглощающей большой любви,
Покойтесь с миром, прежние безумства,
Пора терзаний, страсти до зари.

Пусть в этой жизни, без любви унылой,
Ее не встретить больше никогда,
Я счастлив тем, что всё когда-то было
С лихвой на душу, в прежние года.

Любовь легка порою и не вечна,
Но пламя страсти не дано забыть:
Как, растворившись в нежности беспечно,
Сквозь поцелуи тщишься говорить.

Не обмануть течения природы,
Не заискрит, как прежде, жизни нить,
Однако сердце, несмотря на годы,
Лелеет вновь кого-то полюбить.

Месяц и облако

Маленькое облако на исходе дня
Бархатною нежностью радует меня,
Месяцем хрустальным я рядышком лечу,
О любви отчаянной ласково шепчу.

Сумерки улягутся, в окружении звезд
Провожу я облако до золотых берег:
Искренним признанием вряд ли удержать,
Холодом расстелется звездная кровать.

Прочь угонят облако резвые ветра,
В пьяном одиночестве буду до утра,
Полосой забрезжится розовый рассвет,
Оглянусь с надеждою — облака там нет.

Месяц растворяется в ярком свете дня —
Посидев у краешка, не найду тебя.
Маленькое облако — нежная печаль,
Нынче новолуние — пустота, а жаль.

Не зажглось

Прошу прощенья, солнце, у тебя
За то, что не зажглось, не заискрилось,
За то, что было с нами и не сбылось —
Нельзя быть вечно вместе, не любя.

Как разожжешь, коль даже не искрит,
Не сохли, а сырели наши спички,
Пытались здесь и в дальнем заграничье,
Где будто счастлив был с тобой пиит.

Ничто не вечно — есть всему итог,
Не думаю, что ждешь звонка на трубку,
Я сам нырнул в бессрочную разлуку,
А если так, то есть ли в этом прок?

Покой

Лицо, уставшее в горниле дня,
Прохладою покрою твоих рук,
Но взглядом воспален, не времена,
Вопьюсь нещадно в бархатистость губ.
Нектаром наслажусь закрытых век,
По шелку шеи проведу щекой
И, растворенный упоеньем нег,
Закончу день и обрету покой.

Причуда

Мне снилось, что, воссевши, как на трон,
На тройку, запряженную ослами,
К ногам твоим с гармонью и шутами
Примчался объясниться, что влюблен.

Ладони лотосом собрав в мольбе,
С улыбкой джокера, сложившись фриком,
С ослами в унисон, несносным криком
В безумной страсти признаюсь к тебе.

Рассеялась дремоты пелена,
Задумался: что это за причуда,
Кто краски льет на мельницу абсурда
И пишет нам сценарии для сна?

Сынок

Залет, девичьи слезы, малый срок,
Ты смотришь искоса и ждешь ответа.
В смятенье я, совсем не против где-то,
Но мама мне: «Какие твои лета:
Не торопись, оставь ее, сынок».

Авралов на работе черед,
Вздыхаю я за ужином натужно,
И мама мне: «К чему нам эта служба,
Начальство если к служащим бездушно?
Так это не работа — ерунда».

На съемной я не раз искал приют,
Но мама: «Что за барские замашки?
Что... негде жить? Кто приготовит каши?
Кто будет гладить и стирать рубашки?
Так даже и не думай, баламут!»

Что ждет меня, прекрасная из мам,
Когда наступит час, уйдешь навеки,
Твоей, родимая, лишусь опеки?
Что в одиноком толку человеке,
Какая радость ждет меня к годам?

Давно не виделись

Чужой до боли, отстраненный взгляд.
Давно не виделись — ты не свободна.
Как дробью в грудь пронзительно-холодной
Я легкой поступью твоей размят.

Да, ты прекрасна, ножки и рельеф,
Глаза беспечнее, а грудь пышнее.
И где же был я, что считал важнее,
Когда расстался с лучшей из дев?

Чужая... Что ж, прекрасен мир вокруг,
Любви ошибки и горьки, и сладки,
Прильну к другой (к чему теперь нападки),
Кто в пух и прах развеет мой недуг.

Любовь не проходит

Любовь не проходит бесследно,
А лишь притаится внутри:
Так дремлет бурливая Этна,
Вмещаая в себе свет зари;
Так трепетом парус рыбацкий
В час зноя баюкает штиль;
Так песни поют по-бурлацки
Безрадостно несколько миль.

Она не исчезнет в пустыне,
В дожди иль в снега, в мире снов,
Забвенье не ждет ее имя,
Всё так, если это любовь.
Как искренне, проникновенно,
Курлычут в клину журавли,
Любовь не проходит бесследно,
А лишь притаится внутри.

Комета

В сомнениях метался и страдал,
Признаюсь в том, что не от страшной боли,
А от любви и незавидной доли:
Не выйдешь за меня — я слишком стар.

И правда: утро жизни не вернуть,
Большая разница — твержу заклатье,
А чувство позднее — мое проклятье —
Смирненную навевает грусть.

Открыто от тебя услышать «нет» —
Ножом по сердцу... Пусть уж по бумаге;
Письму доверюсь, дело не в отваге —
Отсрочить разве тягостный ответ.

Замедлив ход, настойчиво летит
По эллиптической кривой комета
И, в бездне разворачиваясь где-то,
На новую идет спираль пути.

Хрусталь любви

Любовь не так хрупка, пока лелеешь
Ты страсти плен закрытыми глазами —
Еще предмет любви свой вожделеешь,
А гильотина уж висит над вами.

Хрусталь любви особо беззащитен —
Держать удар ему бывает туго.
Лишь в чистоте он тверд и монолитен,
А эгоизм его заводит в угол.

Родными многие казались лица —
Судьбой иной они живут на свете,
В осколках чувство новое родится,
И каждый за любовь свою в ответе.

Разные

Мы разные, как два клочка земли,
Как серп луны, закаты и рассветы,
Что видятся по-разному вдали
Сквозь разный воздух
с разных мест планеты.

Но случай, притяжение стихий
Все наши разности в одно связали,
И в волшебстве смешенья энтропий
Вы для меня частичкой света стали.

Пусть бури вызывает разность сфер,
В лощинах чувств нередкие раздумья,
Вы устремление, восторг, пример,
Изъять бы только капельку безумья.

Поддался искушению

Поддался искушению любить
И лишь теперь постиг опасность эту:
Не любишь ты, и вместе нам не быть,
Не вековать счастливому дуэту.

Желал других я женщин — не святой,
Теперь влюблен, желание производно,
И сердце обжигает кислотой:
Как же легко становишься холодной!

Завязнувший в чужом пруду гусак,
Глотаю брошенные рядом крошки,
Хоть ближе не становимся никак,
Трубить отход повременю немножко.

То в жар, то в холод бросится душа,
Вслед обожанию — презренья ругань:
Любовь, когда взаимна, хороша,
А нет — опустошающая мука.

Пора любви

Любил ли я когда-либо — не знаю,
Но теплоту и волшебства порыв,
Восторг и счастье без конца и края
Не раз случилось для себя открыть.

Безудержная страсть и радость жизни,
Когда стремленья музами трубят,
Чувств новизна, весенних лужиц брызги,
Пока запал не изведет себя.

В такую пору жизнь подобна раю,
Но то не рай: конечны страсть и пыл.
Любил ли я когда-либо — не знаю,
По совести — лишь в те моменты жил.

Одуванчик

Ценитель распрекрасной половины,
Юродив будто бы на тему дам:
Венеры, Афродиты и Афины
Всё грезятся ему и тут и там.

В любви клянется сразу, без разбега,
Стихи, цветы и нежные слова,
Бьют в мозг и дифирамбы, и опека,
А пыл таков, что кругом голова.

Галантен и, держа как драгоценность
Ладонки женские в своих руках,
Бездонность глаз приметит, совершенство,
Лобзаннями осыплет впопыхах.

Не человек, а божий одуванчик,
Что сеет парашютиками мир,
Восторженный любезник — вечный мальчик,
К кому теперь несет его зефир?

Но нет страдалиц от его недуга —
Уж больно безрассуден он в любви,
Покинутая крестит вслед подруга:
«Лети, мой голубь! Бог благослови!»

Поиграем

Поиграем в любовь, поиграем,
Коль в сердцах прижились холода,
Хоть попробуем, может, оттаем:
Поиграем — не будет вреда.

Ты прекрасна, пускай кто-то спорит,
И мила, и умна, и чиста,
Среди многих возможных историй
Я играю с тобой неспроста.

Счастлив — рядом со мною нагая
Дремлешь ангелом ты поутру,

Я откроюсь тебе, дорогая,
Что влюблен, прекращаю игру.

Предвкушаю признания встречу:
Галстук-бабочка, должный настрой...
Держишь ручку ты в чьей-то безопасно,
Увлеченная новой игрой.

Совет подруги

Не тупи ты, вздыхая натужно,
Дужку лифчика вновь беребя,
Ну чего еще бабе-то нужно? —
Этот будто точь-в-точь для тебя.

Образованный, умный, нежадный,
А придумщик — ну что говорить! —
Не сказать чтобы рохля иль бабник,
Не ленись только ласку дарить.

Если будешь кумекать годами,
Рассуди: он ведь не на луне,
Есть с не хуже твоих прелестями —
Те, кто быстро считает в уме.

Женщина грез

Жизнь проходит, всё ближе конечный утес,
Стало явственней, что, подходя к рубежу,
Не случилось найти свою женщину грез —
Ту, что чувствую рядом, но не разгляжу.

С самой юности где-то на сердце моем
Ты присутствуешь будто частичкой тепла:
Объявилась; казалось, неплохо вдвоем...
Жаль, попутчица снова не ты и не та.

Не пугает меня виртуальность пути,
Пусть не встретиться нам наяву никогда,
Ну, а если ты ангел, что не во плоти,
Опечалившись, я сгорю от стыда.

Мечта

Дом обволочен кружевом лиан,
Дремлю в саду под сенью винограда,
Трещит поилка, радугой фонтан,
Калитки скрип — пришла, моя отрада!

Окликнула, вернулся ли домой,
Мелькнули ножки вдоль гряды пионов,
В благоговейном созерцании, немой,
Ловлю слюну, как худший из шпионов.

В моей мечте — она, а кто ж еще?
И дом, и сад, всё только к ней придаток.
Взгляну на косу и румянец щек,
И нежность разливается до пяток.

Ни телефонов, ни инета, ни ТиВи —
Лишь мы вдвоем и ничего пустого.
Здесь верховодят магия любви,
И нежный взгляд, и ласковое слово.

Пазл

Взбешен капризами и рву в досаде
В клочки дарованный тобой портрет,
Что рисовал художник на Арбате, —
Прелестницу, держащую букет.

Но отошел... и собираю пазл —
Частички той, которой лучше нет;
Поверх пергамента, что клеим смазал,
Явился вновь твой лучезарный свет:

Нашел глаза, которым улыбаюсь,
Добавил к ним все части до одной.
«Ах, как я мог?!» — порыву удивляюсь,
Целую в лобик: «Ангел мой родной!»

Алёнка

Я понял, отчего в тебя влюблен
И околдован был, лишь заприметил,
Блаженством заволочен и огнем,
И что за это волшебство в ответе.

У очереди длинной на краю
На стеллажах — рядками шоколадки:
В девчушке на обертке узнаю
Тебя, мой нежный ангелочек сладкий.

Какао, сахар, молоко, масла;
Глаза точь-в-точь как у моей девчонки.
Звоню любимой: «Здравствуй! Как дела?
Скажи, ты как относишься к "Алёнке"?»

Прячу душу

Прячу душу, как воротом шею,
И работой, и крепким вином,
Я претензий к любви не имею,
Лишь растерян, что всё кверху дном.

Сколько жизни дано увлечений
И любви, что возрастает из них,
За редчайшим того исключением:
Чувство вряд ли накроет двоих.

Кто-то будет любить — этим счастлив,
Кто, скорее, любить позволять,
Лишь окажется нужным участие,
Всё откроется — надо признать.

Во вселенскость любви я не верю,
Рвется цепь низкопробным звеном,
Прячу душу, как воротом шею,
И работой, и крепким вином.

Это было

Это было с тобой и со мной,
Лет не помню — ходили уже,
Интерес — опыт первый смешной:
Ты и я тет-а-тет неглиже.

Любопытство беспечное в нас —
Прикоснулись друг к другу всего,

Не стесняясь совсем, напоказ
Демонстрируя всё естество.

Озадачен, ходил как немой:
Как же так беззащитна она?
Разошлись — я за ручку домой,
Ты осталась стоять у окна.

Осень поздняя, вечер, свежо,
Ветер резвый столкнул нас впотьмах.
Улыбнулся, узнал, вспомнил всё,
Любопытство — оно же в глазах.

Наваждение

Как солнечных лучей игра
И как пикантность перца,
Щекочет пальцем гуслира
Любовь по струнам сердца.

Восторги, радость, теплота
И жизнью наслаждение.
Вот так была б и прожита —
Страшусь, что наваждение.

Химия

Я робею как мальчонка пред тобой:
Ты та самая, я сразу это понял,
И мурашки щекотливою гурьбой
Лихо бегают от шеи до ладоней.

Я в тебе родную душу распознал —
Будто химия меж нами приключилась,
Улыбаешься, сражая наповал —
Сердце стылое клокочет с новой силой.

Я давно уже не сплю из-за тебя,
Неприкаянный верчусь в большой кровати,
Но надеюсь, что когда-нибудь, любя,
Мы разделим на двоих свои объятия.

Капает дождик

Капает дождик, тоску нагоняя,
Бисером льет волшебство,
Люди бегут с остановки трамвая,
Выпустив краски зонтов.

В разные стороны бросились судьбы —
Каждому — свой уголок.
Яркими красками мокрые клумбы —
Славный дождливый денек.

Мы обсуждаем, смотря из окошка,
Разнообразие дней.
Греем озябшие души в ладошках,
Жмемся в объятиях тесней.

Светлый сон

Вчера мне снился светлый сон:
Ты в платье белом,

Волной мажорной Мендельсон
Звучал умело,
Как никогда я счастлив был,
Взаимно будто,
Тебя без устали кружил...
Вмешалось утро.

Смотрел бы век в твои глаза,
Дарил улыбку,
Любви хрустальной паруса
Исчезли в дымке.
Уж лучше б вечность длился сон,
Чем пробужденье,
Где счастлив был и где влюблен
В свое виденье.

С тобой быть вместе наяву —
Мечта пустая,
Я рад любому рандеву,
Моя родная.

Будильник

Звонит будильник у соседа,
Знать, скоро загорланит мой,
Ты рядом, донага раздета,
Лицо опутано косой.

Уже не спится, отключаю,
В дремоту светлую вгляжусь,
Оденусь тихо, выпью чаю,
В киоск за розами спущусь.

Тепло на сердце отчего-то —
Тебя разбудит запах роз,
С улыбкой еду на работу,
И так приятно — аж до слез.

Фото 4. *Репродукция картины Винсента Ван Гога
«Звездная ночь над Роной» (1888 г.)*

Большая Медведица

Яркими булавками Медведица
Шпилит небосвода полотно,
Личико румянцем алым светится,
Россыпями звезд вдохновлено.

Роднички, Кашира, ночь безлунная,
Вяло кружит омуты Ока,
Тайными магическими рунами
Звезды восхищают свысока.

Трепетная, необыкновенная,
Словно волшебством озарена,
Ты моя прелестная Вселенная,
Тайна нераскрытая сполна.

Нравишься!

Нравишься! Ну что еще сказать?
Хочешь ты услышать о любви?
Вряд ли я могу тебе солгать
В тающих во тьме цветах зари.

Что ни пересказано о ней —
Дымка горизонта иль мираж.
В песне дух изводит соловей —
Что это порыв, любовь, кураж?

Вечна если, где она теперь —
Предана, затеряна в годах?
Тысяча одну открывши дверь,
Грезишь лишь одной и навсегда.

Склонности добиться мне твоей
Проще, говоря слова любви.
Станет ли кому из нас светлей? —
Вряд ли, как душою ни криви.

Мужские слезы

Я видел слезы на глазах мужчины,
Обманутом любимой женой:
Союз любви, что выглядел счастливым,
С чудовищной разрушен быстротой.

Совместный быт и выросшие дети
Препятствием не стали для вранья,
Всё то, чем жил, чем дорожил на свете,
Терзало душу, болью вопия.

Не мог сдержать он слез своих напрасных,
Взирая с безысходностью на снег,
И на работе, сидя безучастно,
Приковывал внимание коллег.

Одна из них стыдила и жалела,
Добра к нему была, почти как мать,
На выручку пришла открыто, смело,
Не преминув утешить, приобнять.

Прошла неделя, вместо слез — улыбка,
Спокойствие и рвение в труде,
И рядом с ним она... Нет, не ошибка —
Та, что плечо подставила в беде.

Цветение персика

Весна — природы торжество,
Цветение персика чудесно.
Любуясь, прижимаю тесно,

Хмельно и страстно божество.
В душе светло, жить интересно.

Объяснюсь

Лишь во сне могу тебе открыться,
В потаенных мыслях говорю,
Подгоняет время объясниться,
Малодушие в себе корю.

Без сомнений, чувствуешь и знаешь,
Как давно тебя боготворю.
В странную игру со мной играешь:
Рядом я, а ты не замечаешь —
Черствая, подобно сухарю.

Если кто-то третий между нами,
Запросто общаешься с другим.
Я же, очарованный губами,
Блеском глаз, улыбкой, волосами,
Нем как рыба, чувствами томим.

Соберу всю волю и характер,
Прегражу твоим движениям путь,
Расцелую, заключив в объятья,
Будь что будет, сдую как-нибудь.

Любил ли?

Любил ли или только на потребу
Желаниям мужским тебе внимал,

Лелеял, холил, жаждал, обнимал,
Свободною рукой вода по небу?

И стоит ли будить воспоминанья
Теперь, садясь на взлетной полосе,
О взгляде светлом, о тугой косе
И холоде июньского прощанья?..

Остры и явственны терзаний муки,
По сердцу жалом водит пустота —
Души осколок, канувший в года,
Беспечно отданный в чужие руки.

Большая девочка

Большая девочка, принцесса,
И нехочуха, и «отстань!» —
Тем паче, больше интереса
К себе привадить эту лань.

Упреков я не замечаю,
Пусть всё взорвет — любой каприз,
Лишь отойдет немного, знаю:
Такая душка — супермисс.

Я раскусил ее повадки —
Вином и чаем угощу,
Собою обовью в кровати
Вокруг в подобие плющу.

Она, вернувшись из астрала,
Прошепчет: «Ты мой господин!»
«Убийца!» — вымолвлю устало,
Глуша дыхание турбин.

Ты станешь ангелом моим?

Ты станешь ангелом моим? —
Хочу быть век с тобою рядом,
И день, и ночь — все сутки кряду,
Любовью искренней томим.

Лелеять и обожествлять,
Предвосхищать твои желанья,
Цветами, пламенным свиданьем
Разлуку каждую венчать.

С тобою, светлый ангел мой,
Исколесить хочу планету,
Закаты наблюдать, рассветы,
Прогуливаться под луной.

И целым быть с тобой одним:
Дыханьем, дымкою воздушной.
Мне счастья большего не нужно —
Ты станешь ангелом моим?

Посмотришь ли?

Посмотришь ли ты в сторону мою?
Куда идешь, откуда, если б знать...
Движенья, замороженный, ловлю,
Как бабуин, не смея и дышать.

Чужая, удаляешься, как жаль —
Не обернулась, на душе — комок...
Неотвратимо рушится хрусталь
Тех светлых чувств, что подарить не смог.

Свет

Ты волшебства искристый свет,
В рутине будней светлый луч,
Другой такой на свете нет —
Улыбка света из-за туч.

Вокруг полсвета обойдя,
Нашел светлейшую свою,
Приноровился в свете дня
Стоять у света на краю.

Глазами светлой глубины
Ты светлячками режешь ночь,
И в свете голубой луны
Дорожкой светишься, как скотч.

Пусть свет всегда в тебе горит
И светлых чувств огонь хранит!

Ты обиделась

Ты обиделась, мне больно,
Как же я к тебе жесток!
Буду чуток впредь, довольно
Нежный огорчать цветок.

Стану тем, кем ты захочешь,
Только бы не трепет губ...
Признаю, что, между прочим,
Иногда бываю груб.

Пустословить перестану,
Меньше буду доставать.
Если скажешь — тенью стану.
Тень захочешь целовать?

Я хороню свою любовь

Я хороню свою любовь,
Глухим захлебываюсь виски,
Веду себя по-свински, низко.
И что, коль боль моя без слез?

Нет, никого не упрекаю.
Зачем? Ушедших не браню.
Я хороню, хожу по краю:
Позвольте, счастье помяну.

Не буду век таким угрюмым,
Задирой, наглым и прямым.
Пусть только боль утихнет, с миром
Вернусь я к вам, опять живым.

Да ну их

— Ты, Пантелей, ослабь поводья,
Мне не резон домой спешить.
Такую шпильку прежде надо
В трактире как-нибудь запить.

Останови у той хибарки
И бубенцы с дуги сними.
Пойдем осушим две-три чарки.
Да ну их, черт их всех дери!

Уж как наклонность оттолкнула,
И хладнодушием сожгла? —
Как будто в прорубь окунула.
А на фасад — как хороша!

— Ты хоть не падай, барин, духом
И то в сердцах не восприми,
Оглоблей ездют по ухам,
Потом попробуй отдери!

— Так ведь, не сперва с ней общаюсь.
То слишком мягок, то мужик,
То вдруг назойлив, то стесняюсь.
Да чтоб их, черт, без закавык!

Дружок, поедem-ка в поместье,
У нас немало «знатных» баб,
Руки просил, имею честь я,
Теперь домой, гони в нахрап.

Глаза в глаза

Твои глаза совсем без дна,
В них тонут мои бесы —
Сомненья, опыт и вина,
Их бесконечна глубина,
И нежностью душа полна,
Прозрачна, без завесы.

Мои глаза темны как смоль,
В них только — отраженье.

Твои — привязанность и боль,
Откинуть прочь себе позволь,
Как пряди, расставаний соль
И прежние сомненья.

Вот мы опять с тобой одни,
Глаза в глаза, так близко,
И разделяем наши дни
Безумным трепетом крови,
Блестят, как маячки, огни
В безмолвии искристом.

Смуглянка

Приляг, смуглянка, на кушетку,
Угомони и прыть, и стать,
Расслабься, выключи кокетку,
Я, рядом сев на табуретку,
Начну тихонько колдовать.

Закрой глаза. Руками стану
У головы твоей водить,
Навею шепотом туману,
Врасплох мигрень твою застану,
Доверься, прежде чем бранить.

Не знал, не думал — ты уснула,
Руками больше не вожу.
Окликнул тихо — не очнулась,
Сказал: «Люблю...» — не шелохнулась,
Будить немного погожу.

Как же мила без наносного,
Ушла с лица дурная спесь,
В тебе так много неземного,
Изысканного и простого,
Прекрасна вся какая есть.

Меня отчаянно тянуло
Отведать вкус и щек, и губ,
Тебя как током всколыхнуло,
На миг глазищами сверкнула,
Но, впрочем, взгляд твой был не груб.

Белугой не заголосила,
И тишину не взорвала,
Не ухмылялась, не дерзила,
Собравшись с духом, через силу,
Призналась, что давно ждала.

Везет

В тебя, как в полудрему, окунаюсь.
И мир ее не сон, не явь — другой.
Ючусь, как гусеница, пеленаюсь
В твой воздух, твои прелести, покой.

Проснусь другим, как будто обновленным,
И бабочкой захочется в полет —
Летать по будням одухотворенным:
Надеюсь, и тебе со мной везет.

В загсе — развод

Развод и смерть, вход со двора —
В парадном — к Мендельсону вирши,
Смерть в цокольном — здесь тишина,
Развод куратор-сатана
Свершает этажом повыше.

Желанной метки пары ждут,
Уж в ножны вложены безумства,
Им кажется, что обретут,
Законно расписавшись тут —
Утилизированы чувства.

Пусть будет так, и дай вам Бог
Сменить полярность треволнений,
С иными строить диалог,
Развод — развилка, не итог
Ни чистых чувств, ни заблуждений.

Егоза

Если я тебе не нужен,
То зачем же портить кровь?
Иль заразен я, контужен —
Убегаешь вновь и вновь.

Отвергаешь поцелуи,
Прячешь искорки-глаза,
То приветись, то укусишь —
Вот же, право, егоза!

Самому бы мне окститься,
Но, как павою пройдешь,
Ринусь вслед, моя жар-птица,
Проку — лишь в коленях дрожь.

Всё... прощальное свиданье.
Что метаться и страдать?
Узелок непониманья
Надо нынче ж развязать.

Макияж, улыбка, платье...
Очарованный стою,
Распахнув глаза-объятья,
Будто раненный в бою.

Три девушки

Три девушки в платьях просторных
Мочалят белье у пруда.
От икр и коленок проворных
Трепещет в истоме душа.

Резвы и ступни, и ладони:
Полощут, и топчут, и трут,
Закончив работу, лохани
На бедрах красиво несут.

Волнуют манящие формы,
Врожденные нор и прыть.
Как эти виденья тлетворны,
Подростку вовек не забыть.

Я с тобой

Земля погрязла в нелюбви и лжи,
Пробился к свету крохотный цветочек.
Будь осторожен, ветер, не помни
К гармонии стремящийся росточек.

То солнце жжет, то дождик проливной,
И лепестки по сторонам бросает,
Не бойся, цветик, я теперь с тобой.
Колючий град в ладонях теплых тает.

Планета

На небосводе чудную планету
Мне показал приятель-астроном,
С тех пор неймется бедному поэту,
Подбитому незримым гарпуном.

Манит к себе, притягивая формой
И белизной сияющей двух лун,
Подернут дымкой легкой благотворной
Экватор размечающий зыбун.

Заброшу всё, приобрету путевку
И арендую старый звездолет,
Нет, не хочу, не стану брать страховку,
Лечу уже к звезде своей, вперед.

Сердце

Ах, почему ты, сердце, рвешься,
Куда торопишься, скажи? —
То вдруг отчаянно забьешься,
То сникнешь лоскутком в груди.

Уймут ли милые объятия
Твою безудержную суть?
Молю умерить восприятие,
Позволь чуточек отдохнуть.

Зову

Зову я именем твоим луга,
Где нет тебя и бабочки порхают,
Здесь красота, и я ее слуга,
И травы, и цветы благоухают.

Я именем твоим зову леса,
Где в тишине пернатых переклички,
Макушечки щекочат небеса,
И замысел есть в песне каждой птички.

Зову я реки, горы и моря,
Не может безучастным быть пространство.
За искренность меня благодаря,
И эхо отвечает постоянством.

Пусть ты не рядом, именем твоим
Все закоулки мира отзовутся.
Блаженно будет вместе нам двоим,
Когда сердца в объятиях сойдутся.

Черненькое платье

Черненькое платье,
Красный поясок —
Только междометья
Прсятся в висок.
В воздухе витает
Легкий запах роз,
Стрелами пронзает
Колдовство волос.
Кошкою походка,
Птичкою глаза,
Пялиться неловко —
Не глядеть нельзя.
Нотками цепляют
Каблучки асфальт —
Клокотом терзают
Саксофон и альт.
Чудное создание,
Нежный колосок —
Черненькое платье,
Красный поясок.

По белому снегу

По белому снегу,
По чистому снегу
Косые тропинки —
Смятенья следы.
По чистому сердцу,
Багровому сердцу
Проводишь бороздки

Упрямая ты.
Ах, если бы сердцем
По белому снегу
Расплавы артерий
Чуть-чуть охладить.
Тогда бы не ныло,
Тогда б не страдало,
И снова по-белому
Принялось бить.

Дай только шанс

Дай только шанс
 тебя любить,
Уверен в том,
 что ты полюбишь тоже.
Ведь по-другому
 просто быть не может,
Коль звезды так
 нечаянно сошлись.

Дай только срок,
 и ты поймешь,
Что так, как я,
 никто любить не может.
Что это чувство
 есть на свете всё же,
Поверишь ты,
 в глаза мои всмотрись.

Не богиня ли ты...

Не богиня ли ты,
Если молнией можешь сверкнуть,
Улыбнувшись, подвигнуть на подвиг отважный,
Жизнь отнять, да и к жизни вернуть,
подавляя мечты?..
Впрочем, это неважно.

Моя Кармен

Тявкнул пес с чего-то... Снова тишь.
Дым костра уже едва заметен.
Дав овса лошадке, сладко спишь,
На повозке крытой дремлют дети.

Синь рассветная сотрет звезду,
Ребятню заботливо укроешь,
По росе босой пойдешь к пруду,
Всю себя прохладой омоешь.

Папа молча разведет огонь,
Деток мама на стряпню разбудит,
Снова в путь, последний перегон,
Дотемна семья на месте будет.

Много лет один и тот же сон.
Пред рассветом в сладкой зыбкой неге
Твое сердце бьется в унисон
Удаляющейся прочь телеге.

«Просыпайся, милое дитя!»
Смуглая моя сопит в постели.
Кандидатскую вчера сдала;
Уморилась, дышит еле-еле.

Лава, скрытая в утробе скал,
Молодая дремлющая львица,
Драгоценной чистоты кристалл —
Ты, Кармен, души моей царица.

Останься до утра

Останься до утра, не уходи!
Мне так уже несносны эти стены,
И ревность болью отдает в груди —
Нет, не ему, а мне твои измены.

Представлю: возвращаешься домой
И обнаженная к нему ложишься;
Лицо твоё в истоме предо мной
Веретеном без удержу кружится.

Сегодня обещаешь рассказать
О нашей связи своему супругу.
Ах, если б мог я сам всё развязать,
Не допустить постылую разлуку!..

В отчаянном смятенье жду звонка.
Проходит вечер, — от тебя ни звука.
Как грань терпенья моего тонка!..
Сейчас, возможно, говоришь с супругом.

Вторые сутки, полночь, я звоню.
Подняв не сразу, тихо отвечаешь:
«Прости, я мужа своего люблю,
Не быть нам вместе, и суди как знаешь».

Провожала

Поезд тронулся с места,
Скрип рессор, ровный стук.
Ни жена, ни невеста,
Просто преданный друг.

На плацкарте в печали
Тихо гаснет вулкан:
Хоть и души кричали, —
Не набрать на стоп-кран.

Заворчали колеса,
Выбирая свой путь.
Темных мыслей завеса,
И минут не вернуть.

Взгляд потерян в просторе,
Свежесть ветра — в лицо.
Грянут сумерки вскоре,
Ты уже далеко.

Поглощает, как тина,
Утомленный перрон.
Перемелет рутина
Будто давешний сон.

Прости. Прощай

Поздний ужин. Мой ответ:
«Есть другая, признаю.
Прежних чувств меж нами нет,
Я с тобою расстаюсь».

Злой, бездушный идиот.
Взгляда гнет, тоски печать,
И решимость не дает
Успокоить и обнять.

Утро, завтрак на столе,
Ты молчишь, часы бренчат,
В темных мыслей кабале
Шепотом сердца кричат.

«Уходи, коль невтерпеж,
Всё равно не удержу,
В новогодний вечер всё ж
Быть со мною попрошу.

Наш последний Новый год,
Сын придет его встречать,
Пусть немного отдохнет,
Не хочу его смущать».

Встретили, как и всегда,
Новый год родные души,
Сын ушел, ты не могла
Обещания нарушить.

«Ну, прости». Закрылась дверь.
Мерзко. Ей-то каково?
Невозможно без потерь
Новой жизни торжество.

Страсть, эмоций ураган,
Спальня, запахи, признания,
И проснувшийся вулкан,
И забытые стенанья.

Но не в радость карнавал,
Взгляд застыл и смотрит мимо.
Всё не так, затосковал, —
Ты присутствуешь незримо.

Жжет пощечина лицо,
Крик расстроенной подруги.
Ах, каким же был слепцом!..
Не хватает мне супруги.

Прилетел... цветов букет,
Дом, подъезд, неяркий свет,
Сын дрожит, во тьму одет:
«Здравствуй, папа! Мамы нет...

Телефон не поднимала...
На кушетке у окна...»
Врач лишь участковый знала,
Как она была больна.

Во фьордах

Нет ничего прекраснее — проснуться
Во фьордах на круизном корабле,
Незримым музам нежно улыбнуться,
Проникшим в ту, что ночь дарила мне.

В каюте светлой с маленьким балконом
Лишь тихий шепот слышен корабля,
Как будто на носочках и с фасоном
Вошла в ручей большущая ладья.

Здесь для души нежданная отрада:
Влекут пейзажи взоры в вертикаль,
А нити серебристых водопадов,
Рыбацкую сменяют пастораль.

В немом восторге капелька печали
Крадется в подсознание тотчас —
Случится ли еще в такие дали
Когда-нибудь приплыть хотя бы раз?

Чтоб замереть в нордическом покое,
В застывшей в красках звонкой тишине,
Залюбовавшись, сидя на балконе,
Грустить по ускользящей волне.

Жизнь коротка, поскольку люди смертны.
Добавлю пунктик маленький в мечты —
Вернуться путешествовать во фьорды,
И... чтоб со мною странствовала ты.

Ты на губах

Ты на губах, хоть минуло два дня,
И вкус тебя вновь возвращает к страсти,
Где кожа, ароматами пьяня,
Бросает в пламень и глаза мне застит.

Ты на щеках — они еще горят,
Как будто в них еще томятся угли,
Хранят огонь, приковывая взгляд,
Аквамарины глаз, златые кудри.

Ты на душе как крошечный цветок,
Что жизнь возносит, делает светлее,
Мысль о тебе меня всецело греет,
Желание смущает кровоток.

Одноклассница

Я держал при себе откровения,
Был влюблен и от этого зол,
А сегодня скажу, без сомнения,
Что такую, как ты, не нашел.

Обними же меня, одноклассница,
Видишь: добрый, не беден, не глуп,
В сердце зрелом, как прежде, сумятица,
Ты всё та же, мой маленький друг.

Поцелуй же меня, одноклассница...
После школы полжизни прошло,
Не экзаменов ныне участница,
Просто женщина ты на все сто.

У меня в сердце мысль тихо теплится
Привести тебя в светлый свой дом.
Не страшны в нем ни жар, ни метелица,
Приходи, от души заживем.

Друг твой вновь предлагает решение,
Сияясь шепотом с парты шестой —
Есть единственно верное мнение,
Будем вместе отныне с тобой.

Отчего мне так больно...

Отчего мне так больно сегодня? —
Ты и прежде моей не была.
По какому расчету невольно
Ты избрала такого орла.

Очень жаль! Я хочу тебе счастья
И руками двумя за любовь,
По совету чьему-то в апатии
Не того выбираешь ты вновь.

На тебя он с улыбкой скабрезной
Смотрит как на желаний предмет,
Я чуть выпил, но выскажусь трезво:
В этом взгляде любви вовсе нет.

Я надеялся: ниточкой прочной
Скоро свяжутся наши сердца.
Ошибался, теперь знаю точно:
Не увлек я тебя до конца.

Накатившись, попятилась в море
Пузырящейся пеной волна.
Будем праздновать: это ли горе,
Коли женщина мужа нашла?

Разлукой измеряется любовь

Легки, как ветер, близости признания,
Ласкает ухо пылкость нежных слов.
«Люблю! Люблю!» — звучит как заклинание —
Земное притяжение полов.

Часы в тоске, разлуке, ожидании —
Не этим ли испытывать любовь?
Как вожделенны речи и касания,
Когда сердца соединятся вновь!

А лакмус искушения и скуки
Покажет чувства искреннего цвет.
Что есть любовь, не знавшая разлуки? —
Тепло костра, углей в котором нет.

Уверенность в себе и в близком друге —
Залог влюбленности на много лет.

Ты изменил

Ты изменил. Смогу ли я теперь
Беспечной оставаться и открытой?
Как перечеркнуто легко, забыто
То волшебство, что нам дарил апрель.

Прижавшись тесно, приобнял плечо —
Не думала, что будет так противно.
То, что всегда лелеяла наивно,
Теперь же отторгалось горячо.

Прием прохладный мой не остудил
Слащавую любовную тираду,
Ты и не понял по пустому взгляду,
Что свет любви навеки погасил.

Ты изменил... Смогла ли я простить?
Припомню лишь и от обиды плачу,
В твоих объятиях сомненья прячу,
Без прежней жажды, но пытаюсь жить.

Забыть

Забыть... Увы, моей не станешь,
Но как же так? — скорблю в сердцах.
В чужой походке вдруг предстанешь,
Случайном взгляде, волосах.

Душа истерзана, стремится
В медвежий угол, глухомань.
Воспоминаний вереница —
О, наваждение, отстань!

Никак себе в том не признаюсь,
Что вместе быть надежды нет,
В своей берлоге просыпаюсь,
Сквозь талый снег не видя свет.

Мазки размашисто наносит
Судьба по старому холсту.
Глаза другие, руки, носик
Заполнят сердца пустоту.

Переезжала ты, переезжала

Переезжала ты, переезжала
С семьей в какой-то там микрорайон,
И жизнь как будто смысл потеряла —
Тоскливо я высматривал балкон.

В толпе соседей долговязый мальчик
Твой взгляд ловил, пылая кумачом,
Кто плакал, кто добра желал, удачи,
Я сдерживался будто ни при чем.

В одно мгновение на меня взглянула
И вздернула кокетливо косой.
Казалось мне потом, что подмигнула,
Глаза отвел, взволнованный тобой.

Прошли года, на торжестве у друга
Улыбку я случайную поймал.
Представил он тебя: «Моя супруга!» —
И имя подзабытое назвал.

А ты была по-прежнему прекрасна,
Смятение растревожило меня.
О, боже, как никчемна и ужасна
Была моя пустая болтовня!

Переезжала ты, переезжала.
Казалось: не увидимся вовек.
Жизнь веером событий пробежала,
Будь счастлива, мой милый человек!

Танец

Вкушаю с упоеньем нежность рук
В невинном танце, близости блаженной:
Трепещет сердце от забытых мук
И торжества минутного сближенья.

Взволнованному хрупкой красотой,
Мне не посметь в любви своей признаться:
В прелестном танце я пленен мечтой
И не хочу навеки с ней расстаться.

Быть может, рвусь в затворенную дверь,
Ведь мы, к несчастью, в разных измерениях:
Мой мир — сентябрь, ну а твой — апрель,
Горю и мучаюсь в своих сомненьях.

В черты лица я всматриваюсь вновь,
На в соцсетях примеченное фото.
Ты снизошла сюда из мира снов —
На легкий танец — прямо с небосвода.

Возможно, быть с другим — твоя судьба,
Кто помоложе будет и успешней,
А что же я — исчезну навсегда,
Осенний лист с мечтой о счастье внешнем.

Есть то, что невозможно изменить,
Почти парим в объятиях по кругу —
Окончен танец, надо дальше жить.
Благодарю, твою целую руку.

Павлин и кукушка

У знатного, но скромного султана
Павлин в вольере тесном проживал.
Приметив блеск хозяйского тюрбана,
Он живо оперенье распускал.

Был горд султан своею чудо-птицей,
Из рук кормил, орешком баловал,
Шербетом услаждал ему водицу, —
В краях чужих немного тосковал.

Забросило в вольер одну кукушку.
Увидев та красавца-петуха,
Нахваливала в маленькое ушко
Теней игру и яркие цвета.

И тот в любовном вихре закружился
От сладостных кукушкиных речей,
Поддавшись настроению, женился,
Глаза закрыв на кучу мелочей.

Три дня прошло. Кукушка между делом
Павлину не наскучила едва:
О доме, о соседях перепела,
Султану тоже выпали слова.

И тесен стал ему квадрат вольера,
Кукушка о любви уж не поет,
«Ку-ку» своим совсем не знает меры,
По горло сыт павлин от этих нот.

Постигнув всё супружницы двуличие,
По темечку ей клювом настучал,
Бакланил баритоном неприлично, —
Никто с тех пор кукушки не встречал.

Морали к басне говорить не стану,
Совет эстету птичьему — султану:
Покуда сильно любишь петуха,
То нет на свете большего греха —

Не подселить к нему в подруги паву:
Лишь развернет красивее оправу
И не впадет в уныние невроза,
Чего же проще — вот такая проза!

Муха и цветок

Заглядываюсь, пролетая мимо,
Смотрю со стороны, как ты цветешь,
Влечение к тебе неистребимо,
Но боязно — презрением сожжешь.

Я муха, и в суровости врожденной
Кто для тебя — букашка от сохи,
Но в помыслах мечтаю вожаденно
И целовать, и гладить лепестки.

Поддавшись мимолетному порыву,
Пленен тобою, негой опьянен,
И бессердечно, буднично, игриво
Без жалости тобою был казнен.

Век короток безбашенных влюбленных,
Беспечны только евнухи-шмели.
Цветы — дурман, влекущий насекомых,
Но как прелестны, хищницы, они.

Небесный фонарик

В искрящийся прозрачный зимний вечер,
Когда еще некрепок был мороз,
Тебе на *Воробьях*¹ назначил встречу,
Пакет-сюрприз за пазухой принес.

С ребяческим восторгом расправляли
Конструкцию бумажную вдвоем,

¹ Воробьи (Воробьевы горы) — район и популярное место досуга москвичей и гостей столицы.

Горелку суетливо поджигали,
Затронув чувства пламенным огнем.

Немного покачавшись между нами,
В морозную фонарь унесся даль,
Воздушными терзаемый волнами,
Исчез, оставив легкую печаль.

На набережной в синем лунном свете,
Промерзший согревая парапет,
Мы будто пребывали в жарком лете,
В единый превратившись силуэт.

Утро понедельника

Я выдернут из плена нежных рук
И поцелуя сладостной истомы —
Мы снова вместе после лет разлук,
Как будто вечность пребывали в коме.

Знакомая квартирка, та же дверь,
Всё изменилось здесь за четверть века,
Но сохранился сквозь года потерь
Дух, аромат родного человека.

Разбужен, как в чужой квартире вор,
Услышал шум купания из ванной,
Как объяснить мне перед тобой,
Как оправдать визит такой незванный.

Ты вышла с полотенцем на лице,
На стул присела, вытираясь ловко,

Сквозь занавески глядя как в прицел,
Дурной я выдал сам себя сноровкой.

Встревоженною чайкой на кровать
Взлетела с криком, углядев чужого.
Дружочек, мне бы к памяти взывать,
Я ж в остолопа обращен немого.

И визгом оттесненный в коридор,
Предугадать не мог я поворота:
В твоих объятиях недавний вор —
Года разлук исчезли отчего-то.

Разбужен в апогее сладких мук —
Друг другом насладиться не успели,
Я выдернут из плена нежных рук...
Настало утро трудовой недели.

Градус

Немного снизим градус отношений,
Не то любовь рискуем потерять.
Разъедемся, чтоб тихо, без сомнений,
Существовать обид своих понять.

Когда охватят гнев тебя и ревность,
Не торопись бранить меня навзрыд,
Ведь знаешь, что любовь моя и нежность
Намного больше призрачных обид.

А впрочем, разоидемся по галерам,
В ином быту подумаем о нас,

Оставим с миром спутанные нервы,
Чтоб чувств запал немного поугас.

И, может быть, остыв от треволнений,
Ты вдруг поймешь — нет смысла ревновать;
Не принося каких-то извинений,
Мы кинемся друг друга целовать.

Непостижимый градус отношений...

Мне дорог блеск твоих улыбок

Шесть месяцев, моя отрада,
Прошло, как я заморожен:
Убит шальным боезарядом,
Свое обретши эльдорадо,
Душой и формами сражен.

Тебя любимые занятия —
Акрил и вышивка — влекут,
Меня ж волнуют бюст и платья:
Ты вся так просишься в объятия,
И к поцелуям — сладость губ.

Немой вопрос твой: «Что ты хочешь?» —
Улыбка, светлые глаза.
«Быть рядом, наблюдать воочию:
Как растревоженная ночью
Вдруг разметелится коса.

Сидеть в кафешке с чашкой чая,
Еще по улицам бродить,

Болтать нелепицу, прощаясь...
Зеленку с красной разлучая,
Метро нас будет разводить».

Мне дорог блеск твоих улыбок,
Мы разные, но так близки,
И каждый в отношениях гибок:
Капризы одиноких скрипок
Пока еще не допекли.

Мотыльки

«Метелица» — свет, музыка и танцы,
Здесь вернисаж девичьей красоты.
Прелестны все, но так ничтожны шансы
Ту самую найти, что ищешь ты.

Движения, манеры, формы, лица
Бодрят мужской неискушенный взгляд,
Прекрасен мир, душа уже томится
От вееров волос и эскапад.

Танцуют напоказ провинциалки,
Здесь завершают пары променад,
Сканируют мужчин профессионалки,
И, кто есть кто, не скажешь наугад.

На улице метель, прекрасный вечер,
Любимый город в белых мотыльках,
Я выхожу, судьбы своей не встретив,
И радуюсь снежинкам на щеках.

Иное, не любовь

Что есть любовь? — Когда готов гореть
И жертвовать собой за жизнь любимых.
Ты за кого-то мог бы умереть,
Очерчивая круг неразделимых?

Пожалуй, так, что при большой беде
Пожертвуешь свою по локоть руку,
Иль может почку, у тебя их две,
Иль клетки мозга, отнятые в муках.

А жизнь отдать без дум и без речей
За этого иль ту без разговора,
Чтоб прямо здесь погас бы свет очей?..
Скажи себе, кто для тебя так дорог?

Иное, не любовь...

Если б знали вы

Если б знали вы, мои родные,
Как я эту женщину люблю —
Распалюсь, и речи разбитные
Спьяну ей на ушко прошепчу.

Хмурый день, занудный и ненастный,
Слякотью мне в душу не нырнет,
Жмусь тесней к своей любимой, чаще —
В радость непогоды этой гнет.

Если б знали, как бываю счастлив,
Как близки бывают небеса!..
Очарованный, целую глазки —
Притомилась, спит моя краса.

Бездушная

Бездушная... не без духов — без сердца —
Упоена от присланных цветов,
Быть может, ты захочешь оглядеться,
Свет чувства распознать среди батраков?

Владычица судеб и королева,
Тебя волнует поставщик, платеж...
Упрятавшись за частоколом гнева,
Ты замысел небесный предаешь.

Быть может, родилась в семье тирана
Иль сволочью был твой сердечный друг?
Какая ж оглушительная рана,
Что лишь в труде твой интересов круг!..

«Спасибо!» — как всегда ответишь сухо,
И поделом — привычный комплимент.
Признаться б ей в любви собравшись с духом,
Пусть и усмешку получить взамен.

И будто бы лед тронулся! Сережки,
Прическа претерпела перманент,
Отвергнуты две верхние застежки,
И ищет взглядом... там. Меня там нет.

Бездушная... не без духов — без сердца,
Открытку подписав, вложил в цветы:
«Любимая, лишь приоткрой мне дверцу,
Как я могу любить — узнаешь ты!»

Апрель

Пастелью прорисую для тебя
По памяти цветущий абрикос,
Снабжу рисунок трелью соловья,
Наушники надев поверх волос.

Себя до исступленья доводя,
Соловушка щебечет о любви,
Достойнейшую сцену обрета,
Без устали поет он до зари.

Рисованная магия цветков,
Весенняя божественная трель,
Невыдуманный мир цветных мелков,
Любимая, благословен апрель!

Курортный роман

Уроженец Кавказа и дама
В ресторан забрели санаторный,
Его жаждущий взгляд неустанно
Погружается в пышные формы.

В поведении — благоговение:
То обгонит, то пустит вперед.
Захлестнуло мужское волнение —
Надо ж так человека ведет!

С шампурочков жеманно вкушает
Дама, бантиком губки сводя,
Комплиментам кавказца внимает,
До каленья его доводя.

От вина проступили румянца,
Не отнять черных глаз от груди.
Шепчет в ушко кавказец ей в танце:
«Ты пощады сегодня не жди!»

Теплый ветер в акациях мается.
Пыжась, чистят пушок воробьи.
В общем-то, никого не касается
Эта повесть курортной любви.

В моем саду

В моем саду соловушка молчит,
Давно уже его не слышно трели.
Пришла весна, иные все запели,
Он не поет, как сыч в ветвях сидит.

Не хочет петь, упрямый как гранит.
Проходит время брачных игр, о скука...
Но соловей не издает ни звука,
Лишь час от часу горлица урчит.

А может быть, ему не до сюит —
Расстался, видно, с птахою своею.
Как можно петь, когда соперник с нею?
В моем саду соловушка молчит.

В полете

Шла девушка в красивом самолете,
И тут же я пристегнутый сидел —

Само изящество со мной в полете,
Не спрятать сердца от амурных стрел.

Увы, уже нечасто так бывало,
Чтоб кто-либо меня очаровал,
Бедра ее коснулся — было мало,
На икры был настроен мой запал.

Ремни срывают вождельенья муки,
Притрагиваюсь тайно к волосам,
Целую в локоточек, шею, руки...
Она прекрасна! Слава небесам!

Я в эйфории, как Эйнштейн и Йоффе,
Волной в стакане дрогнули глаза,
Мой ангел — надо мною: «Чаю? Кофе?» —
«Покрепче что... А коньячку нельзя?»

Весенние ручьи

Текут ручьи почти бесшумно,
И через лужицы прыжки
Колышут юбочки безумно,
Бодря девичьи каблучки.

Опять зацокали бульвары,
И вернисаж открыт волос,
Пора любви, сплетенья в пары
И поцелуйчиков взасос.

Нескромных ожиданий время,
Пусть даже ты не одинок,

Ласкает луч нагое темя,
Еще один отпущен срок.

Блюз

Вечер, гитара, классический блюз,
Пьяный от радости не наляжусь
В искорки глаз и в разбуженность щек,
В милый душе декольте уголок.

Так бы глядел и глядел без конца,
Звоном бокалов kloкочут сердца,
Оцепенение ты мне прости,
Речь и дыхание дай обрести.

Сыплешь восторги вулканами слов,
Всё вперемешку — от будней до снов,
На авансцену веду танцевать:
Взглядов и рук теплота — благодать.

В соло заходится старый блюзмен,
Танец-прощанье — всё без перемен.
Вечер промчался, встаем по часам,
Надо б не поздно к своим — по домам.

Русалка

1.
В обиде жгучей на неделикатность,
На хамский тон, ухмылку и бестактность,
С растекшеюся тушью по щеке,
Спускалась спешно девушка к реке.

Казалось: плюхнется с разбега в воду —
Не разгадать теперешнюю моду.
От эдакой не топятся беды...
И правда — нет, присела у воды.

Босыми ножками вошла в прохладу,
Мечты оплакивая и утрату.
Весь род кляла, вбивая клятвы клин:
«Довольно грез — и никаких мужчин!»

Не описать, что далее, словами —
Засеребрило, подняло волнами...
Как молнией сомкнуло ножки вмиг,
Свелись ступни в лоснящийся плавник.

От глубины обид сошло заклятие —
Блеск чешуи поверх и ног, и платья.
Русалочку речушка обрела,
Над косогором бьют колокола.

2.
Мужчины были... В общем-то, немало.
Пускала в мозг, но к сердцу не пускала.
Нашептывали что-то у виска:
Им — наслаждение, а ей — тоска.

Душа и мысли девушки далече,
С открытым морем благоднее встречи,
Отрада — изумрудный горизонт,
А не восторги и любовь господ.

В ряду и я пытливых этих был.
Улыбку? — Да! Любви не заслужил.
Ни ласки не добьешься, ни огня —
Глаза искрят, но как-то сквозь меня.

Когда-нибудь в круизном ли вояже,
На берегу Балкан, мальорском пляже
Знакомое лицо мелькнет в волне,
А следом хвост в серебристой чешуе.

Волной приливною, большим накатом
Русалку в море унесло с закатом.
Возврата не дожидаться на песок
Следов двух близко подступивших ног.

Скажи, Аркадий

Ну как ты там, мой друг Аркадий?
Жмет параллелепипед стен?
Лелеет ли тебя и гладит
Та, что не хочет перемен?
Кто любит лечь в квартирке тесной
На толстоногую тахту,
Гонять пред сном и в день воскресный
Цветною вышивкой тоску?
Вверяет ли свои сомненья
Сокрытым маленьким ушам
В кормежки час, час единенья,
Милейшая из знатных дам?

Оставь на время щелкать просо,
Послушай то, чем дышит та,
К которой ринешься без спроса —
Схлопочешь розгой по пятам.
Быть может, кто-то к ней заходит,
В интиме с чашечкой вина
С нее охальных глаз не сводит?

Скажи, Аркадий, как вольна?
От зла, апатии, унынья,
Храни ее, мой юный друг,
Она хрупка и чуть наивна,
Прикрикни, если надо, вдруг.

А, впрочем, ты и сам всё знаешь,
Кого пытаюсь умудрить?!
В ее ты комнате летаешь,
А мне заказано входить.
Лишь иногда касаюсь тела,
Здесь ничего не изменить,
И перегибы неумело
Пытаюсь как-то умалить.
Уже не задаюсь вопросом —
Мне лучше, чем я есть, не стать.
Вкушаю брошенное просо
И счастлив тихо наблюдать.

Мужская страсть

Мужская страсть что кузни сталь:
Пока пылает и лучится,
Овеяна огнем, искрится
И день, и ночь, как фестиваль.

Сгибать, ломать, кусать и мять
Меж перестуков молоточных,
Щипцами выправлять цветочки
И, сотворив, благословлять.

Но если перестать творить,
Ковать не шатко и не валко,

Недоусердствовать в закалке, —
Душевный жар не сохранить.

А как же женщина, кузнец?
Гудят ли в ней мехи от страсти?
Нет, не гудят... А ждут участия,
Любви, эмоций, наконец.

Дура

Ты оказалась душой — это плохо,
Но глупой быть для женщины не грех,
Очарование, безумие иль похоть
Влекут и дразнят, празднуя успех.

Случается, смотрю я с интересом
На родинку, когда ты говоришь,
О чем, мне не осмыслить ни бельмеса, —
Игрою губ ты надо мною царишь.

Как не понять, ты любишь и цветы,
И обхождение всякое, подарки,
Мне б как в бреду реветь до хрипоты,
Впиваясь в плоть твою в объятьях жарких.

Полукровка

В кафе кошерном — тишина,
Лишь пара за столом:
Он убеждает, а она
Стоит всё на своем.

— Пойми, я здесь, чтоб ты отстал
И не питал мечты,
Женой твоею мне не стать —
Я из семьи *дати*¹.

К чему весь этот разговор,
Шампанское, цветы,
Своей семье наперекор
Я не смогу пойти.

— Моя пусть нееврейка мать —
Важны лишь я и ты,
Мы впредь всё будем соблюдать,
Раз ты росла в дати.

Прелестных заведем детей,
Их к вере приведем,
И в целом будет всё окей
У нас с тобой во всём.

— Пойми, нельзя мне быть с тобой,
Чтоб веру соблюсти.
Ты для моих — всего лишь гой,
Я из семьи дати.

Привстав, подернув бровь слегка,
Ушла молодая прочь,
Что ж, коль устоями крепка
Израилева дочь...

¹ Дати — «Ционут дати» (*иврит*) — направление в ортодоксальном иудаизме, сочетающее сионистскую идеологию и соблюдение заповедей Торы. Религиозных сионистов называют также «Дати леуми» («национально-религиозный»).

Поживший холостяк

Всё как-то вдруг нечаянно промчалось,
Оставив холод в сердце мужика.
О ком мечтал, ему не повстречалась,
Иных — не подпускал издалека.

И вот он случай — зеркало большое,
Пред ним предстал давно уже не принц —
А нечто, чуть подпухшее, больное,
Но жаждущее всё еще девиц.

Мужик взгрустнул, но улыбнулся снова,
Достоинства свои пересчитав:
Квартиры две, «Фольксваген», пусть не новый.
Продолжит совершенство он искать.

Уверен ли, что поцелуя в губы
Лелеять будет девица-краса,
Полюбит кожу, лысину и зубы
И то полюбит, без чего нельзя?..

Спуск с облаков ему бы был полезен,
Чтоб не до гроба выбирать подруг,
Найдется та, кому он интересен,
Ведь так широк и тесен женский круг.

Большая луна

Силуэт двух влюбленных
в сиянии лунном у моря:
Ускользнув от погони,
рабы предаются любви.

Убаюкали их незаметно и шепот прибоя,
И объятия, не разжимавшиеся до зари.

Шум цикадок ночных прерывается,
 утро настало,
Надо двигаться дальше
 двум беглым влюбленным рабам,
Но беспечно они задремали, друг друга лаская,
И сапог разбудил их, пронесшийся по головам.

Не удался побег, розги сделали черное дело:
За тот вечер любви беглецы заплатили сполна.
Пусть попытка бежать
 и закончилась так неумело,
Не забудется пляж, вкус объятий,
 большая луна.

Мне нравится

Мне нравится, когда ты в платье,
Когда ты ходишь босиком,
Когда ты льнешь в мои объятия,
Ладошек крошечных пожать,
Мне нравится, что мы вдвоем.

На асфальте — листья

На асфальте — листья, утро из-за тучек,
Напеки блинов мне, счастья светлый лучик,
Аппетитной горкой, чтоб на день хватило,
Чтоб и эта осень нас с тобой любила.
Наслажусь блинами с маслом да сметанкой,
В благодарность чмокну милую хозяйку.

Надо б на работу, разомкну объятья.
Листья на асфальте — скинутые платья.

Мужик

Субботный денек. Сырая погода —
Льет дождик бодрящий на дачном дворе,
Взираю как хищник, незримо охотясь,
На легкий халат на округлом бедре.
Манящие икры под ним ниспадают,
Слюна накатила, подбросив кадык,
Тихонько подкравшись, на жертву кидаюсь.
«Ну что ж, извини — я обычный мужик!»

Гармония любви

Гармония любви — с рассветом
От райских кущ сорвав цветок,
Я вдохновеннейшим поэтом
Парил весь день как мотылек.

А к вечеру, когда обнявшись
Мы совершали променад,
Теснил друг к другу нас шуршащий
В степенном вальсе листопад.

Подстроившись к порывам ветра,
Мы танцевали до зари,
Вкушая радость жизни щедро
Вдвоем, в гармонии любви.

Не целовал

Не целовал, но от свиданья
Остались персиковый вкус,
Дух сладкий роз, искра желанья
И песня, льющаяся из уст,
Восторг, влечение к родному,
Явление муз, благая грусть,
Уверенность, что по-другому
Всё может быть. И будет пусть!

Святая юность

Святая юность, пепелящий зной;
Ах, как же мне до одури хотелось
Кого-нибудь, значенья не имело!
Бывало так, что не владел собой...

Волненье тел и колыханье юбок
Сводили от отчаянья с ума;
Настолько болен, вроде как чума
Толкала на безудержный проступок.

Чума ушла, но всё еще больной —
С восторгом грацию приметит зрелость.
Ах, как же мне до одури хотелось!.. —
Святая юность, пепелящий зной.

Дар

Ты, может, думаешь, что стар,
Во мне нет мудрости и силы,

Чтоб оценить, какой ты дар
Для искушенного мужчины?

Да! Ты прекрасный экземпляр,
Из тех удачных, что природе,
Вошедшей в творческий угар,
Лишь иногда с небес снисходит.

А если улыбнешься ты,
То мир светлее от улыбки.
Как не понять той красоты,
Где ни просчета, ни ошибки.

Цветок, растущий в лоне трав,
Которым можно наслаждаться
Не прикоснувшись, не сорвав,
Как летним запахом акаций.

В истоме сладкой стынет грудь —
Я и страданьем наслаждаюсь.
Лишь взор переведешь чуть-чуть,
Глазами съесть тебя пытаюсь.

Ах, если б руки наши свел
В едином нежном устремлении
Счастливый случай, не подвел
Я б твоего благоволения!

Страсть

Я мед испил и губ, и щек
И, в первобытном исступлении

Подбросив ввысь изгибы ног,
Забился в буйном наслаждении.

Мял негу светлых чаровниц,
Вкушал волос пшеничных россыпь,
В тумане бархатных ресниц
Искал я утренние росы.

Кусая пуговицы цветков
На персях наливных и сдобных,
Протяжным ревом от оков
Я избавлялся бесподобных.

ХВОСТ

Черным вертлявым хвостом —
Будто по сердцу хлыстом;
Белыми ножками тонкими —
В душу иголками колкими;
Не наедятся глаза —
Ах, ты ж моя стрекоза!
Не подступить к миражу,
Издалека погляжу.

Просыпайся, солнышко!

Просыпайся, солнышко! Открывай глаза.
Утро начинается, опоздать нельзя:
Петушок на жердочке в три горла кричит,
Застоявшись, телочка во хлеву мычит.
Бедное, набегалось. Ну, еще поспи:
Обойдутся телочки, смолкнут петушки.

Колобок

Я собираю в колобок
Всё то, что так в тебе люблю,
Медок, корицу, сахарок —
Ведь я тебя боготворю.

Изюма горсть добавлю я,
Вкраплю щепоточкою соль.
Не знаю, любишь ли меня —
Ты лишь себя любить позволь.

Уверен, что-то налеплю
Такое, что придется к чаю,
Всё потому, что так люблю,
Что нелюбви не замечаю.

Жители Дербента. 1900 г.

**Жизнь
прекрасна!**

Весна

Весна, проснулась почва, тает лед,
Несутся озорные ручейки,
Как сверстники мои из школьных лет,
Гурьбою шумной наперегонки.

Хочу холодным будням вопреки
С весною слиться, с головою ринуть
В снимающие шубки стебельки,
С травы упрямой талый снег раздвинуть.

Растопит солнца луч лед и во мне,
И канет то, что представлялось важным,
В приятели я навяжусь к весне,
Пойду по лужам чапать бесшабашно.

С ярмарки

Осень шепчет в ухо: «Жизнь прекрасна!»
Вот бы никуда не уходить!
Знаю, что надеяться — напрасно.
Благодарен, что даешь творить.

Увядающая желто-красная,
Вот бы с череды твоих полос
Стартануть как с ярмарки с оркестром,
Растворяясь в океане звезд!

Вьюга

В синем поле плясовую,
Уминая сухостой,
Вьюга русская танцует,
Подвывая затяжную
О судьбине непростой.

Набираясь сил в сторонке,
Отдохнет в березняке:
У оврага три избенки,
Три избенки с лаем звонким
Манят дымкой вдалеке.

За покошенным забором
Слышен русский говорок,
За окошками в узорах
Бабка с дедом в тихих спорах
Коротают вечерок.

Бесноватым поросенком,
Покуражившись в печи,
Всласть, раскатисто и громко,
Избалованным ребенком
Вьюга воет и кричит.

Пострадавши, затоскует —
Прочь, пустая канитель!
В синеву нырнув родную,
Как в гребенку вдруг задует
Марш отходный о плетень.

Умиротворение

Так восхитительно, что хочется простить
Тех, кто роптал и проклинал сквозь зубы
И в душу лез бесцеремонно грубо.
Прощаю я, не стоит и просить.

Покуда жив, Господь благослови!
Так хочется мне всеми быть прощенным
И наслаждаться неотягощенным
Дарами жизни, радостью любви;

Отринуть суету и точно в коме
Прийти к себе, не пепеля мосты;
Прислушиваясь, постигать, кто ты,
Себя с собою наново знакомя.

Ночная сигарета

Проснулся в полной темноте,
Задолго до рассвета,
Площадка, небеса в фате,
Ночная сигарета.

За окнами — усталый двор,
Кольшутся березки,
Мигает желтым светофор
В тоске на перекрестке.

Как непривычно — город спит,
Чтоб всё начать сначала.
«Иди и ты поспи, пиит», —
Бреду к постели вяло.

Не хочешь знать порока...

Не хочешь знать порока — не люби
И в дружбе до конца не доверяй,
Но если предан дружбе — дорожи,
А искренне влюблен — не потеряй.

Пусть чувства светом наполняют жизнь,
Без дружбы — плохо, без любви — никак,
Их искренность непросто сохранить,
Прозрев однажды и попав впросак.

Жизнь

В каждом дереве теплится жизнь,
В каждой твари — душа и привычки.
Уверяю, не ставя кавычек:
Неспроста на земле мы сошлись.

За хрустальной прозрачностью лет,
В безнадежно далеком просторе,
Может, кто-то с надеждой во взоре
Смотрит в небо, а может, и нет.

Жизнь дана и грибку, и листку,
И невидимой глазу букашке
Только раз, — и не будет поблажки:
Час — одним, год — другим на веку.

Во вселенной, как в лодке, одни,
Ничего нет понятней и ближе,
Жизнь иную как можно принизить,
Раз так зыбко земля нас роднит?

Холодное харчо

Графин воды, холодное харчо,
Собачий лай, совковая лопата,
Я выхожу на свет слегка помятый,
Чтоб солнцу улыбнуться горячо.

По телу бьет настырная капель,
Мурашки лезут от струи проворной,
Бегу в галошах и трусах к уборной.
Ах, как бодрит и радует апрель!

На голых ветках яблони певец
Включил свою свистящую тираду,
За стойкий дух получит он награду,
Что, без сомненья, явится с небес.

Земля проснулась, снега пятачок
Ручьи и солнце тихо подъедают,
Я захожу в избу, собака лает,
Графин воды, холодное харчо.

Заначка

Сетуя на память, трепещу —
Не найду заразу, вот задачка:
В полудреме утренней ищу,
Где же мной упрятана заначка?

Просыпаюсь в муках — к черту сон:
Всё, что нажито, за раз пропало,
Сердце бьется как в армагеддон,
С памятью моею что-то стало.

Зайчик света пробудил совсем:
У меня заначка? Что за бредни!
Истина: нет денег — нет проблем,
Прятал-то я их во сне намедни.

Править творчество

Править творчество — чувства ломать,
Лезть непрошено в душу руками.
Не любому, подпрыгнув, летать,
Кто-то мчит, разбегаясь шажками.

Если порчею тронут язык,
Несуразное видится где-то,
Ну и что, и к чему тут ярлык,
Коли кто-то играет в поэта?

Из набора, что каждому дан
То ль трудом, то ли Божьей искрою,
Кто-то может создать бриллиант,
Кто-то мучает слово игрою.

Я за то, чтоб не править чувств:
Ковыряться в иных — дело тонкое.
Рвутся чувства, затронешь чуть —
Всё равно, что побить ребенка.

Звездный пес

От бессонницы во двор —
Спит моя деревня,
Пес ко мне во весь опор —
Лобызаться... скверно.

Звезд повысыпало — страсть,
Аж немного жутко.
Мы, открывши рот и пасть,
Постоим минутку.

Зазевался — тянет в сон,
В дом пойду, прилягу.
«Что, не спится, охламон!» —
Потреплю бродягу.

Гляну мельком из сеней —
Пес на небосводе
С мириадами огней
Хороводы водит.

Выхожу из тела

Послушайте, прошу вас, господа,
Повествование мое меж делом:
Однажды, после тяжкого труда,
Я научился выходить из тела.

С тех пор, когда в исходе есть резон,
Непринужденно, без вреда здоровью,
Способен улететь хоть на Гудзон,
Цепляясь нитью тонкой к изголовью.

Не хочется ни слышать, ни дышать? —
Плохой оратор, запах — жарят черти;
Покинул тело — ну а что страдать?
Передохнул от этой круговерти.

А если беспокоит лишний вес,
То, неизбежного страшась удела,
В мгновенье из застолья я исчез,
Оставив там пресыщенное тело.

Работа монотонна и скучна,
Что ж, мозг приучен технике движений;
Поэзией душа увлечена —
Витаешь в сферах чувственных брожений.

Когда-нибудь и тот настанет час,
Что тело брренное отторгнет душу:
Обратно не вернусь в который раз
И заведенных правил не нарушу.

Признаюсь вам: всё это ерунда —
И извиняюсь, коль отвлек от дела.
Но как чудесно было б иногда
Хоть ненадолго выходить из тела!

Охота

Позвал приятель как-то на охоту:
А впрочем, почему бы не пойти?
Закончив раньше в пятницу работу,
Я вечер и полночи был в пути.

Передохнув часок-другой с дороги,
Под утро разместились у тропы
И с ощущением суетным тревоги
Ждем свинок под покровом темноты.

В сугробе замер мой напарник строгий,
Внимание — сигнал подал рукой,

И, словно вслед бегущие бульдоги,
Кабанчики промчались чередой.

Дуплетный выстрел прогремел картечью,
И я оторопело жму курок.
Окрасив снег, подранок, изувечен,
Копытцами забил у самых ног.

Повторный выстрел... Бедная скотина,
Визжа, мне накидала кровь в лицо.
По крестовину нож, зайдя за спину,
Напарник ей вонзил заподлицо.

Я не заметил, чем порвало ногу,
Бинтом стянул и, сдав боезапас,
Нашел в тумане утреннем дорогу,
Упал в авто и надавил на газ.

С охотой явно вышла незадача,
Мне варварство подобное претит:
Я не охочусь, даже не рыбачу,
Жалею, что случилось пережить.

Моя Одесса

Люблю Одессу с юношеских пор,
Великолепие ее лиманов;
Архитектуру, воздух городков
От Николаева до *Аккермана*¹.

¹ Аккерман — наименование города Белгород-Днестровский Одесской области до 1944 года. До настоящего времени горожане называют свой город именно так.

Стиль речи местной — юмора тесьма:
Исконный фарш к державному гарниру.
Здесь бархатные осень и зима,
Акаций дух, ласкаемый зефиром.

Я принял тягу эту навсегда
И беззастенчиво в нее влюбился,
Мир страсти новой чувственной когда
По-настоящему мне здесь открылся.

Студентом юным под гитарный бой
Практиковаться на завод приехал.
Вино, романтика и бриз хмельной
Мне были и отрадой, и утехой.

Различных вех районы и дома —
Влечет сюда особенная сила:
Одесса, как прелестница-кума,
Мила, добра, изящна и красива.

Глагол

Порой глаголом наш язык
Блеснет возвышенно и дивно,
Изысканно, без закавык,
Хотя и будто бы старинно.
Как то: «Вельможей восседать
В уютной мягкости дивана,
Вкушая яства, созерцать
Движенья девичьего стана».

«Возрадоваться», «созерцать» —
Неторопливость, упоенье.

«Вкушать», «внимать» и «кейфовать»¹ —
Спокойствие и наслаждение.
Так Богу славу воздают,
Превознося глаголом речи,
Псалмы хвалебные поют
И в проповедях души лечат.

Давайте будем применять
Глаголы эти между прочим,
Ведь, право слово, благодать,
Как в «Тысяча и одной ночи».

Рыбалка

В предутреннем тумане, сизой мгле
Бреду к овражку, что за перелеском,
Здесь в заводи — прикормленное место,
Что много лет как приглянулось мне.

Зарянка, сыч, скворец и дрозд
Здесь и в ночи не прерывают песни,
Всмотрюсь я на воду, услышав всплески,
А там — лишь отражение ярких звезд.

Я нахожусь еще в плену у грез —
Не может явь предстать такой красивой,
Журчит вода сквозь ветвь поникшей ивы,
Скрипят верхушки тоненьких берез.

¹ Кейфовать — наслаждаться полным покоем, смакуя удовольствие отдыха. На Востоке кейф заключается в том, что посетители кофейни садятся под навесом на ковре, поджав под себя ноги, пьют кофе и курят табак, предаваясь созерцательному настроению («Полный словарь иностранных слов, вошедших в употребление в русском языке». — Попов М., 1907 г.).

Всё необычно — ночь, течет река,
Как вор в чужом доме в час неурочный
Ловлю удачу под нависшей кочкой...
Не в этом ли есть счастье рыбака?

Вот клюнула и водит так хитро.
Натянутой струной — сердцебиение,
Вглубь потянула, радость-упоение,
Подсечка, то не рыба — серебро.

Люблю ночное с самых детских лет,
Не за улов — за краткие мгновенья,
Мужское братство и приготовленья,
За звездной искрой метеоров след.

Питомец

Осознанность ищу в твоих глазах,
Ее обрывки, искру, подоплеку:
Сомнения, обиду, радость, страх —
Всё то, что свойственно и человеку.

И так же, в суете, печется мать,
Когда ты в руки угодишь чужие:
Мольба в глазах, стенаний не унять,
Пока сочтет, что помыслы незлые.

Ты любишь поиграть и погулять:
Фонтан ребячества невероятный,
Не в силах ликования унять,
Когда поступок совершишь примерный.

В смирении ты смотришь на меня,
Следишь за мимикой, словами, жестом:
Как будто изучаешь, кто же я,
И, чем ни занят был, всё интересно.

Я тоже за тобой порой гляжу:
Когда скучаешь или же ревнуешь,
Когда не в настроении хожу —
Не пристаешь, ты это просто чувствуешь.

Ты главный мой с природой диалог:
Любви, привязанности и заботы —
Всегда найдется в сердце уголок,
Чтоб уберечь тебя от непогоды.

Собачья верность

Поникшая отчаянная морда,
Потухший взгляд, тоскливые глаза,
Настолько в ожидании упертый,
Что нет сомнений в искренности пса.

В лохмотьях весь, не ест, теряет силы,
Глаз не смыкая, верит пес и ждет:
Хозяин, может, даже из могилы,
К нему вернется и к груди прижмет.

А мы, венцы природы, пса жалея,
Вмиг отношенье можем изменить:
Поклясться в вечной верности умея,
Не можем верность эту сохранить.

Чуть охладев, подарим, продадим —
Предательство собаке невдомек,
В глаза смотреть не смея, усыпим —
Собачья верность — нам немой упрек.

Буся

Не котенок, не щенок, не свинка —
Нежный лопушок под два вершка,
Мягкая игрушка, животинка,
Сорванный помпон от башмачка.

Буся, бусинка, крольчонок милый,
Я пришла, беги ж меня встречать,
Снова раскромсал тетрадь, зубрила,
Ну, иди, не стану я сердать.

Принесла тебе твоей травинки
И капустки маленький вилок.
Сумерки ложатся на Кузьминки,
Чудно коротаем вечерок.

Отрезало

Мне кажется: мой ангел был влюблен,
Спросить вы можете: «И что за дело?»
Тогда слетались музы оголтело,
Нашествием я был воодушевлен.

Из рога будто сыпались стихи,
Два года фантастического рвения,

То были их забавы — нет сомнения:
И перлов горсть, и куча чепухи.

Теперь же как отрезало — хлобысь:
Стремление есть, но нету вдохновения
На прозу малую, стихотворение.
Я ангелу шепчу: «Прошу, влюбись!»

Зимний лес

В сумерках лес насторожен и тих,
Остановившись, замру на мгновенье:
Слышен стук сердца, рождается стих
В устье неспешных раздумий течения.

Лыжник случайный на скорости мчит,
Шагом вторгается в белое платье,
Рядом ворона истошно кричит,
Предупреждая о чем-то собратьев.

Снегом присыпана плоскость пруда,
Что приютился под кряжистой кручей,
На пятачке, где не мерзнет вода,
Утки столуются маленькой кучей.

Зверя нечаянно рядом застиг —
Вмиг разошлись — добежал до опушки,
Ротик помадой — стоит снеговик,
Веточкой елки — шиньон на макушке.

Глухо смыкаются кроны берез,
Вечер вступает фатой васильковой —

Сказочный лес. Несмотря на мороз,
Я упиваюсь реальностью новой.

Магию эту всем сердцем люблю:
Сумерки лягут на лес балдахином,
Лампу луны сквозь него рассмотрю,
С лесом на время хочу быть единым.

Сильно морозит, пора уходить,
Ночь эту сказку поглотит небрежно,
Тянут обратно в свою неизбежность
Шум автострады и город вдали.

Спросонок

Спросонок подлетаю на диване:
Не то укушен был, не то убит...
Меж сном и явью, в дымке и дурмане
Глаза от страха лезут из орбит.

Клокочет сердце, сонный взгляд потерян,
Готов сразиться — где мои враги?
Угадываю образ на портьере —
Джоконды вроде б или же Яги.

Вот некто пролетает от Шагала,
С угла глядит автопортрет Дали,
В себя вжимаюсь от страстей накала,
Не хочется, чтоб черти загребли.

Рассеивается вуаль обмана,
Родные стены поглотили жуть,
Я сам уже смыкаю глазки рьяно —
Назад хочу иллюзии вернуть.

Чудо-холода

Засеребрило небо крупкой льда,
Укрыт асфальт блестящим покрывалом,
А в переулках вольный запевала
На ухо шепчет: «Чудо-холода!»

Во мгле небесной то ли светлый лик,
То ль солнце прячется, то ль мчится лошадь,
Из-под копыт в глаза метет пороша,
И горстка хрусталя — за воротник.

Портал

Портал открылся, ночь, часы стучат,
Спать три часа еще — и на работу,
Строчу размашисто и сгоряча,
Не отрывая ручки от блокнота.

Летя по звездному пути небес,
Груз вдохновенья расплескал возница,
Как много красок приземлилось здесь,
Мне предстоит наутро восхититься.

Портал закрыт, и надо бы поспать,
Не нагляжусь прекрасной рифмой, словом:
Доволен тем, что удалось поймать,
И, как рыбак, горжусь своим уловом.

Сквозь дымку

Нет лучшего, чем жить достойно,
Держа судьбу в своих руках,
И в час, назначенный спокойным,
Уйти сквозь дымку в облаках.

Взирать, перемещаясь низко,
На годы брэнного труда,
Прощенья попросить у близких
И пожелать друзьям добра.

Осенний марафон — 4G

К концу уже иль всё еще на пике —
Горение душевного костра.
Вперед гляжу — закатных красок блики:
Не хочется, но вроде как пора.

Ни Пушкиным не стать, ни Казановой,
Рокфеллером подавно не успеть.
Поддам углей, разворошу их снова:
Лишь теплятся, а надо бы гореть.

Пытаюсь удержаться в круге страсти —
Осенний марафон — 4G,
Терзаю душу грешную на части,
Тверды пока бывлые рубежи.

Поэты-циники

Хорошие поэты — циники:
Словцо умеют нужное вернуть,
Усилить им, встревожить и кольнуть
Сердечных струн регулировки-винтики.

Отличники душевной математики,
Рассказчики, кто из привычных форм
В обычной канители дум и слов
Ввернет сюжетец словно в акробатике.

Ах, как они проворны в изречениях! —
Какие-то из них уйдут в века.
Не с неба ли, не с космоса строка —
Пришла сама собою иль в мучениях?

Хорошие поэты — циники,
Не ангелы, не агнцы во плоти,
Придумают, чем можно зацепить
То ль в басне, то ль в поэме, то ли в лирике.

Оригами

Потерянный, брожу по перелеску,
Глаза свербит осенняя палитра,
В раздумьях я потягиваю виски
Из купленных по случаю пол-литра.

Отбрасывают, словно оригами,
Деревья выцветающие листья,
Верхушки их летят меж облаками,
И вслед за ними поднимаюсь ввысь я.

В улыбке расплывается щербатой
Парнишечка в светящемся жилете:
«Вам плохо, гражданин?» Встаю с досадой,
Что очутился вновь на этом свете.

«Наверно, собирает оригами», —
Подумал я и прочь заторопился.
Домой бреду широкими шагами,
Виски трезвонят — надо ж так напился.

Когда случится почивать вне дома

Когда случится почивать вне дома,
Нечаянно проснешься в поздний час:
Постель и стены, мебель незнакомы,
Впадаешь в ступор, словно папуас.

Приметив рядом силуэт следящий,
Нависший над тобой как каланча,
Прогонишь негодяя восвояси,
Привстав в прыжке, белугою крича.

Когда ж развеются как дым сомненья,
Продышишься от таких забав,
Ты похулишь фантазию за рвение,
И снова — в сон, подушку забодав.

Ветру

Ты что кружишь между домами, ветер,
Разносишь сор и теребишь белье?

Неужто вольному заняться нечем,
Как попусту обхаживать жильё?

Ребенок солнца, выйди на просторы,
Вширь разгуляйся, шашки наголо.
А город что — запоры да заборы,
Ты в нем — лишь заурядное трепло.

Зачем тебе бетонные препоны?
Каким бы ни был, всё равно чужой.
Твоя стезя — дуть в паруса, гнать волны,
Дарить природе жизнь и быть собой.

В вихре гендерном

В вихре гендерном витает мир —
Мир людей, животных и растений.
Кружится вселенский кашемир,
Гармоничный в хаосе движений.

Облако невидимых страстей —
В невообразимом переплете.
Мир лесов, полей и площадей —
В беззастенчивом круговороте.

Электричка 7:14

Полосой багрец на горизонте,
Занесло сугробами тропу,
С мыслями о завтрашней субботе
На работу к станции бегу.

Мой сосед с утра уже с лопатой —
Разгулялся ночью снегопад,
Мрачный, как хозяин, и помятый,
Ловит пес прохожих беглый взгляд.

Торопливым шагом, снежным хрустом
Все к платформе сходятся пути,
Если 7:14 пропустишь,
На работу к сроку не прийти.

Вот угрем ползет состав красиво,
Отражая блики фонарей,
Тормозит, качается игриво
От столпотворенья у дверей.

За мгновенья все туда вольются
И проходы разом уплотнят,
Дверцы залпом пушечным сведутся,
Кашель, рты у тамбура парят.

Стыки рельсов шепчут монотонно,
Теснота — себя не распрямить,
Вытолкнут толпою из вагона, —
Понимаешь, как прекрасно жить.

А затем обыденно, смиренно
Белокаменная впустит вновь
В вены веток метрополитена
Областную трудовую кровь.

Самолет надежды

Любви полет и море страсти —
Взмывает в небо самолет,
Все пассажиры ищут счастья,
Годами вымучили взлет.

Конец безволю и сомненьям,
Всё брошено в далекий путь,
Свободу чувству опьянения —
Вперед, в синь неба, как-нибудь.

Придирки, нерешимость, споры:
Окостенению — приговор!
Пусть на пути крутые горы,
Надежда выше всяких гор.

Печень

Эх, же, печень, моя печень —
Помереть не дай зазря.
Отпусти, будь человечней,
Скука — жизнь без стопаря.

Сорок капель? — Нет, спасибо:
Посчитал и влил во грудь.
Нам по капле *импосибле*¹,
Если стоим что-нибудь.

¹ Импосибле — impossible (англ.) — невозможно; вольное прочтение английского слова.

Что ж так ноешь, привереда,
И тебе дам порулить:
С понедельника по среду,
Вот те крест, не буду пить.

Поживем еще, родная:
В теле общем как-никак.
Знаю: ходим мы по краю —
Выпивоха! Не дурак.

Досада

Ливану на печень грусти
Пятилетним коньячком,
Может быть, тогда отпустит,
Если двести и рывком.

Притуплю в себе досаду,
Зубоскаля от души,
Затянусь до перехвату,
Так что крупкой миражи.

Глаз защиплет от угару,
Жизнь целуется сквозь дым,
Растанцуюсь под «Шизгару»
С раззадором молодым.

Ночь, такси, подъезд, квартира,
Вдрызг досада изжита.
Человек — хозяин мира:
Завтра — с нового листа.

Грузинский ресторан

Эх, Грузия, тобою здесь дышу:
Столы массивные, конические *квеври*¹,
И полусвет склоняет к кутежу,
И Пиросмани, что висит над дверью.

Росток лозы свисает над плечом,
Взвивая ус и словно балагурия:
«Подайте, уважаемый, харчо,
Хинкали, хванчкару и хачапури».

Играю

Играю. Я люблю играть.
В пылу азарта ставки делать,
Фортуны домогаться смело,
И в пас идти, и поднимать.

Играю. Я люблю играть.
Не передать момента счастья,
Как, куш сорвавши, в одночасье
Всё чешется пересчитать.

Играю. Я люблю играть.
По краю бабочкой порхаю,
Клянусь, что скоро отыграюсь;
Счет в минусе, не стану врать.

¹ Квеври — в Закавказье керамическое изделие, напоминающее амфору, но без ручек. Имеет форму конуса и используется при изготовлении вина.

Играю. Я люблю играть.
Жена почти уже не злится,
Вот отыграюсь, удивится,
Как можно жить, не горевать.

Играю. Я люблю играть.
Уснувших деток в лоб целую,
Одену вас я и обую,
И будем каждый день гулять.

Играю. Я люблю играть.
Играю, что еще мне делать?
Ну вот и маме поплохело —
К чему меня так донимать?!

Играю. Я люблю играть.
Играю, вам какое дело?
Все пилят, пилят, надоело!
А впрочем, мне на всё плевать.

Хватит жрать

Хватит жрать, отложи вилку с ложкой,
Вспомни умерших близких, друзей,
Откажись от еды хоть немножко,
Заглуши алчный гвалт лопастей.

Не животное ты — человеке!
Разрослась божьей милостью рать.
Возложив судьбы мира на плечи,
Ты не можешь простого — не жрать.

Размышляй не о сочной свинине,
Не о том, как вкусны пироги,
А о близких, друзьях и любимых,
Теплоту светлых чувств береги.

В расторопности бренного мира
Нам ни бед, ни проблем не зажрать,
Мы живем не для пышного пира,
А затем — чтобы что-то создать.

Вкус яблока

Кислинка яблока зеленого во рту
Оскоминой кольнула под язык.
Глядя в надкушенную эту красоту,
Зажмуришь глаз ты, если не привык.

Благоуханным ароматом восхитит,
Не выразить восторга на словах.
Блаженно, чувственно и сочно захрустит
Плод искушенья на твоих зубах.

Прекрасным вкусом пробуждает аппетит,
Прохлагою окутывает нёбо.
Кусочка яблока себе не запретит
Любой гурман, как искушен он ни был.

Синим воротничкам

Хватит

щупать

любезностей студень,

Просто так

отпуская слова.

У руля

монотонности буден —

Твои руки,

талант,

голова.

Профиль гордо держи,

комфортно.

Не елозь

под ногами господ.

Делай всё,

как душе угодно.

Ты и есть

настоящий народ.

Убаюканный

легкой работой

Белошвей

не поймет никогда:

Создается

толковое что-то

Лишь руками

людей

труда.

Тычет пальцем
сословье нахальное.
Прямотою своей
гордись.
Наш ответ —
лицо зубоскальное,
Что есть мочи
ему
улыбнись.

Кривизну
признаю
лишь лекальную:
Экивок всяких
я не люблю.
Кренделя
вензелями кабальными
Честный путь
прикрывают
рублю.

Кто там ложечкой
кормит
уныние?
Не нажрется обрюзгшая пасть.
В стяг составим
мы ворота синие,
Отобьем
у манжетовых
власть.

Честное пиво

Я о пиве, что может быть честным,
Быть вершиной всего ремесла,
Спросишь кружечку в городе чешском,
Щегольнув тайным знанием лестным:
«Дайте с этого, братец, котла».

Пивовар, в части торго матерый,
Скажет: «Этого, братец, не дам».
Аргументами вступятся кроны —
К пиву кроны всегда благосклонны,
Благосклонны кроны и к нам.

Что ж ты, русская знатная нива,
Пива доброго нам не дано ль?
Чтоб с горчинкою, полно, игриво
Наполняло бы радостью, силой.
«Дай, брат, лучше...» — «Всё с бочки одной».

Когда ты поешь

Когда ты поешь, я плачу,
Не чувствуя влажности глаз,
Сбиваюсь дыханьем, захвачен
Волшебностью песенных фраз.

Твоим восхищенный талантом,
Я вместе исполнить тянусь:
Насколько же вкусно и ярко,
Так искренне, просто дивлюсь.

Как многое музыка значит,
Имея над чувствами власть;
Когда ты поешь, я плачу,
Не чувствуя влажности глаз.

Стихи, сонеты...

Стихи, сонеты, рубаи и хокку
Лишь в посвященных будят ураган
Восторга рифмой, образом и слогом
Тем вопреки, кто скажет: «Графоман».

Иным всё — словоблудие без проку,
Рифмованный сознания туман,
Пока им не откроет чудо-строку
Такой вот от поэзии гурман.

Дань отдавая признанным поэтам,
Признательность — читающим стихи,
Способным иногда авторитетно
Брильянты выделять среди шелухи.

Пир красоты, печали и любви —
Стихи, сонеты, хокку, рубаи.

Поэт-живописец

Когда бы мастером поэт был кисти,
Какие бы картины он писал,
Какой палитрой выражал бы страсти,
Какую б рифму в образы вплетал!

Воздал ли бы он красоте осанну
И женщину вознес бы до небес?
А живописец, впрочем, то же самое —
Привнес ли бы в поэзию чудес?

Поэзия и рэп

Поэзия уделом зрелых стала,
Подержанных, но выдержанных лиц.
Откуда ж молодежь ее узнала —
От модных рэперов и поп-певиц?

Совковой нет любви к литературе,
Никто не прививает вкус к стихам.
Навязана любовь к иной культуре,
К другим сюжетам и чужим грехам.

Но вкладываю я сомненья в ножны,
Вникая в нескольких речовок суть.
Поэзия и рэп близки? — Возможно,
Похож и творческих скитаний путь.

Зрелый лист

В стороны бросает от ветров
Кроны будто легкие кольчуги.
Ураган — и тысячи листков
От порывов шелестят в испуге.

Пальчик отжимая, черешок,
В собственном измотанный смятении,

Зрелый лист, отшелестевший срок,
Переводит дух в изнеможении.

Нет, не будут вечно трепетать
Кроны шевелюрами, уймутся.
Освежится, поредеет рать,
Зрелые ко сроку вознесутся.

Белый зверь

Контур торосов проступают
В предрассветной темно-синей мгле,
Зверь проснулся, рыком предвывая
Целый день скитаний по земле.

Взглядом водит он по горизонту,
Злобным ревом оглашая даль.
Прочь уводит новый день дремоту,
Растворяя синюю вуаль.

Встал на лапы, грозно озираясь,
Воздух рвет дыханием тугим.
Ветер леденящий презирая,
Зверь идет инстинктами гоним.

Нежность

Не бархатность, не шелковистость,
А теплой шалью — ветерок.
Не тишина, не голосистость,
А колыбельной говорок.

Ласкающий, пьянящий запах,
Беспечною истомой — лень,
Забота на шершавых лапах —
Как землю гладящая тень.

Услада трепетных признаний,
Синь неба, штиль, и легкий бриз,
И теплота воспоминаний,
Души исполненный каприз.

Гармония, любви безбрежность —
Всепроникающая нежность.

Дербент. 1989–1990 гг.

Всё проходит...

Судьбы не знать бы

Судьбы не знать бы наперед
Ни близких, ни своей.
Пусть пикнуть не посмеет тот,
Кто навыком владеет.

Гадалка пусть не ворожит,
Не чует экстрасенс,
В неведении жизнь прожить —
Нормальный интерес.

Отлично, если долог век —
Доволен, коль не хвор.
А если короток забег? —
Зачем мне приговор.

Не просите напрасно

Не просите напрасно у Бога
Дом, богатство, любовь и успех —
Перл творенья не может убого
Подаянья просить — это грех.

Восхваляя Его за терпенье,
Помолитесь, чтоб ближним помог:
Мир — ушедшим, больным — исцеленье...
Тем, что в силах свершить только Бог.

Дух

Он видел всё:
Прощанье у могилы,
Как легкий дождик
Серебрил зонты,
И слышал стук,
Как в землю опустили,
Как комья падали
До глухоты.

Он видел всё:
Как люди разъезжались
В мирские будни,
Выполнив свой долг,
Все на его поминки
Приглашались,
Прийти мог каждый,
Но не каждый смог.

Он видел всё:
Покинутый свой холмик,
Земля, цветы
Оплаканы дождем,
И брошен
Бесконечно одиноким,
Летел туда,
Где помянут о нем.

Он видел всё:
Иные на могилах
Сидели безучастны,
Как во мгле,

Покинуть тело навсегда
Не в силах —
Так прикипели
К жизни на земле.

Он видел всё:
Молитвы и застолье,
Печальные
Елейные тосты,
Случайный смех,
Улыбки поневоле.
Ему казалось:
«А не лишний ты?..»

Дух видел всё...
Метался очень долго,
Но расставаясь —
Должно уходить,
Быть призраком невидимым —
Что толку?
Прожитое
Что толку беречь?!

Сколько осеней

Сколько осеней — тихих прощаний —
Доведется еще ощущать;
Сколько трепетных переживаний,
Чувств, эмоций и мысли скитаний
Даст изведать поры благодать?

Сколько осеней, грустных плакучих,
Непритворностью будут томить,
Увяданием, трепетом жгучим...
Пред порою морозов трескучих
Расставаться на год, как на миг?

Сколько осеней в окон разводах
И палитре листвы под дождем,
В зябких сумерек серых красотах,
Под плащом в ниспадающих водах
Сколько осеней будет еще?

Поэты смертны

Поэты смертны, как иные люди,
Когда взметнется вороной Пегас,
Жемчужины стихотворений будут
Прозрением нечаянным для нас.

Каким поэт покажется провидцем,
И полегчает слог как будто здесь,
Такою рифмой стоило б гордиться!
Прекрасно! Надо б заново прочесть.

И обрета бессмертие в твореньях,
Взирая свыше, без мирских оков,
Получит ли поэт упокоение
Востребованностью мыслей и трудов?

На сотню тысяч лишь один родится,
Глашатай судеб, размышлений, чувств,
Не стоит долго ждать, чтоб восхититься, —
При жизни славьте гениев искусств.

Время черных чернил

Как жаль, что нелюбовь живет средь близких.
О ком же проще языком молотъ?
Не преминут в намерениях чистых
Своих родных похлеще уколоть.

А между тем когда-то наши предки
Семью объединяли за столом,
И грел очаг, и узы были крепки,
Гостили запросто из дома в дом.

Отпущен век судьбою нам — едва ли.
Так одиноко смотрится гранит.
Кто изольет сюда свои печали? —
Всё тот же близкий, кто гнобить привык.

Как жаль, что нелюбовь живет средь близких,
Закончен век сиреневых чернил.
Остерегайся, кровь, порывов низких!
И я молю, чтоб Бог родню хранил.

Седьмое небо

Душа испугана, как птица,
Фонариком незримым ввысь,
Туда — за облака — стремится,
Свершив очередную жизнь.

Высвобождаемые души,
Оставив прах, отринут суть;
Тревогу не приемлют кущи,
И жизнь обратно не вернуть.

Их примет дом — седьмое небо,
Свободных сущностей ковчег:
Сюда отживших тянет слепо —
На нерестилище судеб.

Искрят заряды в ярких сферах,
Кристаллизующие их:
И ангелов, и изуверов
Очистят от грехов земных.

Мир обращающейся жизни:
Сформировавшись, эмбрион
Закинет в «небо» нити-брызги —
Притянет сущности неон.

И вот явился человечек,
Невинный блеск и чистота.
Уверен он, что будет вечен,
И в этом правды простота.

Друг

«Кто есть у нас?» — ты скажешь, принимая
Мою персону в круг своих друзей.
Ты ищешь дружбу, но молва людская
Твердит: ты расстаешься без затей,
Что ценишь в дружбе времяпровождение,
Когда легко, комфортно, хорошо,
И льются алкоголь и песнопения —
Наверно, в этом дружба? В чем еще?

Веселые обильные застолья,
Смешливые речистые друзья,
Задуматься заставят поневоле —

Не любишь ли ты в дружбе лишь себя?
На радостях жизнь смотрится светлее,
Но будет ли в ненастье рядом друг:
Беда когда, проблемы, заболит —
Застольный друг разделит ли недуг?

Сегодня я немного озадачен,
Набрал тебя — там длинные гудки.
«Наверно, неприятность — что иначе?» —
Ошибся я волнениям вопреки.
За дружбу всё же надо быть в ответе,
Лишь искренностью чувств она роднит.
Коль нет ее совсем на белом свете,
Какая ж боль в груди моей саднит?

Долги друзьям

Нет, денег не давайте в долг друзьям.
Другое дело — если помогаете.
Не ожидайте, что воздастся вам —
Быстрее веру в дружбу потеряете.

И если сумма долга не пустяк —
Трещат по швам бывшие отношения.
Напомнить не решается никак? —
Прекрасные от дружбы ощущения.

Одни к друзьям любезны и нежны —
Вдруг появившись, вмиг уйдут в забвение,
Долги прощают всем, кому должны,
В общении не проявляя рвения.

Я к тем, кто верит в дружбу горячо,
Питаю искреннее уважение.

Другому подставлять в беде плечо —
Редкое для дружбы проявление.

Прекрасен друг, умеющий дружить,
И в этой дружбе друга больше ценит,
Друзья друг другу помогают жить —
Никто на свете друга не заменит.

Частичка

Для миллиардов здравствующих душ
И даже тех, что не чужды порока,
Тепла отмерено, любви и срока
До передышки средь заветных кущ —
Ведь в каждой жизни есть частичка Бога!

Старец

До дна исчерпан, на спине лежу,
Холодный мрак сквозь грунт пронзает душу,
На небо как подвздошием гляжу,
Бьют ярко молнии, но я не трушу.

Нет, то не время Страшного суда —
Обычный день, и будто всё в порядке,
Нахлынула откуда-то нужда
Смотреть на небо, лежа на площадке.

Почтенный старец будто бы из врат
В разрывах туч внезапно появился
И в сторону мою, насупив взгляд,
Загромыхав, сурово обратился:

«Разлегся что? Какой с тобой недуг?
Что за беда с тобой? Что за кручина:
С работой плохо, предал близкий друг?
Валяться в прахе — это не причина.

Не толстосум, и что ж — не твой удел?
Потомки есть, родители в порядке —
Да ты, счастливчик, просто обалдел,
Как кабачок, без бед лежишь на грядке.

Сейчас же встань! Причин унынья нет,
Славь Божьи милость, мудрость и терпенье
И жизнь цени — дано немало лет
Тебе еще моим благоволеньем».

Рвет резкой болью уши тишина,
И нестерпимо ноет поясница,
Нет старца в небе. Полная луна
Сквозь темень туч пытается пробиться.

Беда

Она была как никогда счастливой —
Прекрасная семья, уютный дом,
Как вдруг какой-то рок нетерпеливо,
Внезапно обернул всё кверху дном.

Надежды нет, по дому сумрак бродит,
И с тенью обреченности лицо,
Осунулся, вмиг постаревший вроде,
Кто мужем был беспечным и отцом.

Незримо путами на сердце тяжесть,
Отступит только чуть, но не пройдет,
Хоть кинешься бежать куда, приляжешь —
Беде, видать, по нраву этот гнет.

Кто мы вообще и что есть человечность?
Кричать в какую высь, о чем молить?
Неужто так мешала их беспечность,
Чтоб миру равновесье сохранить?

Пели бабушки

С умолку без уговору пели бабушки —
Пели бабушки, попеременно ойкали.
Взгляды заперты, о том переживаячи —
Всем дано ли, приготовлено ли, прибрано.
В песне каждая побудет запевалою,
Тыщу раз понапевалось, понадрывилось
И когда еще у всех их жили дедушки,
И когда еще порядку были детушки.
Песня кончилась внезапно, как и зачалась,
Не спешат покой словечками разбавити,
В головах покрытых мысли рвут отрывками...
С непослушной памяти случаи разные:
Про детей своих, про хворобу и немочи
И про тяготы, лишения сирой старости —
Так живут они тихонько, припеваючи
О судьбинушке беспечной юной девицы.

Старый кларнетист

В кафе знакомое в надежде захожу
Послушать соло пожилого кларнетиста.
Ах, как же, помню, восхищался куражом
И энергетикой игры его лучистой!

Не только музыкой он жег, но и душой,
Из сердца в сердце темперамент изливая,
Дарил восторг и наслаждение игрой,
Лишь для порядка будто пальцы разминая.

Немало времени прошло. Осенний парк,
И в синих сумерках мотив звучит знакомый...
Ты изменился — не меняются никак
Игры манера и талант неутомонный.

Ветеран

Он радовался белым облакам
И вслушивался в дуновенья ветра,
Без малого столетний ветеран
Ловил весну, что пробудилась щедро.

Лицо как будто вырвалось из тьмы,
Морщинами испещрена вся кожа,
Вбирать в себя пришествие весны
Никто так кротко досыта не может.

Изношенный, с десятками наград
Мундир солдатский, грузные ботинки...
Что впору ветерану был наряд,
Не скажут ни осанка, ни морщинки.

Мальчонка, ротик бантиком открыв,
Тянулся к старику с тремя цветками:
«Спасибо, деда, Вамза то, что жив,
И голубое небо с облаками!»

Холокост

Я не был там, но будто память крови
Не позволяет этого забыть:
С железным скрежетом еврейский быт
Был перемолот в жуткой катастрофе.

И как бы ни был счастлив и покоен,
Частичкой сердца где-то там стою —
Со стариками и детьми в строю —
На лютом шабаше кровавых боен.

Набат неспешный, вереница смерти.
Надежды, думы, чувства и любовь —
Зловещей сажей дымовых столбов,
Смятеньем душ в жестокой круговерти...

И слава тем, Господнею искрою
Кому предстало вывезти, спасти,
Не побоявшись сложностей пути,
Хотя б ребенка, ставшего изгоем.

Я не был там, но будто память крови
Не позволяет этого забыть.
Пусть сквозь века проходит скорби нить,
Чтоб человек не знал такого горя.

Художник

Березы листок, приземлившись к собратьям своим,
На мокрой земле свой оттенок добавил в палитру —
Всё, как предназначено, ангел опять сотворил,
Пред тем как белилами сызнова строить надежду.

Уходят зарницы цветов под просторов карниз,
Остатки раздумий уносятся гулкой метелью,
И вот уже мир оглашает размеренный свист —
Художник уснул не укрывшись в незримой постели.

Сон в сизую пору и сумрак — иллюзий пора,
В нем новые зреют эскизы, рождаются краски,
Когда вновь согреются воды, земля и дома,
Он вновь прорисовывать будет анютины глазки.

Откуда явился? Не счесть, сколько трудится тут,
Чтоб мир приукрасить и жизнь сделать чуточку лучше,
Земля для него как мольберт и затертый этюд:
Под толщею патины — ад и эдемские кущи.

Он жалует высь, где за тьмой без прикрас и чудес
Седых облаков кружева в безмятежной лазури,
Ворота, слегка приоткрытые в толще небес,
И ангелы, что, чередуясь, у входа дежурят.

Мать или мачеха
(размышления о Родине)

Скажите, мачеха вы мне иль мать,
Хозяйка надо мною иль супруга,
Прелестница — продажная подруга,
Что станет лишь за деньги уважать?

Умны, достойны, что и говорить,
Нельзя не восхититься красотой,
Но думаю: секрета не открою,
Свое все не приучены любить.

Избави нас с какой-нибудь бедой
Попастся вам в бесчувственные руки —
Возиться, облегчая наши муки,
Не будете, считая ерундой.

Москвой и Питером увлечены,
Заботиться о собственном престиже
Считаете за лучшее в Парижах,
Широт своих не ведая цены.

Мать или мачеха — к чему гадать,
Как было бы иначе — только мнится.
Коль нету мамы, мачеха сгодится,
Особенно когда не выбирать.

Пусть вам Господь всегда благоволит —
И ценят вас обласканные дети,
Родная всё же, нет другой на свете,
И я хочу всем сердцем вас любить.

Родина

«Скажи, еврей, где родина твоя?» —
Готового не предложу ответа:
Быть может, город, где родился я,
Там, где подрост и где могилы предков.

А может, родина там, где вырослел,
Крупницы зрелой жизни просевая,
Учился и работал, между дел
Теплом отцовским сыновей питая.

Возможно, родина там, где семья,
Куда уехали в безвременье евреи:
Где отчий дом, где мама ждет меня
И с разных мест собрались иудеи.

Так, где она? Ты просвети меня.
Какая главная у родины примета?
«Всё просто, — скажешь. — Родина одна!»
А у меня простого нет ответа.

Держать ответ

Стою пред дверью, что за ней, не знаю,
Вернулся друг оттуда чуть живой.
Что за преградой этой испытаю?
Родня, волнуясь, ропщет за спиной.

Держать ответ пора, за жизнь бороться,
Надеюсь, лишь острастку получу
За то, что волен жить в своем болотце,
Не в должной мере чту и трепещу.

Устал я ждать, поди уже откройся,
Пусть будет всё, как порешит Господь.
Боюсь, что к собственным к себе вопросам
Предъявлен будет невозвратный счет.

Одна на всех

Одна на всех заветная тоска
Во взгляде у сефарда, ашкенази
Впечаталась, вобралась на века
В Израиле, Москве и на Кавказе.

Так уж случилось, дан такой урок,
Судьба в других народах раствориться,
Рассеяться по тысячам дорог
И напиться миром и напиться,

Не ведая проторенных путей,
Стараясь не выпячиваться, кротко,
Быть частью, солью родины своей,
Неся внутри самосознания нотку.

Когда, сгущая линию бровей,
Окликнут, продолжая озираться:
«Простите, Вы, наверное, еврей?»
Ответьте: «Да!» — не стоит отпираться.

Огонек

В преддверии Нового года
Предчувствие гложет тоски —
Еще одна вежа уходит,
Добавив снегов на виски.

Дежурная речь президента,
Шампанского выдох в кулак,
Как прежде, восторг от момента —
Как прежде, но всё же не так.

В ночи растворяются дети,
Не то чтобы им невдомек,
И бликами стены осветит
В застывшей тиши «Огонек».

Хрупкость

Крестьянин не знал о грядущей войне,
Все мысли его о достатке —
Мечтал о наделе земли, о коне,
О дойной корове и сочной траве —
И грезы те были так сладки.

Согнувшись над плугом, ведомым конем,
Врезается в жирную пашню;
Хлеба, опоенные добрым дождем;
Жена в светлых сенях поет за шитьем,
Встречая уютом домашним.

В то время, когда созревали хлеба,
В мечты о дочурке и сыне
Кровавою бойней вмешалась война,
Конь сгинул в пучине, жена умерла,
А он — под покровом полыни.

Жребий

Неважно сплю последние сто лет,
С тех самых пор дарована мне вечность,
Родня ушла, и вслед за ней — беспечность,
Но я живу, извечно дряхлый дед.

Таким же смертным был я, как и все,
И жизнь неслась каскадом благолепий,
Когда достался мне коварный жребий,
Им обладать, казалось бы, успех.

В толпе окликнут ветхим старичком,
Мне передал он дар, схватив за руку:
«Терпеть не в силах, — молвил, — эту скуку», —
И после рухнул замертво ничком.

Жизнь без конца наскучила с лихвой
И пустоту собою породила,
Готов расстаться с дарственной постылой —
Теперь и я согбенный, но живой.

Чтоб от тоски не дырку у виска,
Пора уйти. Вот алчная соседка:
Уже сама худющая, как ветка,
К моей квартирке тянется рука.

Возьми за так, не знавшую гостей,
Мою обитель, милая сиделка.
Согласна ли? Закрыта будет сделка.
Ах, да! Бессмертие в придачу к ней.

Болезнь, уйди!

Выкашивает, как чума,
Внезапно вваливаясь в двери,
Кровавая в глазницах тьма
И в несудьбу глумливо верит.

Безжалостна, изощрена —
Как от ее спастись отравы?
И воля крепкая нужна,
И луч, и скальпель, и составы.

Себя мы не дадим убить:
Болезнь, уйди, тверды мы духом!
Сумеет тело излечить,
Еще нужны мы будем внукам.

Как хищница — на разворот,
Во все заглядывая лица,
Всё жрет людскую плоть и жрет,
Лишь чтоб триумфом насладиться.

Мы молимся, пусть ниспошлет
Господь лекарство от напасти,
Над каждым не висел бы гнет,
Всю жизнь бы был здоров и счастлив.

Поколение задержалось

Поколение задержалось,
Оттого и дискомфорт...
Старикам уход и жалость? —
Нет, обида и укор.
Старикам любовь и ласка? —
Нет, их будто вовсе нет.
Сесть в углу и не мешаться,
Сон меж этим да обед.

Поколение задержалось
Тех, кто вас явил на свет,

Кто пожертвовал немало,
Поднимая много лет.
Боли, ноющие ноги,
Всё как есть, не ерунда,
Отдохнуть хотя б немного,
Право ж, можно иногда.

Поколение задержалось,
Не спешите прогонять,
Что им там еще осталось —
Немощь да сыра кровать,
Ожидание ухода,
Память, радость редких встреч.
Я прошу, побойтесь Бога,
Стариков своих беречь.

Чистилище

Прямоугольник водной глади
В неубранном пшеничном поле,
Счищают души здесь в прохладе
Тлен неизбежности на воле.

Молчит потерянная стая:
Чистилище — дорога к раю,
Так птицы, к водам ниспадая,
Крыла от праха омывают.

Мерцают искры вереницей,
Над полем в суете блуждают,
А после с благодатным ветром
К небесным сферам улетают.

Остерегайся!

Пусты проклятья сытых и здоровых,
И пожеланий их цена низка,
Остерегайся взглядов, слов суровых
Вслед от калеки или старика,
Людей в болезни рано уходящих,
Чей в горестях и муках жизни путь,
И ненависти избегай звенящей,
И лютой зависти какой-нибудь.
Свет жизни пусть не омрачат проклятья,
Будь деликатен с каждым из людей,
Кто чашу горькую испил несчастья,
Судьбе способен навредить твоей.

Соплеменник

Памяти жертв погромов

— Куда бежишь, бросая свой очаг,
Наш брат еврей? Не предадим — мы сдюжим,
Стеною станем, и отступит враг,
Ведь как семьею вместе жили, дружно.
Притерлись душами давным-давно,
Делили радости, хлебали горе.
— Господь поможет, если суждено! —
Сказал еврей. — Останемся поколе...

— Опять в дорогу? Нам-то каково?
Ты ищешь место, где бы отсидеться,
Найдешь нору и спрячешься в нее,
А нам тут с жидоморами соседство.
Не оттого ли ты, хитрец, бежишь,
Что выше собственную ценишь жизнь?

Другая война

Мне в войну не довелось
В бой идти без автомата,
Чувствовать, как стынет кровь
В жерле огненного ада.

Не взывал в бреду: «Сестра!..» —
Вывернутый наизнанку,
С кличем боевым «ура»
Напролом не шел на танки.

Подрываясь и горя,
Месивом живым я не был,
Матом кроя и оря,
Не взывал напрасно к небу.

В ярости лихих атак
Не положен с целой ротой,
Землю не случалось жрать,
С кровью смешанную, с потом.

Не кормил в госпиталях
Вшей, отдавшись божьей воле,
Не рыдал на костылях,
Мучаясь от тяжелой доли.

Недобит, штыком пронзен,
Сгинув без вести пропавшим,
Знать, что не напрасно всё —
Главная награда павшим.

Твой день

Твой день рождения сегодня,
Хожу как тень, душа безвольна,
Грудь точит памяти червяк,
То сердце подает мне знак —
Что есть оно, ему всё больно,
Не успокоится никак.

Очередной твой день рожденья,
Как год назад, купив с волненьем
Букет тобой любимых роз,
Иду общаться на погост.
К несчастью, вновь без приглашенья:
Я здесь единственный твой гость.

Не будут...

Не будут рядом наши камни,
С другим живешь ты, я — с другой.
Пусть нас дети будут помнить
Не врозь, молясь за упокой.
И пусть в мгновения печали
Им помнится семейный круг,
Как торжества мы отмечали,
Семьи естественный уют.
Расходятся, увы, дороги,
Но распрощаться не дано,
Поскольку общие тревоги
Нас сводят вместе всё равно.

Война

Растерянность, разруха, страх и голод,
Скорбь вдов и безутешность матерей,
Уклад, что так нещадно перемолот,
Беда, что ворвалась в сердца людей.

Война воздвигла новые погосты
Из тысяч обелисков, скорбных плит.
Могильные кресты, курганов звезды
Оставил частоколами фашист.

Казалось бы, давно всё это было,
Теперь уже другие времена,
Ах, если б людям мудрости хватило
Не допустить, чтоб вновь пришла война!..

Все меньше в День Победы ветеранов,
Редее поколение к весне,
Всё красочнее клумбы из тюльпанов,
Бледнее память об ушедших на войне.

9 Мая

9 Мая, праздничный салют,
Концерты, встречи, танцы, фестивали,
Но нет средь зрителей, к несчастью, тут
Солдат тех, что победу нам ковали.

Весна, цветы, но в сердце холодок,
И одиноко как-то, сиротливо:
Нет ветеранов, вышел жизни срок,
Не то вот-вот пройдет неотвратимо.

Вы извините нас — не сберегли,
Не оградили от лишений, смерти.
Всегда мы делали то, что могли:
С размахом, громко День Победы встретить.

Птицы

Выл неспроста минометный снаряд,
Взрывом накрыло в окопе ребят;
Только призвались, в атаку не шли,
Смерть свою в грязном окопе нашли.

Екнуло сердце у мамы бойца,
Тут же пропала улыбка с лица,
Сердце кольнуло, и слезы — из глаз —
Не обманулось оно в этот раз.

Ветром, ворвавшимся вихрем в избу,
Свечи погашены в красном углу,
Годы пророча, кукушки кричат,
Пушки умолкли, хоронят солдат.

Села земля под солдатским холмом,
Вместе лежат, как в окопе одном,
Нет канонады во вспышках зарниц,
Лишь колокольцы кочующих птиц.

Свой жребий

Страшитесь безответственных желаний,
Рок стоимость их будет примечать,
Не ведая души переживаний,
Поставит вам иной судьбы печать.

Исполнится всё то, что пожелали:
Успешности, достатка и любви,
Но сладко всё окажется вначале —
Назад бы отмотать, кабы могли.

Как правило, безмездных нет подарков —
Со временем придется заплатить;
В поту, слезах и кровью всё захаркав
Захочется своей судьбою жить.

Страшитесь безответственных желаний,
Ведь каждому свой жребий испытаний.

Весна, скамейка, серое пальто

Весна, скамейка, серое пальто,
Луч солнца бледное лицо тревожит.
Хоть ярок свет, тепло еще не то;
Не распахнуться, бьет мороз по коже.

Старик согбенный, сидя на краю,
Краюху голубям неспешно крошит,
Весну так ждавшую жену свою
Уже как месяц отпустить не может.

Сейчас он встанет и пойдет домой,
Всё как всегда — по замкнутому кругу:
Закроет дверь дрожащею рукой,
Покорным эхом позовет супругу.

По редким лужам чапает авто,
Багрец закатный яркостью тревожит.
Весна, скамейка, серое пальто,
Ушел к любимой, бьет мороз по коже.

Сухостой¹

На дороге по пути домой,
Утомленный, вышел из машины:
Снег, накрывший жухлый сухостой,
Холодком мне увлажнил морщины.

Безмятежность будто бы в раю,
Сзади шум бетонной автострады,
В поле как пред Господом стою,
Меж мирами — никакой преграды.

Побродил, сминая сухостой,
Крепнувший морозец — только в радость,
В этом храме, созданном Тобой,
Разобрался, как мне жить не надо.

Напитавшись светлой тишиной,
Удивился, сам себя услышав.
Устали сраженный пеленой,
Неслучайно из машины вышел.

Крыса

Крыса, от криков испуганных прячась,
В дом прошмыгнула, но вот незадача —
Ей домочадцы не очень-то рады,
Сыплют отраву и ставят преграды,
Крыса для них, словно монстр, страшна:
Ночью скребется — уже не до сна.

¹ Сухостой — здесь имеется в виду травный сухостой — высохшие стоящие твердые стебли трав.

Где западня иль какие подвохи,
Чувствует крыса — отравлены крохи.
Хочет сбежать, но затворены двери,
Загнана в угол и людям не верит.
Поздно — судьба ей теперь умереть,
Нос не ошибся, почувствовав смерть.

В свет из убежища — сразу убита,
Перьями красными кухня залита.
Нет сострадания у этих людей —
Крыса носила в утробе детей.
Вычищен дом, ночь Морфея тиха —
Кара к проклятьям не будет глуха.

Мне нет тепла

Мне нет тепла со дня рожденья,
Когда был брошен в этот мир
Для испытаний ли, мученья,
Для счастья ли, нравоученья,
Когда изверг меня кумир.

Внутри тепла гуляет холод,
Но нет — не то, не та, не те,
Еще не стар, но и не молод,
Лед подо мной лежит исколот,
Я без одежды, в наготе.

Мне нет тепла к тому, что было,
Всю жизнь стремлюсь и не найду,
Одно пылавшее остыло,
Другое вроде бы томилось,
Не согревало — на беду.

Покинув матери утробу
Мы ощущаем страшный стресс,
И, обращая душу к Богу,
Из года в год, чем ближе к гробу,
Осознаем — Эдем не здесь!

Тоска

Я не хотела ни детей, ни черта,
Теперь вот плачу с чувством от тоски
Не о немногих сделанных абортах,
А от сомнений, что трубят в виски.

Я не хотела... Что ж теперь рыдаю,
Когда закончен материнства срок?
Да, не хочу! Нет-нет! Я точно знаю!
Вот подрастисла только лишь чуток...

Брак

Мать — в тюрьме, отец — в могиле,
дети — побирушки.
Крики, ругань, кровь в квартире,
шепчутся старушки.
Плач, стенанья, ужас детский,
ор в надрыв гортани,
Брызжут ненавистью губы в буйном урагане.
Кабаки, чужие руки, пустота, неверность,
Флирт, знакомые, подруги,
яростная ревность.
Дети, быт, усталость, ссоры,
муки, недоверье,

Окончен трудовой и прочий путь,
Супруга вводит в ступор болтовнею,
Но тем ее не смею попрекнуть —
Непросто жить с угрюмостью моею.

Нет в жизни изменений, хоть умри,
Зубов почти не чищу и не бреюсь,
Урывками общаемся с детьми —
С работой недосуг им, я надеюсь.

Гляжу я на застывший поплавок,
Всё меньше размышленьями питаюсь.
Крадется точка — близится мой срок,
А кажется: всего лишь запятая.

Ушла

Ушла, старушка. Бросила меня.
И что осталось? Только вслед уйти.
Жалеют все — пустая болтовня,
И я жалею сам себя, прости.

Дымком стрельнут, погаснув, фитили,
Еще не кончится поминок час,
Как тихо годы наши подошли —
Нежданно будто, кажется, для нас.

Мне в сумерках не показался смех:
Ты не ушла, что ж я тогда в слезах?
Присевши рядышком, живее всех
Сквозь пелену предстала на глазах.

Пансион

Оставив в кровати больного отца,
Сказали — придут в воскресенье.
Исполнили долг, громкий выдох с крыльца —
Не сдюжили часа общения.

Детей уверяя — не стоит частить,
Всё есть что поест, свежий воздух,
Пошутит, что в гости к кому есть ходить
И с кем пообщаться о звездах.

Обратный отсчет где-то пущен уже,
Должно быть по выкладкам — хватит,
Теперь только ждать, как свернут неглиже
С простынки в его же кровати.

Не выдержал раз, пообмякнув, отец:
Просил, чтоб забрали отсюда.
У близких в глазах лишь холодное — нет,
С тех пор и не ждет в жизни чуда.

Упокоен

Упокоен. Плиты бетонной стук,
Ударом якоря, сорвавшимся навеки.
Заслон холодный от напрасных мук,
Немой плашатай об ушедшем человеке.
И унесет кольцо рутины в плен,
Тебя, увы, уже не заключить в объятия.
Еще и тело не поглотит тлен,
Ты сменишь черное на выходное платье.

Мне приснилось

Мне приснилось, что ты больна,
В крик признание — неизлечимо,
Худоба, макияж вроде грима,
Стержни глаз и волос желтизна.

Как же больно смотреть в глаза
И слова подобрать, чтоб утешить!..
Не любил: ты же знаешь — грешен,
Но мучительно тщила слеза.

Взять осмелился трубочки рук,
Долго тискал, в своих согревая,
Страстный лепет любви вспоминая,
Наши вёсны и краски вокруг.

На прощанье, осекшись в лоб,
Поцелуй в пересохшие губы...
Пробудился в испарине крупной —
Сон мой страшный прервал озноб.

Ноябрьский вечер

Вот и он — сырой ноябрьский ветер,
Пробирает, сердится изрядно,
Всё в округе, будто на мольберте,
Темно-серым мажет безоглядно.

Зло срывая, замечает листья,
В жуткой пляске нервно хороводит:
Застоялась золотая гостья;
Ну, довольно, пусть теперь уходит!

С возмущеньем брызгает слюною:
Стоило немного задержаться,
Всю палитру залила собою.
Как увядшим можно восторгаться?

Отдохнуть присел он на опушке,
Поиссяк от буйного набега,
Обнаженные глядят верхушки,
Как с небес спадают перья снега.

Листочки, облака

Пришли-ушли — так быстро
Проходит век людской,
И облака так низко
Нависли над землей.
Дрожащие листочки
Лохмотьями с дерев
Падут поодиночке,
Ко сроку отмерев.
Поэзия печали —
Листочки, облака
Унывно обличают
Движение в века.

Пятница

Пятница, неделя — ад,
Наконец иду с работы.
Первый выпал снегопад,
Предваряя ночь субботы.
Приморозило слегка,

И одет не по сезону:
Мерзнут ноги от носка,
Побыстрей дойти б до дому!

Боль, в висках внезапный гвалт,
На колено припадаю,
Меряю собой асфальт,
На губах снежинки тают.
Выпорхнул как мотылек
Дух из тела при ударе,
Красной камедью потек
Лоб, застыв на тротуаре.

Вихри черные кружат,
Обволакивают тени;
Не пойму: рай или ад...
В жутком нахожусь смятенье.
Быстротечную канвой
Хлынули воспоминанья.
Я, потерянный собой,
С новым миром жду свиданья.

Сущностей круговорот,
Сгустки света, тени, лица
Шепчут мне: «Не твой черед»,
Убеждают возвратиться.
Им бы радость или грусть,
Вечность вечностью, но правда —
До эмоций, слов и чувств
Ненасытная здесь жажда.

Тело я свое нашел,
Любопытных набежало:
Миру бренному в укор,

Где-то неотложка встала.
Холод, пот течет рекой,
Вник в себя как в истукана,
Бледный, кожа с зеленцой...
Смерть ужасна — врать не стану.

Вновь иду вдоль мостовой,
Хмур народ, конец недели —
Уикенд очередной,
На работу в понедельник.
Не дай, Боже, нам уйти,
По случайности убиться,
В кущи вечной пустоты
Раньше времени явиться.

Арктика

Тушенка, хлеб и самогонка,
Пустой мужицкий разговор,
Стоит под флюгером избенка,
На окнах ледяной узор.

Специалист-метеоролог,
Свершив замер очередной,
Вдвоем с коллегой в минус сорок
Тоску жгут огненной водой.

Метель снега перезастелет,
На сотни верст нет ни души.
Как там жена и в чьей постели
И как там в школе малыши?

Жизнь всё короче с каждой вахтой,
Скучнее, чем средь рос и трав:
Сегодня та же, что и завтра,
И проклят всяк, сюда попав.

Луна чуть выше горизонта
Сменяет солнце, как сатир,
Из развлечений лишь работа,
Печать зачитана до дыр.

Назад, в суровые пространства —
Давали клятву: «Никогда!»
Но вот к концу чужая вахта,
И путь опять лежит сюда.

Тушенка, хлеб и самогонка,
Пустой мужицкий разговор,
Стоит под флюгером избенка,
На окнах ледяной узор.

Холод планет

Когда мы уйдем, мир останется прежним,
Всё те же заботы и те же надежды,
Всё та же гроза

и всё тот же рассвет,
Вот только для нас всего этого нет:
Мамаша, коляску везущая в парке;
Поднявший ладошку ребенок за партой;
Влюбленный с признанием дарит букет,
И брызги девичьего счастья в ответ;
Торжественность празднеств,
обыденность будней,

Машиах¹
(поэма)

Часть 1. Женщина

В Бейт-Кнесете² сегодня оживление,
Толпятся прихожане у ворот —
Раввины рассуждают о явлении
Машиаха³ у города Сдерот⁴.

Как облако, волнение людское
Нависло — напряжения накал,
Как можно допустить в уме такое,
Чтоб женщиной помазанник предстал.

Приехали со всех концов планеты
Почтенные раввины-мудрецы,
Чтоб прояснить, писали ли об этом
В Талмуде⁵ или Мишне⁶ праотцы.

¹ Сюжет поэмы «Машиах» является художественным вымыслом автора.

² Бейт-Кнесет — буквально «дом собрания» (*иврит*) — основной институт еврейской религии; помещение, служащее местом общественного богослужения и центром религиозной жизни общины; синагога.

³ Машиах (*иврит*), Мешиха (*арамейск.*) — буквально «помазанник» в иудаизме, идеальный царь, потомок царя Давида, который будет послан Богом для избавления народа Израиля.

⁴ Сдерот — город в южной части Израиля, расположенный в 15 км юго-восточнее Ашкелона, на северо-востоке пустыни Негев.

⁵ Талмуд — буквально «изучение» (*иврит*) — свод правовых и религиозно-этических положений иудаизма, охватывающий Мишну и Гемару в их единстве. Это уникальное произведение, включающее дискуссии, которые велись на протяжении почти восьми столетий еврейскими мудрецами, жившими в период Второго Храма и несколько столетий после его разрушения.

⁶ Мишна — буквально «повторение» (*иврит*) — древнейшая часть Талмуда, религиозно-юридический сборник; первый письмен-

В народе иудейском — шум, волнение,
«Осанна!¹» — воздается в небеса.
Восторг и эйфория, изумление —
*Мазали*² обсуждают чудеса.

В мгновения окраины Сдерота
Наполнились приезжими людьми.
Заторы, не проехать с *Нетивота*³,
Пешком иным приходится идти.

Повсюду раздаются песнопения.
На улицах, в машинах *миштара*⁴,
Людское регулируя движение,
Горланит мегафонами с утра.

Хозяева лавчонок в возбуждении —
Почти что не торгуется народ,
В умах людей — Машиах, а не деньги,
Что будет дальше, знать бы наперед.

ный текст, содержащий основополагающие религиозные предписания ортодоксального иудаизма. Согласно еврейской традиции Мишна является частью Устного Закона, данного Всевышним Моисею на горе Синай вместе с Торой (Письменным Законом) и записанного позднее.

¹ Осанна! (в переводе с *иврита* — «спаси же!») — возглас, употребляемый древними евреями во время праздничной благодарственной молитвы Богу.

² Мазаль — имя главной героини поэмы. Слово «мазаль» в переводе с *иврита* означает скопление звезд, созвездие. Согласно учению еврейских мудрецов понятие «мазаль» — это условия жизни человека, данные ему от Всевышнего в час рождения (или до рождения).

³ Нетивот — город в южной части Израиля, расположенный в 30 км на запад от Ашкелона и восточнее Беэр-Шевы.

⁴ Миштара (*иврит*) — полиция Государства Израиль.

Кому бы и о чем ни рассказали,
Не будучи в Сдероте, не понять:
Всё ожило с явлением Мазали,
Над городом нависла благодать.

Часть 2. Раввинат

Раввины собрались... Конец вступлению.
Их чувства невозможно передать,
Сегодня предстоит принять решение:
Что это — кара или благодать?

Растерянность на лицах ортодоксов,
Размеренности нет былых речей,
Разбор необъяснимых парадоксов
Произведен до самых мелочей.

Придирчиво, а кто скрипя зубами,
Духовные отцы кричали с мест:
«Не быть! Чтобы на голову Мазали
Господь десницу возложил с небес?»

Случайность, а не чудо — нет сомнений,
Склонялось большинство из них считать,
Что это не помазанника гений,
А шарлатанство фокусам под стать.

Внезапно поубавилось волнение —
На кафедру взошел Шломо Гершом,
Воззвал он к Господу молитвы чтением
С особенным каким-то куражом.

Затем сказал, что слышал о Мазали
И, прежде чем рядить и обличать,
На слухах чтоб суда не учиняли,
Ведунью бы неплохо повидать.

Наутро, как раввины наказали,
В Сдерот был делегирован эскорт,
До самого пристанища Мазали
Толпой сопровождал его народ.

Часть 3. Ты Машиах

Шломо застыл в глубоком изумлении,
В ухоженный войдя тенистый двор,
Под кроною акации в волнении
Стояла женщина, потупив взор.

Он задал ей вопрос, но тут услышал
Свой голос прежде, чем открылся рот,
Понять пытался, но увы не вышло,
Всё тело охватил холодный пот.

«Шломо, не беспокойся, всё в порядке, —
Мазаль, рта не раскрыв, произнесла, —
То есть твоих возможностей задатки —
Одно из проявлений ремесла.

Пришла пора: мне было откровение —
Спасение отсюда двинет в путь,
Твое здесь неслучайно появление,
Постиг ученья Божьего ты суть.

Всё доведешь доходчиво народу,
К тебе предубеждений, раввин, нет,

Что даст возможность, как угодно Богу,
Завещанный нам совершить обет.

Земля погибнет. Новая планета
Приютом станет сущностей людских
Для тех, кто в жизни верен был заветам,
И умерших когда-то, и живых.

Задача — всех уведомить о крахе,
Ко сроку на *Святой земле*¹ собрать,
И всё, что предназначено в *Танахе*²,
Тебе, Машиах, надо исполнять».

Шломо Гершом покинул потрясенным,
Мазали вдруг сакральным ставший дом —
Машиахом не стал здесь нареченным,
Ведь жребий этот был всегда при нем.

Народ, давно заждавшийся у дома,
Не мог ту очевидность не понять —
Сияет он в подобие святому —
То праведности светлая печать.

¹ Святая земля (Эрец ха-Кодеш на *иврите*) — территория, расположенная примерно между Средиземным морем и восточным берегом реки Иордан. Иудеи, христиане и мусульмане всего мира почитают это место. Только здесь можно исполнить все заповеди Торы, именно сюда стекаются молитвы из разных стран и отсюда они поднимаются на Небеса. Именно здесь человек ближе всего к Богу и способен достичь истинного совершенства и святости.

² Танах (*иврит*) — слово представляет собой акроним из названий трех разделов еврейского Священного Писания: Тора (Пятикнижие), Невиим (Пророки), Ктувим (Писания). В христианской традиции Танах практически полностью соответствует Ветхому Завету. Это общее название всех 24-х книг, которые все вместе составляют Письменную Тору — от сотворения мира и человека до начала периода Второго Храма.

Часть 4. Воззвание

Всю ночь Гершом молился, вспоминая —
Не раз его Господь оберегал,
Как с детства, наставлениям внимая,
Душой и сердцем Бога почитал.

Росла толпа у стен его жилища,
Пресс-центр выстроен у входа в дом,
От обсуждений ревностных — жарница —
О том, что видел кто вчерашним днем.

Открылась дверь. ТВ-каналы мира:
«Россия», «Аль-Джазира»¹, «CNN»² —
Встречают фотовспышками кумира
И сотней с микрофонами антенн.

Шломо, пред тем как к людям обратиться,
В раздумьях на кафедру взойдя,
На *Котель*³ повернувшись, помолился,
Толпу тревожным взглядом обведя.

«Шалом, друзья! Так сказано в Талмуде:
От гибели Господь народ спасет
И, если были праведными люди,
В утраченный Эдем их приведет.

¹ «Аль-Джазира» — международная телекомпания, транслирующая новости арабских стран.

² «CNN» — телеканал из США, прославившийся освещением событий на Ближнем Востоке в 1991 году. Телерепортажи с места событий в Персидском заливе укрепили его известность как круглосуточного источника международных новостей.

³ Котель, или Котель маарави (*иврит*) — Западная Стена, или Стена Плача в Иерусалиме (см. сноску в разделе «Истоки» к стихотворению «Стена Плача» на стр. 50).

Настало время, что в молитвах наших
Упоминаем мы, читая вслух.
До дна испить судьбы пристало чаши,
Пусть сильным будет воли нашей дух!

И тем, кто в сотворение не верит,
К спасенью тоже не закрыта дверь,
Бог праведность неведением не мерит,
Сплотимся перед Господом теперь!»

Чудесным образом по всей планете,
В подробностях о речи знали все:
Кто слышал что-то, кто читал в газете,
Кто страстно пересказывал в красе.

Часть 5. Исход

Адепты всех религий, атеисты
(Съезжается в Израиль разный люд),
Язычники, сектанты, коммунисты
Машиаха в Гершоме признают.

Как будто бы лоскутным одеялом,
Палатками пустыня расцвела.
Мир видится прекраснее к финалу —
Прости, многострадальная земля!

В волнении кипит людское море
Огромной шумной ярмаркой страстей,
И кажутся осколками покоя
Компании играющих детей.

Народ, живя в пустыне, на просторе,
В смирении, молитвах просто ждал,
Зачитывал, описанное в Торе,
Что будет — меж собою обсуждал.

Когда настал тот час, слова молитвы
Как будто материальность обрели:
Холодным светом всё вокруг заливший
Протяжный гул взошел из-под земли.

Гершом, взывая к милости Господней,
К спокойствию и вере призывал.
И слезы, и восторг — в толпе народной,
Все за руки взялись и ждут финал.

Пролился дождь по обжитым местам,
Смятение с молитвой пополам:
*«Барух ата Адонай,
Элоһэйну Мэлэх һА олам¹...»*

Исчезли страх и боль, пришла беспечность,
И тысячи растерянных людей
Сознанием умчались в бесконечность,
Тела оставив бранные земле.

Пустынно, сиротливо во Вселенной,
И кажется: бездушно и мертво.
Блеснула яркой вспышкой мгновенно
Земля, — и не осталось НИЧЕГО.

¹ «Барух ата Адонай, Элоһэйну Мэлэх һА олам...» (иврит) — начало многих еврейских молитв, в переводе означающее: «Благословен Ты, Господь, Бог наш, Царь вселенной...»

Группа музыкантов с ашугом. Дербент. 1900 г.

Тексты песен

Припев.

Вдыхают свежесть городские крыши,
Ручьи щебечут, капель перестук,
Прислушайся — и музыку услышишь:
Поют кларнеты водосточных труб.
В благословенном солнечном Дербенте
Дождь изредка не против отдохнуть,
А загуляет, — прикаспийский ветер
Предложит кунаку продолжить путь.

Припев.

Мангальщик

В мангале щепкой разведешь огонь,
Прищуришь взгляд, докуришь сигарету,
Шампур привычно обовьет ладонь,
Навьешь корейку и люля-котлету.

Когда удастся выбраться сюда —
В любую пору, вечером и ночью, —
Я так люблю спокойно наблюдать,
Как над огнем колдуешь ты, воочию.

Припев:

Мангальщик — светлой доброты душа.
Творишь, как чародей, без лишних слов,
Шампур в руках повертишь не спеша,
Гостям подаришь радость и любовь.
Мангальщик — ты как клавишник в дыму,
На сцене, в цветомузыке огня,

И силуэт пронзает полутьму
От ярких искр горящего угля.

Зажжешь блаженства огонек в глазах
Своим люля, что просто объединье:
От упоения гурман в слезах
Язык проглотит свой от наслажденья.

Ах, как же тает шашлычок во рту!..
Как будто миг остановилось время,
Добавишь водки в эту красоту, —
И в жаркий танец, рукавами рея.

Припев.

Придешь домой, почти валясь без сил,
Жена улыбкой на пороге встретит.
За то, что от души всех накормил,
Пусть благодарностью тебя приветит.

Бат-мицва¹

Время промчалось, почти не заметил,
Дочка моя, ты уже подросла,
Вот и *бат-мицву*² сегодня отметим,
Радость ты в сердце мое принесла.
Как ты красива, цветочек любимый!
В этот твой первый ответственный день
Грустно немного, но самый счастливый
Папа сегодня, родная, поверь.

¹ Ссылка на видео: <https://youtu.be/xinSW56Yc4w>

² Бат-мицва — празднование достижения еврейской девочкой 12-летнего возраста — религиозного совершеннолетия.

Припев:

Тебя, моя принцесса,
С бат-мицвой поздравляю.
Твою, моя дочурка,
Я ручку отпускаю.
Лети, моя голубка,
Мой ангел, моя кровь,
С тобою мое сердце,
Забота и любовь.

Та же дочурка, но что-то такое,
Взрослое что-то мелькнет по лицу,
Некогда сердце отдашь ты другому,
Может, немножко оставишь отцу?..

Припев.

Брат

Благодарен я своей судьбе.
Эта песня, брат мой, о тебе.
Радуюсь, что ты на свете есть —
Гордость ты моя, моя ты честь.
Разные в судьбе бывают дни.
Брат, не унывай, мы не одни:
Мама рядом, в здравии — отец,
Брат приехал в гости наконец.

Припев:

Брат! Брат! Брат!
Ах, какое чудо-слово!
Брат! Брат! Брат!

Фото 5. *Пануэль Рахмилов. 2015 год*

Слаще ничего иного,
Лучше никого другого!
«Дорогой, пусть Бог хранит тебя!» —
Распеваю от души, любя.

Пусть любовь царит в твоей семье,
Жизнь идет по ровной колее,
Окружают верные друзья
И удача жалуется тебе.
На ребят растущих посмотри,
Женушку за то благодари:
Всё у вас, братишка, хорошо,
Лучше будет, думаю, еще.

Припев.

Братских народов семья

Здравствуй, Россия моя —
Братских народов семья!
Салам алейкум! Шалом!
В мире и дружбе живем!

Волга, Сибирь и Донбасс,
Дальний Восток и Кавказ —
Весь наш российский народ
В прочный сплетен хоровод.

Припев (2 раза):

Руки раскинув орлом,
Жаркий костер разожжем!
Гордой России сыны
Волей и духом сильны!

Вместе станцуем друзья,
Сердцем задорным горя,
Жители гор и равнин —
Чукча, татарин, лезгин.

Воин, крестьянин, чабан,
Дальних морей капитан,
Токарь, строитель и врач,
Ну-ка, поддай бородач!

Припев (2 раза).

Вместе Якуб, Магомед
Братский танцуют дуэт,
Третьим войти не спеши,
Пусть отдохнут от души.

Припев (2 раза).

Лакец, чеченец, башкир,
Русский народ — целый мир,
Азербайджанец, еврей —
Братя, танцуй веселей!

Припев (2 раза).

Влюблен

В одну волшебницу влюблен уже давно,
Она моим отрада мыслям и глазам,
У дома часто поджидаю я ее,
Пока момент не подберу любви словам.

На расстоянии до дома провожу,
Глазами нежный посылая ей привет.
Пока не выглянет в окно, не уйду,
И поцелуй воздушный ей летит в ответ.

Припев:

И пусть пока смотрю тебе я вслед,
Как ты уходишь от меня упрямо,
Несправедливо проронила: «Нет!» —
Лишь потому, что так сказала мама.
Ах, мама, мама, чем же, не пойму,
Не угодил и что тому виной?
Поверьте, мама, слову моему
Благословите нас Вы всё равно.

В моей семье ее полюбит вся родня.
Душа моя!.. Ну как такую не любить?

И прослезится мама: «Доченька моя!» —
В любви и радости — мы в счастье будем жить.

Припев.

Старый тутовник

Бывало так: качался на ветвях
Безусый паренек, слагая песню:
На волнах ветра, в бури жерновах
Был капитаном, что плывет над бездной.
Об однокласснице он пел своей —
Красивой и прилежной ученице.
В игре ресниц и солнечных лучей
Она стояла здесь, у шелковицы.

Припев:

Старый тутовник — светлая сказка,
Рядом вдвоем я и ты.
Детство нам дарит яркие краски,
Ветер рисует мечты.
Здесь, средь неясных переживаний,
Хочется рядом с тобой
Жить и учиться без расставаний —
Может быть, это любовь?..

Ствол дерева тихонько приобняв,
В молчании прислушиваюсь к ветру:
Изъеден тлей тутовник мой, трухляв,
Но чувства детские хранит и веру.
И увлечения мои тех дней
Раздвинули прожитые страницы:

В игре ресниц и солнечных лучей
Она стояла здесь, у шелковицы.

Припев:

Старый тутовник — светлая сказка,
Снова вдвоем я и ты.
Первое чувство — в этом разгадка —
Свету подобно звезды.
Не сохранилось на дереве имя,
Вырезал что навсегда,
С ветром в лицо и мечтою наивной —
Славными были года.

Пятьдесят

Нам, друзья, пятьдесят,
Разве в это поверить?
Пронеслись в суете
Все былые мечты.
Нам, друзья, пятьдесят,
Жаль: ретивое время
Не умерить в узде,
Подобрав животы.

Припев:

Пятьдесят, пятьдесят,
Пусть уже и многовато,
Пятьдесят, пятьдесят —
Юбилейный юбилей.
Будем верить, друзья:
Этот возраст — лишь экватор,
Светлых много будет дат,
О прожитом не жалею.

Нам, друзья, пятьдесят,
Разве в это поверить?
Те же лица ребят,
Тот же смех, баловство.
Нам, друзья, пятьдесят,
Но не время вечерять,
Ведь запал не иссяк,
Повоюем еще.

Припев.

Мама, мне пятьдесят,
Разве в это согласишься?
Нет уже озорства
Тех мальчишеских глаз.
Мама, мне пятьдесят,
От твоих колыбелей
И моя пацанва
Пусть порадует нас.

Припев.

Поцелуй¹

Полночь, зал отлета пуст,
Только что взлетел аэробус,
Улетел, на сердце — грусть
И нежный поцелуй твой.
Вновь развеялась мечта,
Мне б с тобой в ночное небо,

¹ Песня для дуэта.

Жжет разлуки пустота...
И нежный поцелуй твой.

Гаснет в самолете свет,
Пассажиры отдыхают,
Но любви не меркнет след,
Что помнит поцелуй твой.
Прежние заботы ждут,
Вряд ли скрыть я буду в силах
Грусти тень в улыбке губ,
Что помнят поцелуй твой.

Припев:

Твой поцелуй, твой поцелуй
В объятиях любви,
Твой поцелуй, твой поцелуй
На дальнюю разлуку.
Ну почему, ну почему
Москва и Тель-Авив
Не отпускают нас с тобой друг к другу?

Разведенные мосты,
Неприкаянные судьбы,
Но на сердце — только ты
И нежный поцелуй твой.

Жить не можешь без снегов,
Мне мой город не оставить,
Грусть-тоска — моя любовь,
Что помнит поцелуй твой.

Припев.

Полночь, зал отлета пуст,
Только что взлетел аэробус,
Улетел, на сердце — грусть
И нежный поцелуй твой.

Кунак

Заходи, дорогой мой *кунак*!¹
От души предадимся веселью,
Будем кушать *хинкал*² и коньяк —
Между делом есть время безделью.

На шашлык заготовил вчера
Я каре молодого барашка,
*Хаш*³ наваристый будет с утра —
Нам в похмелье не так будет тяжело.

О друзьях своих будем шутить
И о детях хорошее скажем,
За успех их с тобой будем пить,
Будет трудно, конечно, подмажем.

Ты прекрасных растишь дочерей.
Дорогой, не сочти за крамолу,
Породнимся, помолвим детей,
Старший мой уже год ходит в школу.

¹ Кунак — гость, приятель, друг у кавказских народов.

² Хинкал — традиционное блюдо дагестанской кухни.

³ Хаш — блюдо кавказской кухни, суп из говяжьих ног, рубца.

Заторопишься если домой
К своей милой законной супруге,
Проведу я дорогой прямой,
Передам ей тебя прямо в руки.

Тебе счастья желаю, кунак,
И чтоб в доме твоём был достаток,
Чтоб и в горе, бывает и так,
Были рядом весь жизни остаток.

Дети гор¹

Хочешь найти
Сердцу покой
И обрести уют? —
Мир обойдешь
Трижды вокруг,
Сердце оставишь тут.
Не про Европу,
Тайские пляжи,
Не про снега мой сказ,
Радуюсь я,
Только когда
Еду домой на Кавказ.

Припев:

В каждом селе,
В каждом ауле,
В каждой большой семье
Скажут тебе:
Край тот красив,
Где хорошо тебе.

¹ Ссылка на видео: <https://youtu.be/l4daWiND1y0>

В каждом селе,
В каждом ауле —
Там, где широк простор,
Воздух, ущелья,
Реки, долины,
Славные дети гор.

С гордой горянкой
Я танцевал
На торжестве друзей,
Сердцем постиг —
Нет на земле
Ближе мне и родней.
Девушка эта
Сбежала, не страшно,
Я всё равно найду.
«Папа и мама,
Замуж отдайте
Дочку, не то украду!»

Припев:

В каждом селе,
В каждом ауле,
В каждой большой семье
Скажут тебе:
Этот цветочек
Вырос на их земле.
В каждом селе,
В каждом ауле
Чем восхитится взор:
Пламенным танцем,
Гибкостью стана —
Стройные дети гор.

В реку упал
Школьный автобус,
Выйти никто не мог,
Вдруг паренек
На скакуне
Прыгнул в седой поток.
Выбил окно,
Вынес детишек,
Спас от большой беды,
Сел на коня
И ускакал —
Ветер замел следы.

Припев:

В каждом селе,
В каждом ауле,
В каждой большой семье
Скажут тебе:
Этот парнишка
Вырос на их земле.
В каждом селе,
В каждом ауле
Даже не разговор:
Каждый джигит
Так поступил бы —
Храбрые дети гор!

Много веков
Кровная месть
Рушила две семьи,
Им аксакалы,
Мудрые люди,

Жизнь сыновей спасли.
Славных парней
И лучших красавиц
Взяли из двух семей
И обручили —
Слезы сменились
Улыбками их матерей.

Припев:

В каждом селе,
В каждом ауле,
В каждой большой семье
Скажут тебе:
Те аксакалы
Жили на их земле.
В каждом селе,
В каждом ауле
Помнят такой раздор:
Сердце вскипает
От крови горячей —
Дерзкие дети гор!

Душою радуюсь

Слезинка радости,
Росинка радости,
Давно не виделись, но знаешь, что люблю,
И при родителях,
Твоих родителей
О нежных чувствах я открыто говорю.
Не убирается,

Не растворяется
Сиянье счастья на улыбчивых губах.
Часы приметные,
Кольцо заветное,
Горят бриллиантами на трепетных руках.

Сегодня радуюсь,
Душою радуюсь,
Что в светлом танце не жалеем мы огня
На торжестве моем,
На торжестве твоём,
Хоть ты, любимая, не смотришь на меня.
Моя желанная,
Мне Богом данная,
Благодарю я уважаемых родных,
За то, что весело,
За то, что вместе мы
Душою радуемся так за нас двоих.

Однажды русский генерал...
*(два дополнительных куплета
к известной песне Гии Канчели)*

Однажды русский генерал
Вдоль по Кавказу проезжал,
И грузинскую он песню
По-мингрельски напевал.

Припев:

*Тая, тая, тая, ватата-ята¹,
Ма калатиши ра да рая² —
Квели, пури, хачапури, цицила³.*

Был генерал не одинок —
Друзья его тянули слог —
Звучал как гимн под шапкой гор
Мужской многоголосый хор.

Припев тот же с вокальными вариациями.

На Авлабаре⁴ над Курой⁵
Садится месяц молодой,
Лишь смолкли песни, рассвело...
Любовь моя — Сакартвело⁶.

Припев тот же с вокальными вариациями.

¹ Тая, тая, тая, ватата-ята... — звуковые сочетания, устойчиво сохраняющиеся в песенных фольклорных произведениях, мелодические вставки, дополняющие грузинский колорит.

² Мака латши рада рая — что в этой корзине (иронический перевод с грузинского).

³ Квели, пури, хачапури, цицила — сыр, хлеб, хачапури, цыпленок — (перевод с грузинского). В некоторых вариациях песни вместо «квели» произносят «цхели» — горячий.

⁴ Авлабар — один из древнейших районов Тбилиси.

⁵ Кура — самая крупная река Закавказья. Протекает по территории трех государств: Турции, Грузии и Азербайджана.

⁶ Сакартвело — название Грузии, используемое жителями этой страны.

Дагестанка

Припев:

Дагестанки, дагестанцы —
Молодежь спешит на танцы,
Горцы пляшут на поляне:
Городские и селяне.
Кунаки, свои, туристы —
Все танцуют, как артисты,
Меж других одна танцует —
Всех влюбить в себя рискует.

Кто ты, милая горянка?
Душу рвать мне перестань-ка!
Расскажи-ка мне, сестричка,
Лачка ты или кумычка?

Не аварка, не кумычка —
Я с другого края птичка,
Я и не табасаранка —
Дагестанка, дагестанка.

Ах, чего ж ты так упряма,
Ну, взгляни ж в глаза мне прямо!
Может, я и есть твой муж.
*Вуч лезги я чан яруш?*¹

«Вуч» не знаю, знаю точно,
Что я папы с мамой дочка,
Ну, скажу — я не тиранка:
Дагестанка! Дагестанка!

Повтор припева.

¹ Вуч лезги я чан яруш? (лезг.) — Ты лезгинка?

Прямо у подъезда на мгновение удержу,
Руки расцелую и к груди своей прижму,
Щеки разогреет

нежный шепот пылких слов —

Это волшебство и называется любовь.

Зимний вечер синевую смотрит к нам в окно,
Две души — в объятьях лета, в телеке — кино,
Шанс любить и быть любимым

каждому дал Бог,

Был бы век с тобою рядом, если б только мог.

Твои года не те

Как в юности, колотит сердце
В безвольной суе
И в чувственном огне томится.
Твои года не те.

В любви не смею объясниться,
Горю в своей мечте;
Отпустишь наяву, так снишься.
Твои года не те.

Привет:

Ты молода, ты молодая,
Но что же делать мне?
Ты расцветаешь, я сгораю
В своей любви к тебе.
Твоей судьбою стать мечтаю,
Весь мир тебе дарить.
Что много старше, знаю, знаю —
Мне без тебя не жить.

Ты молода, ты молодая,
Но что тебе сказать.
Что я влюблен в тебя, ты знаешь,
Ах, если б время вспять...
Оберегать тебя мечтаю
И на руках носить,
Что много старше, знаю, знаю —
Мне без тебя не жить.

Тоску наводит день дождливый,
В разводах на стекле
Мне видится твой облик милый.
Твои года не те.
Стенанья не приносят счастья,
Не дарят шанс судьбе;
Лишь молния блеснет в ненастье.
Твои года не те.

Припев.

Мой сын

Ты смотришь на меня, не понимая,
Что предстоит на жизненном пути.
Я буду рядом, ты об этом знаешь,
Потягиваясь к маминой груди.
Ухватишь палец крошечной ладошкой,
И разольется по сердцу тепло,
На ноги встанешь, подрастешь немножко,
Я расскажу об этом мире всё.

Припев:

Мой сын, сыночек мой, моя малютка,
Не знаешь ты, как счастлив твой отец.
Глаза и щечки вспомню на минутку,
Свечусь от счастья. Ах, какой гордец!
С лица не сходит нежная улыбка,
За что б ни взялся — всё мне по плечу.
Как никогда домой спешу я шибко,
Тебя обнять, мой маленький, хочу.

Как будто воспарил над облаками,
Когда, дружок, явился ты на свет,
Восторг в душе, накрыло грудь цунами,
Счастливей папы просто в мире нет.
Надеюсь — буду я тобой гордиться:
И радоваться нраву и уму —
Мой человечек и моя частица,
Дай, Боже, счастья сыну моему.

Припев.

Пою!

Здесь могучий Кавказ присел отдохнуть,
Опустив свои ноги в Каспий седой.
Здесь и я, мальчуган, бегал к морю босой,
Восхищаюсь тобою, мой город родной.
И о чувствах своих петь я не устаю,
Ты прекрасен мой город, тебе я пою.
Пою! Пою!

Улыбаясь, отец на гармонии играл,
В сердце с музыкой жить сыновей наставлял,

И восторгами сил придавала нам мать,
Мы стремились надежды родных оправдать.
В сердце с музыкой жить я не перестаю,
В благодарность отцу эту песню пою.
Пою! Пою!

Пусть на этой земле я сейчас не живу,
Но, как близких друзей, край родимый люблю.
Километры лозы, буйный нрав горных рек,
Красота этих мест в моем сердце навек.
И об этой земле петь я не устаю,
Ты прекрасен, мой край, о тебе я пою.
Пою! Пою!

Здесь могучий Кавказ присел отдохнуть,
Опустив свои ноги в Каспий седой.

Пальцы барабанщика

Барабанщик, как танцор лезгинки,
Строем пальцев обозначив круг,
Захрустит кистями для разминки
И глазами засверкает вдруг.
Как проворно двигаются пальцы,
Щелкают и бьют, рождая звук,
Будто в диком искрометном танце
Пламень изливается из рук.

Припев:

Барабан, барабань, барабанщик, барабань,
От души сердца стук раззадорь и раздербань,

Пылкость страсти моей в вихре танца обнажи,
Ну, зажги, дорогой! Ты же можешь, покажи!

В медленном дыму шипят мангалы —
Седла и каре бараньих туш.
Пальцы музыканта, как запалы,
Будоражат нрав горячих душ.

Повтор припева

Семейный праздник

Прекрасный день, воскресный день,
Семейный праздник, выходные,
Отцовский двор, деревьев тень,
Съезжаются мои родные.
Уже готовится еда,
Костер на углях догорает,
И деловито, как всегда,
Мой брат мангалом управляет.

Припев:

Ах, этот запах шашлыка,
Букет любви, кусочек счастья!..
В дыму мангала я пока
Забуду все свои ненастья.
И за торжественным столом,
Произнося благодаренья,
Мы от души едим и пьем,
Вкушаем радость единения.

И то, что рядом вся семья,
И то, что рядом ты, родная,
Кайфую от восторга я —
Блаженства большего не знаю.
И после этих теплых встреч
Намного легче понедельник,
Желаю всем семью беречь —
Ее ничто нам не заменит.

Припев.

Тяпница!¹

Мы целую неделю
Из кожи лезли прочь,
Наклонности к безделью
Пытаясь превозмочь.
По ходу дали плана
И прибыль принесли,
Теперь в угаре пьяном
Нам душу б отвести!

Припев 1-й:

Пятница! Какая долгая неделя!
Тяпница! Окно веселья в беспределе!
Пятница! Друзья, сведем бокалы вместе! —
Тяпница! За то, чтоб жилось интересней!

Тяжелый понедельник,
Рабочая среда,

¹ Тяпница — это анаграмма слова «пятница». Путем перестановки букв получается слово, отражающее характер последнего дня рабочей недели.

Четверг перетерпели,
Осталась ерунда.
Пришел конец недели,
Мы выбились из сил,
Но всё преодолели,
В бар едем на такси!

Припев 2-й:

Пятница! — Тяпница!
Пятница! — Тяпница!
Пятница! — Тяпница!
Пятница! — Тяпница!

И пятница прекрасна,
И выходные дни.
Мы отдыхали классно
От зорьки до зари.
Играючи пропащем
Четырехдневный гнет,
И вновь с ажиотажем
К нам пятница придет!

Припев 1-й.

Родная даль

Прошло немало лет, но взор мой опечален,
Как вспомню дом родной, где не был так давно,
Где дух весны в горах и в море гомон чаек,
А в летнем клубе вновь индийское кино.

Припев:

Родная даль, родная даль —
Там, где и воздух слаще меда,
Родная даль, родная даль,
Любая здесь мила погода.
Как чувство матери, светла,
Привносит толику тепла
В мою печаль
Родная даль.

Неторопливою тоскою ностальгия
Накроет вдруг, как предзакатная вуаль,
Неизлечимая, присутствует незримо
И устремляет душу в даль — родную даль.

Припев.

Не забуду

Не забуду, не забуду,
Память возвращает снова,
В этот город, в эту сказку,
К берегу родного моря.

Не забуду, не забуду
Шум восточного базара,
В тихом переулке где-то
Звук расстроенной гитары.

Не забуду, не забуду,
Грусти шлейф в часы заката,

Как свои дома, квартиры
Оставляли безвозвратно.

Припев:

Если б я мог знать,
Что могу летать,
Над седой волной,
В прошлом белой чайкой стать.
Может, я призвал
Временной канал,
Сплю ли — наяву,
Не пойму.

Не забуду, не забуду
Виноградников просторы
И присевшие у моря
Как на годекане горы.

Не забуду, не забуду,
Одноклассниц, дискотеку,
Как курили в туалете,
И тайком играли в *секу*¹.

Не забуду, не забуду
Игры детские и драку,
У костра в ночи рыбалку
И дворовую собаку.

¹ Сека — карточная игра, известная в СССР и странах, образовавшихся после его распада. У этой игры есть вариации названий и разновидности: сикка, сичка, стрекоза, тринка, трынка, дрынка, три листа, два листа и другие.

Повтор припева

Не забуду, не забуду,
Память возвращает снова,
В этот город, в эту сказку.
К берегу родного моря.

Цветочек от любимой

Ты знаешь, милая, что греет в холода,
Отодвигает от меня ненастье,
Что теплой искоркой в душе моей всегда
И звездочкою утренней на счастье,
Волшебной сказкой растворяется в душе,
Льет музыкой закатов и рассветов,
И отчего я так пою на кураже? —
От этих упоительных приветов.

Припев (2 раза):

Поцелуй — цветочек от любимой,
Поцелуй, мне счастье подари,
Поцелуй, мне так необходим он,
Чтоб радоваться жизни и любви.

Ты знаешь, милая, как счастлив я теперь,
Что ты идешь со мной по жизни рядом,
Придя домой с работы, открывая дверь,
Я с ангела встречаюсь нежным взглядом.

Припев (2 раза).

Духделе¹

Гуш дорит и мягкий мере,
Веджейстеки э йор омо —
Дуразепойе духделе
Э гьир-гьирьо муйорово.

Ду хаспуше аиль бирейм
Куфде э тирачураво,
Дуразепойе духделе
Э гьир-гьирьо муйорово.

Рэхьсехтегорум эз школе
Э келе партафилево,
Дуразепойе духделе
Э гьир-гьирьо муйорово.

Гьаси бири э джоили,
Гьер руз Худо э гьагьрирово,
Дуразепойе духделе
Э гьир-гьирьо муйорово.

Мяхтельум, сере гуз гуьрде
Эз зир хупа э мерово,
Дуразепойе духделе
Э гьир-гьирьо муйорово.

Деслей ту вокош, соворле,
Рач ведже э беберово,
Дуразепойе духделе
Э гьир-гьирьо муйорово.

¹ Духделе — девочка (текст песни на языке джуури).

Гузет сохде шекердеки,
Емишь э гъенфидорово
Биёит хуним э еки,
МягІни э хандеирово:

Дуразепойе духделе
Э гъир-гъирьо муйорово,
Дуразепойе духделе
Э гъир-гъирьо муйорово.

Зен жугьур¹

Эз коми мисвое кор ме
Борохо дори Худо,
Овурди пушо чумой ме,
Дуъл мере э дес туь до.
Имогьой думьид сохденум:
«Ме туьсуз чуйтам зигьисдем?»
Зу эз кор вадарафденум
Эй севгил мере дире.

Жуьфт, жуьфт, жуьфт журуб,
Ме не туь е жуьфт журуб,
Жуьфт, жуьфт, жуьфт журуб,
Иму эеки е жуьфт журуб (дубо).

Зен суьрхи, гуьзеле зен ме,
Ведже, ведже жун-жигер,
Э пушой ме вежесденге,
Дениш — чуьн ашугь бирем.
Мозоллуь сохдей туь мере,

¹ Зен жугьур — женщина-еврейка (текст песни на языке джуури).

Дуьлшори, Худо шуькуьр,
Гьеммише кифлет хуштере
Хуб гуьрдени зен жугьур.

Жуьфт, жуьфт, жуьфт журуб,
Ме не туь е жуьфт журуб,
Жуьфт, жуьфт, жуьфт журуб,
Иму эеки е жуьфт журуб (дуьбо).

Душпере¹

Эз фуьржи денишире
Душпере эй душире,
Хурдегоришь чумерях
Гиснеи эз сер сабах,
Гиснеи эз сер сабах.

Душире, бала, душпере,
Хушбуйле пар-пар зере,
Габурга едей сухте,
Хурдогор гузет сохте.

Гучки-гучкине-гучки,
Ду энгюшт э сер еки,
Куфтегушт э гад хами
Бофдит деслеой сюрхи.
Герме-герме душпере,
Пагь-пагьи лезет бире,
Ловоо сухте-сухте,
Дуль, шугьам шори сохте.

¹ Душпере — пельмени (текст песни на языке джуури).

Сир-сюрке, турщи ненге
Деки чу войстениге,
Пуришь сохим пейлео,
Хурим, вешеним, айлё,
Хурим, вешеним, айлё.

Душире, бала, душпере,
Кини ге «кюрзе гуре»,
Эйме лезетлю нумле
Душере, бала, душпере.

Гучки-гучкине-гучки,
Ду энгюшт э сер еки,
Куфтегушт э гад хаами
Бофдит деслеой сюрхи.
Герме-герме душпере,
Пагъ-пагъи лезет бире,
Ловоо сухте-сухте,
Дуль, шугам шори сохте.

Дespoкy-пейлепоку,
Герми — пенджере воку,
Сирои бирейм амбар,
Кейф сохим бирор-хаар,
Кейф сохим бирор-хаар.

Душире, бала, душпере,
Чемдбо ме хур — кем бире,
Е достигеш мухурим
И мягнире мухуним,
И мягнире мухуним.

Улицы старого Дербента. 1955–1960 гг.

Посвящения

Наказ

*Памяти моих предков,
уроженцев селения Карчаг,
Рахмила и Лиё, их сыновей
Пенуила и Гъомила*

На исходе запрошлого века
На завалинке в горном селе
Три родных для меня человека
Светом музыки тянут к себе.
Мой прапрадед слагает мугамы,
(*Мейхана*¹ его ходит в народ),
Пишет скетчи в стихах, эпиграммы,
На досуге сельчанам поет.

Как затынет, орлом восседая,
Вдохновенно закрывши глаза,
Про красоты родимого края,
О любви, без которой нельзя,
Об изгнаннике — гордом абреке,
О потерянной юной судьбе, —
Всём, что ценно в любом человеке:
Вере, дружбе, добре и труде.

Он без знания нот пел прекрасно,
*Сазом*² чудно владел, кеманчой,

¹ Мейхана (от *перс.* мейхане — таверна, паб) — самобытная азербайджанская литературная и народная рэп-традиция, состоящая из песни без сопровождения, исполняемой одним или несколькими людьми, импровизирующими на определенную тему. Мейхана отличается от устной поэзии тем, что она исполняется в такт ритму.

² Саз (в переводе с *перс.* — «инструмент») — музыкальный инструмент наподобие лютни. Распространён в Азербайджане, Арме-

Приобщал всех своих домочадцев
Ноты нужные слышать душой.
Музицировать все научились,
Вместе с младшеньким — чудный квартет,
Грациозно и четко строчили
Прапрабабушки пальцы о *дефт*¹.

Менестрелей своих вдохновляет
Ярко-красным закатом Кавказ,
Кеманча стоном душу терзает,
Прямо просятся слезы из глаз.
*Балабан*² пригласит в плясовую,
Пробуждая веселие вдруг,
Четверых мужиков затанцует
Прапрабабушка вышедши в круг.

Между танцев несут угощенья
Гости к знавшему виды столу,
Кто *пени*³ принесет, кто соленья,
Свежий хлеб, испеченный в *тону*⁴.

нии, Афганистане, Иране, Турции и в других странах Востока, также у курдов, татар и башкир. Является типичным музыкальным инструментом ашугов Азербайджана и Армении.

¹ Дефт — персидский ударный музыкальный инструмент наподобие бубна, используемый как в популярной, так и классической музыке Ирана, Ирака, Сирии, Турции, Азербайджана, Таджикистана и других стран Ближнего Востока.

² Балабан — азербайджанский и иранский духовой музыкальный инструмент с двойной тростью. В Армении он называется «дудук», в Грузии — «дудуки», в Дагестане — «ясти балабан».

³ Пени (*джуури*) — свежий невыдержанный сыр, приготовленный из коровьего молока. На армянском языке — «панир», азербайджанском — «пендир», турецком и туркменском — «пейнир» — все производные от персидского (древнеиранского) слова — «панир».

⁴ Тону — традиционная печь-жаровня у горских евреев и других народов Кавказа. Печь растапливают древесиной, тесто накидывают

Ходит винная *четверть*¹ по кругу,
Желтый сахар растащен детьми,
Самовар закипает у плуга.
Чаю хочешь? — Налей и возьми.

В ранних сумерках — хохот и шутки
И беседы о буднях села,
Кто-то, чиркнув, блеснет самокруткой,
Кто поможет убрать со стола.
Темнота по домам всех разводит,
Чтоб не жгли ни костра, ни свечей,
Завтра с ранней зари на работе,
Будь кумык ты, лезгин иль еврей.

Изменились и нравы, и время,
Больше века прошло с той поры,
Их уж нет, но родимое племя
Постигать продолжает миры.
Мой наказ в этом скромном творенье —
Не терять свою кровную нить,
Чтоб потомок в шестом поколении
Мог бы память о предках хранить.

прямо на внутренние стенки печи из обожженной глины, по готовности лепешки или иные изделия из теста снимают, легко отлепляя их от стенок.

¹ Четверть — стеклянная бутыл с узким горлом. Как мера объема жидкостей четверть равнялась $\frac{1}{4}$ ведра. Известна с XVI—XVII веков. В 1885 году объем четверти определялся как 3,0748 литра. Использовалась при продаже главным образом винно-водочной продукции и делилась на 5 водочных или 4 винных бутылки.

Маме

Спасибо Господу, что есть на свете ты,
Что опекаешь, хоть порою зря.
Среди привычной жизни суеты
Ты луч тепла и света для меня.

Мне до тебя — по небу тыщи верст,
Но неразрывна между нами нить,
Корю себя, что бесконечно черств,
Когда тебе забуду позвонить.

Фото 6. *Рая Исаевна Рахмилова. 1969 год*

Пушистый снег витает за окном,
А за твоим — несносная жара,
Смотрю я вдаль, и на душе тепло —
Ты будто рядом, как всегда, добра.

Вновь не удержишь вырвавшихся слез,
Когда к тебе я в гости прилечу —
В край бугенвиллий из страны берез,
А я, чтоб радовалась ты, хочу.

Я не помню

Мама, я не помню глаз твоих —
Тех, еще молоденькой девчонки:
Ангел среди веревок бельевых —
Чепчики, пеленки, распашонки.

Мама, я не помню рук твоих —
Тех, еще девичьи угловатых,
Что под колыбельную иль стих
Ночь качали край моей кровати.

Мама, я твоих не помню слез,
Смахивала что у изголовья:
Думала ль в отцовском доме грез
Мужа разделять с вдовой-свекровью?

Помню только мягкий теплый свет,
Души, связанные пуповиной —
Я с тобой в неведении бед
Счастлив, гармоничен и невинен.

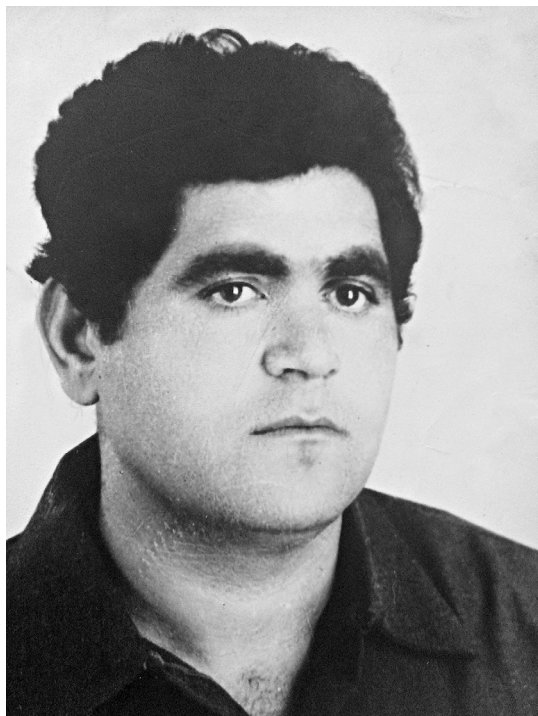

Фото 7. *Исай Гемрилович Рахмилов.*
1968 год

Папе

Здоровья не прибавится с годами,
Но не ослабить теплоту сердец,
Болезни тяготят, зато ты с нами,
Живи сто двадцать лет, прошу, отец.

Я верю: сил пока еще в достатке,
Немало долгожителей в роду,
Ты храбрый, волевой, спокойный, хваткий —
Родной, любимый, слов я не найду.

Мы знаем: ты без устали трудился,
Чтоб обеспечить всем свою семью,
Хоть изредка по делу ты сердился,
Улыбку вспоминаем мы твою.

Подбрасывал, как перышко, на плечи,
Когда с детсада забирал домой,
И песню, не блистая красноречием,
По просьбе пел родных со всей душой.

Ты сделал для людей добра немало:
Десяткам тысяч был дарован свет.
Для нас теперь сияй, гони усталость,
Живи счастливым много ярких лет.

Ах, папа, будь немного осторожней,
Спокойней будь, ведь ты же аксакал,
Здороваться не привставая можно,
Расслабься — ты достаточно пахал.

Здоровья не прибавится с годами,
Но не ослабить теплоту сердец,
Болезни тяготят, зато ты с нами,
Живи сто двадцать лет, прошу, отец.

Сестре

Есть то, что составляет жизни счастье —
Родные, увлечения и дом,
Что греет нас, светя среди ненастья,
Искрящимся особенным теплом.
Сестра моя, сестреночка родная,

Фото 8. *Марина Исаевна Абрамова. 2014 год*

Минует пусть тебя любой недуг,
Что б ни было, я точно это знаю:
Ты здесь моя семья и близкий друг.

Мне вспомнились Мещеры, Столбовая,
Ты постигала быт, ученья свет,
Иным подругам спуску не давая.
Дремучим тем местам большой привет!
Сестра моя, сестреночка родная,

Вдали от дома, как ты здесь жила?
В бараках деревянных обитая,
Для всех оплотом скромности была.

Две доченьки, прекрасней нет на свете,
Гостеприимный, хлебосольный дом,
Заботливый супруг за всё в ответе —
За безопасность и здоровье в нем.
Сестра моя, сестреночка родная,
Ты дверь на семь замков не закрывай,
Быть может, между дел, не извещая,
Я попросту зайду на каравай.

Прости, что обижал тебя когда-то —
За это мне еще держать ответ,
Какая б там ни подбиралась дата,
Ты для меня девчушка в десять лет.
Сестра моя, сестреночка родная,
Мне не вернуть тебе всей теплоты,
Что даришь ты, порой не замечая.
Пусть сбудутся, сестра, твои мечты!

Младшей сестре

Судьба распоряжается людьми:
С кем-то помягче, с кем-то очень строго.
Любовью избалованы одни,
Другим достаточно тепла немного.
И этот стих — ничтожная искра
Любви и нежности к тебе, сестра.

Когда ты младшая в большой семье,
То участь быть покорной, молчаливой
Как будто предначертана тебе
И может ли считаться справедливой?
И всякий над тобой имеет власть:
Быть младшею — наверное, напасть.

Прости ты брата своего, сестра,
За невнимание к тебе с пеленок.
Ты, как всегда, участлива, добра,
Щедра, нежна, хоть и не тот ребенок.
Не вспомню, чтоб дарил тебе цветов.
Ах, как же жутко, что твой брат таков!

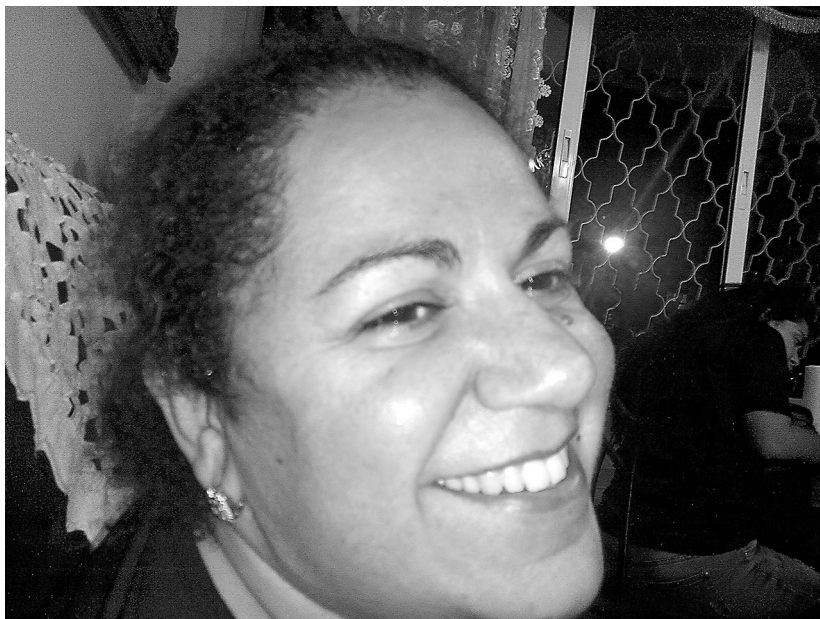

Фото 9. Зоя Исаевна Амсалем. 2016 год

**Фото 10. 3 «А» класс средней школы № 19 г. Дербента.
1976 год**

Мы встретимся снова

Поплачемся, глядя друг другу в глаза,
Мои дорогие сестренки и братья.
Как жаль, что вернуться в ту пору нельзя,
Где мысли чисты и невинны объятья!..

На памяти утро. Июньский рассвет.
Там, где-то за маревом, солнце увязло.
Здесь многие лица, кого уже нет...
Рассказы о шутках и школьных проказах.

И вот, наконец обманув горизонт,
Как будто подпрыгнув над дымкой отважно,

Край солнца собой обозначил восход
И час расставания каждого с каждым.

Девчонки, ребята — 10 «А» класс,
Уже 35, как окончена школа,
Дела и заботы опутали нас,
Но время настало, мы встретимся снова.

Хотя нам немножечко больше полста,
Потрепаны чуть и немного громоздки,
Не спрятать морщин и не скрыть живота —
Для нас же самих мы все те же подростки.

Уже пережившим и тяжесть утрат,
И годы трудов, испытаний и стрессов,
Хочу одноклассникам я пожелать
Здоровья, достатка, любви, интересов.

Фото 11. 10 «А» класс. 35-летие окончания школы. 2018 год

Поплачемся, глядя друг другу в глаза,
Мои дорогие сестренки и братья.
Как жаль, что вернуться в ту пору нельзя,
Где мысли чисты и невинны объятья!..

Изамудину

«Изамудин! — зовет тебя отец. —
Неси дневник, посмотрим, что там в школе».
На этот случай ты не ждешь чудес —
Отец всегда бывает недоволен.

Фото 12. Изамудин Габибов. 2017 год

Домой и в школу — мы всегда вдвоем,
И вот в испуге правим «Единицу»,
Легко представить, как был удивлен
Отец, увидев запись «Четверница».

Когда отбросил галстук пионер,
Тестостерон зашкаливал не в шутку,
Спешил под воду, чтобы скрыть *мохер*¹,
Вприсядку ты на пляже, как мишутка.

Богинями, что между звезд парят,
Тебе три одноклассницы казались,
Но лишь одну — хозяйку грез Саят
Боготворил, и все об этом знали.

Смотрю виньетку — мой родимый класс,
Совсем немного изменились лица;
Пенсионер, но черточки у глаз
Нас побуждают жить и веселиться.

Пусть скажет кто-то: «Он не Аладдин!»
Отвечу я, что ты неповторимый:
«Габибов — означает из любимых,
Ты самый лучший друг, Изамудин!»

Два близких друга детства у меня —
Один ушел, остался только ты —
Прошу не спейся, планки не роняй,
Не унывай и сбудутся мечты.

¹ Мохер (*араб.*) — пряжа из шерсти ангорской козы.

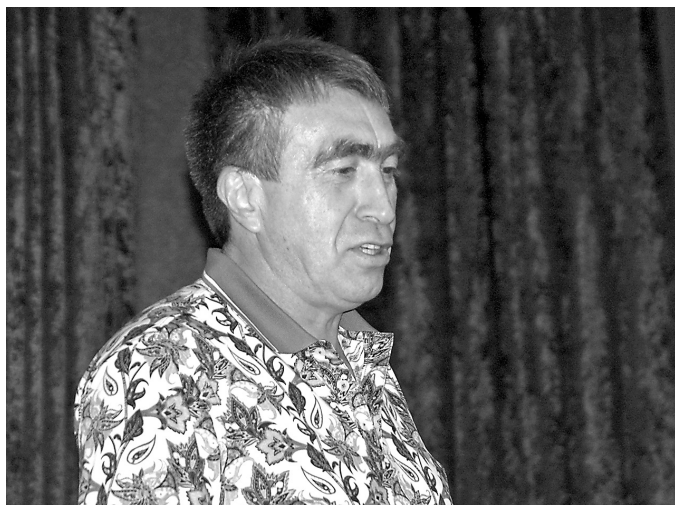

Фото 13. Мурад Абдусаламов. 2018 год

Мураду

В одной из значимых профессий
И Архимед он, и Сократ,
Как собеседник — интересный,
Мой давний друг — *стха*¹ Мурад.

Он Фигаро! Его бросает —
Бригады в разных городах:
Намедни в *Нижнем*² пропадает,
Сегодня ждет его *Курах*³.

Он не аскет, но и не нувориш,
Дадите небольшой бюджет,

¹ Стха — брат (*перевод с лезгинского*).

² Нижний — город Нижний Новгород.

³ Курах — село в Дагестане.

Построит вам хоть дом под крышей,
Хоть золоченый туалет.

Шестой десяток человеку,
Но вентиль он не перекрыл,
Господь, пошаркав по сусекам,
Ему дочурку подарил.

Пускай при нем пребудет радость
Детей растить и в счастье жить,
Останется одна лишь слабость —
С друзьями есть, гулять и пить!

Назиму

Когда сидишь ты во главе стола,
На время отдыха сложивши крылья,
Глаза твои не хищного орла,
А твердого гонителя унынья.

Гостеприимный дружеский прием,
Тепло, уютно, пусть и день холодный,
Смеемся, говорим, едим и пьем,
Как в детстве веселы и беззаботны.

Кружат минутных стрелок бегуны,
Уже за полночь, съедена корейка,
И «ханский¹», и хинкал поглощены,
А жжет и жжет веселья батарейка.

¹ «Ханский» — имеется в виду «Хан-плов» или «Шах-плов» — роскошное блюдо азербайджанской кухни, популярное на празднествах не только в Азербайджане, но и в Дагестане, и по всей России. Плов запекается в тонких листах лаваша, помимо риса и мяса, он содержит сухофрукты — изюм, курагу, сушеную алычу, а также каштаны и шафран.

Когда, засобиравшийся домой,
Взлечу я ввысь для рекогносцировки,
Увижу рядом силуэт твой легкий,
Парящий над заснеженной Москвой.

Фото 14. Назим Велиханов. 2018 год

Спиной к арене

*Однокласснице Марине Шалумовой —
стюарду¹ на спортивных состязаниях*

Снова я стою спиной к арене,
Рядом нет ни близких, ни друзей,
Как артистка на огромной сцене,
На виду у тысячи людей.

Люди беззаботно отдыхают,
Ржут, режут, отчаянно кричат,
Уши постепенно привыкают
Слышать ругань и отборный мат.

Утомляют возгласы, кричалки,
Большинство их знаю наизусть.
Главное, чтоб не случались драки,
В остальном — что ж, порезвятся пусть.

Очень поздно подхожу я к дому.
Наспех чем-нибудь перекусив,
Завтрашнему рада выходному,
Сплю, над миром бранным воспарив.

¹ Стюард (*англ.* steward) — сотрудник, который ассистирует организаторам массовых мероприятий. В его обязанности входит контроль за соблюдением порядка на стадионе и безопасности зрителей.

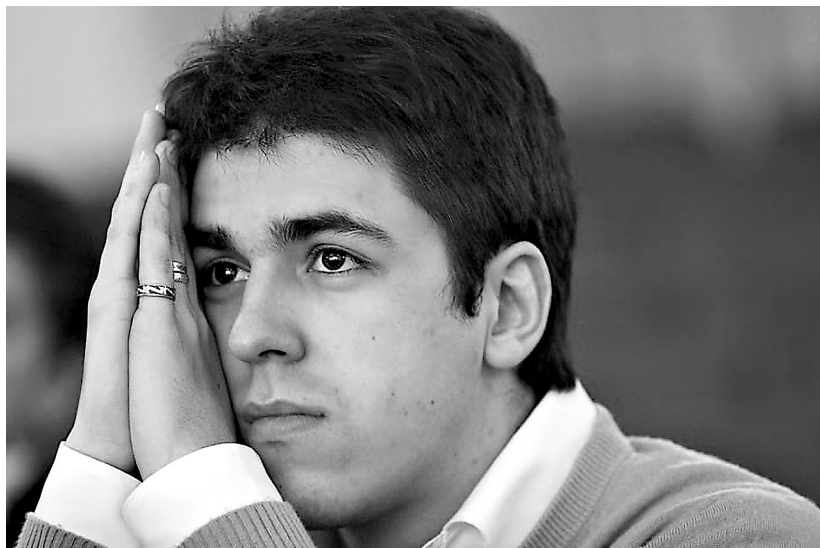

Фото 15. *Юрий Сергеевич Компанец. 2014 год*

Музыканту

Ты победил и как же был прекрасен —
Порвал и покориł достойный зал,
Себе и всем ты твердо доказал,
Что этот жизни выбор не напрасен.

Тобой, кто у штурвала воплощенья,
Горжусь, поскольку коротко знаком,
И, музыкой захвачен целиком,
Невольно прослежусь от восхищенья.

Мне нравится финал — все в черном франты,
Аплодисменты долго не унять —
Победы гимн, такое не отнять...
Спасибо, друг, и браво, музыканты!

Фото 16. *Октай Гусейнов на рабочем месте 2024 год*

Октаю

И ум и рассудительность и честь —
Все то, что с уваженьем принимаю.
Немного похвалы, к чему тут лесть —
От сердца чистого мой стих Октаю.

В твоей крови времен дербентских след —
Упадка ли, времен ли благоденствия;
На страже крепости стоял твой дед,
В отце — дух и костяк интеллигенства.

Ты мог бы стать баловнем судьбы,
Средь тех, кому ни в чем не будет сложно,
И если было б так, не знали б мы,
Какой простой ты, добрый и надежный.

Я знаю, ты на многое мастак,
Люблю людей с обилием интересов,
Будь то рыбалка или же «Спартак» —
Чем больше их, тем меньше зла и стрессов.

Как мне понятно счастье рыбака,
Но рыбой ли зовет и манит море —
С природой и собой побыть чутка,
Поразмышлять у линии прибоя.

Про руки — то отдельный разговор,
Не руки, а мистические длани.
За час людей накормишь целый двор,
Спасешь трех пациентов от страданий.

Цыпленок вновь парит в твоих руках,
Благодаря за таки и обхождение.
Твоей стряпне добавит вкус «пяхь-пяхь!»,
Язык проглотитшь вмиг от наслаждения.

Я благодарен Богу, что ты есть,
Присутствие твое для сердца радость,
Быть одноклассником удача, честь,
А другом быть — немалая награда.

Ты не более и береги мотор,
В себе подолгу впредь не замыкайся,
Жена, работа, дети — наслаждайся,
Вновь прояви комсоровский задор.

Фото 17. Владимир Тарасов с супругой Ольгой. 2024 год

Владимиру Тарасову

Владимиру сегодня сорок два,
По временам текущим — лишь разбег,
Всем тем, кто знает иль знаком едва,
Мой сказ о том, какой он человек.

В нем прячется терпенье, удаль, мощь,
Не делает он что-то сгоряча,
Разлад легко поможет превозмочь,
Качнув спортивной линией плеча.

Донской казак характером и статью —
В веках не канет доблестная кровь,
И степи дух, и дедушка Аркадий
Верхом на лошади под стук подков.

Три крестника и крестница, два сына —
Любимый муж, заботливый отец,
И как товарищ, друг — неоценимый,
В компании — так просто молодец.

Немало шовинизма под сурдинку
Он наблюдал с теченьем многих лет,
Но земляков, торгующих на рынке,
Он не забудет поддерживать: «Рахмет!»

Он помнит и друзей американцев,
С которыми не прочь again to talk,
Обнять через года, презрев пространство —
И будет так, всего лишь дайте срок.

Общественник с терпением и тактом —
С полицией язык находит он,
Благодаря харизме и контактам,
Чтоб было легче тем, кто заключен.

И чтоб не выглядело все слащаво -
Добавлю: он не идеал. Отнюдь.
Поесть он любит — та еще забава,
Но борется он с этим по чуть-чуть.

С днем появления на свет, Володя!
Пусть ангелы хранят твою семью!
Самим собой быть у тебя выходит,
За это уважаю и люблю!

Боль

Памяти друга

*Боль оттого, что многое не сделать,
И оттого, что так хотелось жить.
Не изнуряет собственное тело...
Я и оттуда буду вас любить!*

Я плачу, вспоминая о тебе,
Мой лучший друг, мой добрый брат,
Мне не прийти к тебе, не прилететь,
Не повернуть, не сдвинуть время вспять.

Не вспомнить наши детские мечты,
В ночное небо вместе не смотреть,
Привычно над собой не пошутить,
И за столом одним не посидеть.

Супруга, дети и любимый дом,
Всё то, чем жил, все те, кого любил
Остались без тебя... Пусть в мире том
Ты будешь горд цветами, что взрастил.

Я плачу, вспоминая о тебе,
О нашей дружбе сорок лет подряд,
«Покойся с миром, — я шепчу в мольбе, —
Мой лучший друг, мой добрый брат!»

23 сентября

Памяти друга

Ты был прекрасен — без дерьма и смуты,
С понятною душевной красотой,
Откуда-то взвалившиеся путы
Нешадно разлучили нас с тобой.

Меня — с тобой, тебя — с женой любимой,
С работой, домом, жизни суетой,
Ты был надежным другом, братец мой,
Хорошим семьянином и мужчиной.

Фото 18. Студенческое застолье: автор (второй слева), Беньягу Ашуров — друг автора (справа), Инна Романова — будущая супруга автора (посередине). 1987 год

Ушел ли ты? — Остался будто в сыне,
Восторженно ловлю твои черты.
Так хочется в сердцах окликнуть: «Биня!»
Но это сын прекрасный твой — не ты.

Похожи взгляд, и волосы, и брови,
Тебя таким же помню молодым:
Характера, мужского духа, воли,
Ума не занимать и красоты.

Тебя, мой друг, мне очень не хватает.
Пусть тесно не общались много лет,
Мы рядом были, ты об этом знаешь —
Для дружбы расстояний, сроков нет.

Мы жили рядом — на Морской, Советской,
В общежитии, в комнатухе уютной,
Не помню, чтоб с колготочного детства
Поссориться случалось хоть на час.

О разном или об одном мечтали:
Окончить школу, полететь в Москву —
Как сложится, не думали, не знали,
Встречая ниткой серебра луну.

Два паренька, сидящие у моря,
Не наглядимся небом над собой.
Покрышки догорают тихим воем,
Уж за полночь давно, шумит прибой.

Я вспомнил снасти, спутанные лески —
Нам не распутать их, не размотать;
Вот и теперь уже ничем чудесным
Ту радость встреч нельзя вернуть опять.

В бездушной власти своего недуга,
Что жизнями людей привык вертеть,
Ты твердо верил, без нытья, испуга —
Удастся эту немощь одолеть.

Твой день рожденья, хочется напиться...
Сегодня двадцать третье сентября.
Покойся с миром, друг — так говорится.
Немного прожил ты, но жил не зря.

Памяти Вячеслава Галкина

Случается, когда всё против,
Всё вопреки, наперекор.
Удачливой быть разохотив
Судьбу, себе шьешь приговор.

Как будто разом наikipело,
Культ обожания иссяк,
Кумира жгут остервенело
Напалмом сплетен, кляуз, дрызг.

В бессилье из себя выходишь,
Затмение, мыслей кавардак,
В работе счастья не находишь,
И в жизни, в общем, всё не так.

Несчастливым быть — не оправданье,
Нам не понять чужой тоски:
Труды, награды и признание
К чему, когда всё вопреки.

Не вынес полосы препятствий,
Всё прямо в душу восприняв,
Сгорел в упорном самоедстве,
У нас у всех себя отняв.

Памяти Евгения Леонова

Прекрасный драматический актер,
Прославившийся в жанре комедийном.
Лицо с хитринкою и теплый взор
Дарили обаяние без грима.

Талант и самобытная игра,
Ярки, без исключения, все роли,
И в «Белорусском...», рвущем из нутра,
И Коли, приживалы из «Афони».

Забыть такие образы нельзя,
Сыграть еще искуснее тем паче:
Чатланин Уэф в картине «Кин-дза-дза!»,
Доцент-редиска, джентльмен удачи.

Я рад, что посчастливилось успеть
Пожить в эпоху мастера немного,
И о Марусеньке в застольях петь,
Что белые у речки мыла ноги.

В тот зимний вечер, в свой последний час,
Спеша на «Поминальную молитву»,
Он улетел, тепло оставив в нас,
К себе на марсианскую орбиту.

Памяти Зинаиды Исаковны

Снова травы взойдут,
 опьяняя дурманом весны,
Испаряясь, их дух вознесут серебристые росы,
Твои мысли, мой мальчик, не будут,
 как прежде, грустны,
Боль, быть может, приглушит *Кадиш*¹
 сиротливоголосый.

Над кладбищенским камнем
 твое от чего-то: «Прости!»
Ты и сам из-за общих утрат —
 из весны сразу в осень,
Век живи, мой сынок,
 и прошу тебя жди и дождись
Ту любовь, что согреет губами
 волос твоих проседь.

Если тяжело и мучительно станет тебе —
 приглядишь
Не в семейные фото,
 а в звездного неба кусочек,
Пусть и серой гуашью
 сакральная смазана высь,
В сарафане простом я смотрю на тебя,
 мой сыночек.

¹ Кадиш — одна из самых известных еврейских молитв, которую произносят только в присутствии как минимум десяти молящихся евреев. Ее смысл заключается в прославлении Бога, Его могущества, признании справедливости Его дел. Обычно произносят после изучения Торы. Близкий родственник умершего обязан читать кадиш в течение 11 месяцев после смерти, а также в годовщину его смерти.

Ищет близких во всполохах грусти
сыновья печаль,
Много жизни и радости было
в безоблачном «прежде».
Я хочу, чтоб родник полной жизнью
в тебе зажурчал,
И царили в душе ежечасно
любовь и надежда.

Прощай

*Светлой памяти бабушки
Истир Рахамимовны Рахмиловой*

Фото 19. *Истир Рахамимовна Рахмилова. 2011 год*

Бабуля, милая, я здесь с тобой,
Все хорошо должно быть — будет так,
Но, зная больше нас, само собой,
Надежды не суля, врачи молчат.

Врачи молчат; но ведь движенья рук,
Не просто так сошедшая слеза...
Не разделить, увы, твоих мне мук,
Седоволосая моя краса.

«Она не встанет, — скажет кто-то вслух, —
Всё точно так, как с тещею моей».
Ровней дыхание и сердца стук,
Нам больше б веры, а удачи — ей.

Пост безысходности — твоя кровать,
Приборы выключены, не пищат,
Врачи молчат, им нечего сказать,
И ты не скажешь ничего... прощай.

Содержание

<i>Радость творчества (от автора)</i>	5
ИСТОКИ	11
Мой город Дербент	13
Где б я ни был	15
Мой дед остался молодым	16
Дербент родной	19
Мое село	20
Счастливый человек	21
Старый виноградник	22
Лезгинка	23
Братишка	24
В доме предков	26
Горцы на чужбине	28
По Сальмана	28
Змея	29
Игрушечная история	30
Мамины руки	31
Мугам	32
Когда-то	33
Беэр-Шева	34
Не бойся, сынок	35
Маршрут домой	36
На торжестве	37
Новый год	38
Отчий дом	40

Турнир по нардам	41
Спускаюсь с горного селения	44
Послание	45
Флажочек чувств	47
Три орленка	47
Шалахо	48
У Стены Плача	49
Пропустил школу	53
Шалом, бирор!	53
Джужьгурьгойим иму	54
Деде	56
О, ЖЕНЩИНЫ!	57
Горяночка	59
О, женщины!	59
Какой же олух!	60
В поле ромашковом	61
Желанная	62
И расставание не значит ничего	62
Девчонка	63
Нежный сон	64
Не предала, не клялась, не любила	64
Лет нам осталось	65
Только не весна	65
Нас разлучила нелюбовь	66
Ты мой ангел	67
Поллюбить	68
Месяц и облако	68

Не зажглось	69
Покой	70
Причуда	70
Сынок	71
Давно не виделись	71
Любовь не проходит	72
Комета	73
Хрусталь любви	73
Разные	74
Поддался искушению	74
Пора любви	75
Одуванчик	75
Поиграем	76
Совет подруги	77
Женщина грез	77
Мечта	78
Пазл	79
Алёнка	79
Прячу душу	80
Это было	80
Наваждение	81
Химия	81
Капает дождик	82
Светлый сон	82
Будильник	83
Большая Медведица	84
Нравишься!	85

Мужские слезы	86
Цветение персика	86
Объяснюсь	87
Любил ли?	87
Большая девочка	88
Ты станешь ангелом моим?	89
Посмотришь ли?	89
Свет	90
Ты обиделась	90
Я хороню свою любовь	91
Да ну их	91
Глаза в глаза	92
Смуглянка	93
Везет	94
В загсе — развод	95
Егоза	95
Три девушки	96
Я с тобой	97
Планета	97
Сердце	98
Зову	98
Черненькое платье	99
По белому снегу	99
Дай только шанс	100
Не богиня ли ты...	101
Моя Кармен	101
Останься до утра	102

Провожала	103
Прости. Прощай	103
Во фьордах	105
Ты на губах	106
Одноклассница	107
Отчего мне так больно...	108
Разлукой измеряется любовь	108
Ты изменил	109
Забыть	110
Переезжала ты, переезжала	110
Танец	111
Павлин и кукушка	112
Муха и цветок	114
Небесный фонарик	114
Утро понедельника	115
Градус	116
Мне дорог блеск твоих улыбок	117
Мотыльки	118
Иное, не любовь	119
Если б знали вы	119
Бездушная	120
Апрель	121
Курортный роман	121
В моем саду	122
В полете	122
Весенние ручьи	123
Блюз	124

Русалка	124
Скажи, Аркадий	126
Мужская страсть	127
Дура	128
Полукровка	128
Поживший холостяк	130
Большая луна	130
Мне нравится	131
На асфальте — листья	131
Мужик	132
Гармония любви	132
Не целовал	133
Святая юность	133
Дар	133
Страсть	134
Хвост	135
Просыпайся, солнышко!	135
Колобок	136
ЖИЗНЬ ПРЕКРАСНА!	137
Весна	139
С ярмарки	139
Вьюга	140
Умиротворение	141
Ночная сигарета	141
Не хочешь знать порока...	142
Жизнь	142
Холодное харчо	143

Заначка	143
Править творчество	144
Звездный пес	144
Выхожу из тела	145
Охота	146
Моя Одесса	147
Глагол	148
Рыбалка	149
Питомец	150
Собачья верность	151
Буся	152
Отрезало	152
Зимний лес	153
Спросонок	154
Чудо-холода	155
Портал	155
Сквозь дымку	156
Осенний марафон — 4G	156
Поэты-циники	157
Оригами	157
Когда случится почивать вне дома	158
Ветру	158
В вихре гендерном	159
Электричка 7:14	159
Самолет надежды	161
Печень	161
Досада	162

Грузинский ресторан	163
Играю	163
Хватит жрать	164
Вкус яблока	165
Синим воротничкам	166
Честное пиво	168
Когда ты поешь	168
Стихи, сонеты...	169
Поэт-живописец	169
Поэзия и рэп	170
Зрелый лист	170
Белый зверь	171
Нежность	171
ВСЁ ПРОХОДИТ...	173
Судьбы не знать бы	175
Не просите напрасно	175
Дух	176
Сколько осеней	177
Поэты смертны	178
Время черных чернил	179
Седьмое небо	179
Друг	180
Долги друзьям	181
Частичка	182
Старец	182
Беда	183
Пели бабушки	184

Старый кларнетист	185
Ветеран	185
Холокост	186
Художник	186
Мать или мачеха (<i>размышления о Родине</i>)	187
Родина	188
Держать ответ	189
Израильтянка	190
Одна на всех	191
Огонек	191
Хрупкость	192
Жребий	192
Болезнь, уйди!	193
Поколение задержалось	194
Чистилище	195
Остерегайся!	196
Соплеменник	196
На полустанке пустом	197
Другая война	198
Твой день	199
Не будут...	199
Война	200
9 Мая	200
Птицы	201
Свой жребий	201
Весна, скамейка, серое пальто	202
Сухостой	203

Крыса	203
Мне нет тепла	204
Тоска	205
Брак	205
Отшумели свадьбы	206
Мосток	206
Ушла	207
Пансион	208
Упокоен	208
Мне приснилось	209
Ноябрьский вечер	209
Листочки, облака	210
Пятница	210
Арктика	212
Холод планет	213
Холодный дождь	214
Машиах (<i>поэма</i>)	
Часть 1. Женщина	215
Часть 2. Раввинат	217
Часть 3. Ты Машиах	218
Часть 4. Воззвание	220
Часть 5. Исход	221
ТЕКСТЫ ПЕСЕН	223
В Дербенте дождь	225
Мангальщик	226
Бат-мицва	227
Брат	228

Братских народов семья	230
Влюблен	231
Старый тутовник	232
Пятьдесят	233
Поцелуй	234
Кунак	236
Дети гор	237
Душою радуюсь	240
Однажды русский генерал...	241
Дагестанка	243
Наши имена	244
Зимний вечер	244
Твои года не те	245
Мой сын	246
Пою!	247
Пальцы барабанщика	248
Семейный праздник	249
Тяпница!	250
Родная даль	251
Не забуду	252
Цветочек от любимой	254
Духделе	255
Зен жугьур	256
Душпере	257
ПОСВЯЩЕНИЯ	259
Наказ	261

Маме	264
Я не помню	265
Папе	266
Сестре	267
Младшей сестре	269
Мы встретимся снова	271
Изамудину	273
Мураду	275
Назиму	276
Спиной к арене	278
Музыканту	279
Октаю	280
Владимиру Тарасову	282
Боль	284
23 сентября	285
Памяти Вячеслава Галкина	287
Памяти Евгения Леонова	288
Памяти Зинаиды Исаковны	289
Прощай	290

Рахмилов Гемриил Исаевич

Дербент родной.

Поэтические сочинения

Книга 3 серии «Горские евреи»

*Издательство
Литературного объединения
горских евреев России*

<i>Примечания:</i>	<i>Гемриил Рахмилов</i>
<i>Редактор:</i>	<i>Наталья Ханина</i>
<i>Верстка:</i>	<i>Алексей Чистяков</i>
<i>Фото на обложке:</i>	<i>Нателла Бабаева</i>
<i>Фото на титульных:</i>	<i>Интернет-ресурс https://pastvu.com/</i>
<i>Фото в тексте:</i>	<i>из семейного архива автора</i>
<i>Обратная связь с автором:</i>	<i>gemriil@mail.ru</i>
<i>Авторский сайт</i>	<i>https://gemriil.ru</i>

Отпечатано в типографии «Бит-Принт».

Подписано в печать 10.07.2023 г. Формат 60×90 1/16.

Бумага офсетная 80 г/м². Гарнитура Times. Печ. л. 19.

Тираж 100 экз. Заказ № 0000.